ISSN 2560-3752 (Online)

АСПЕКТ

ЖУРНАЛ
ЧАСОПИС
социальных и гуманитарных наук
друштвене и хуманистичке науке

Февраль 1917
Фебруар 1917

в судьбах народов
у судбинама народа
Российской империи
Руског царства
и Русской православной церкви
и Руске православне цркве

№ 2(2)
2017

БЕОГРАД - МИНСК

BELGRADE - MINSK

ASPECT

АСПЕКТ № 2(2) 2017

Журнал социальных и гуманитарных наук

Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ФЕВРАЛЬ 1917 г. …»

⇒ Безнюк Д.К. «Анти-Конфуций или социология революции» - стр. 3

⇒ Шульгин В.Н. «Революция 1917 года: наказание, благо или каприз истории?» - стр. 14

⇒ Черепица В.Н. «События февраля-марта 1917 года в Петрограде на страницах ежедневного иллюстрированного журнала «Нива» - стр. 19

⇒ Шевченко К.В. «Революции 1917 года в России и исторические судьбы карпатских русинов» – стр. 26

⇒ Филатов А.С. «Цивилизационный выбор России: от 1917 к 2017(с отклонением в эпоху Ивана Грозного)» - стр. 30

⇒ Воробьев А.А. «Православное духовенство Северо-Западных губерний России и выборы в учредительное собрание» — стр. 51

⇒ Каиль М.В. «Белорусские иерархи русской православной церкви в условиях юрисдикционных конфликтов 1920-х гг.»— стр. 55

⇒ Гронский А.Д. «Идентичность постимперского пространства в начале XX в.»— стр. 59

⇒ Миронович А.В. «Православная Церковь на территориях Царства Польского (Польского королевства) в 1839 – 1918 гг» - стр. 68

⇒ Каркотко А.Ю., Куксинович Л.М. «Кароль Томкович кавалер ордена «Virtuti M litari» за Советско-польскую войну.» - стр. 76

ИСТОРИЯ

⇒ Jarosław Charkiewicz (Ярослав Харкевич) «Kanonizacja nowomęczenników okresu niewoli tureckiej w cerkwi prawosławnej (Прославление новомучеников османского периода в православной церкви)» - стр . 82

⇒ Бендин А.Ю. «Старообрядцы Северо-Западного края: религиозные изгои, преданные России.» – стр. 93

⇒ Середа А. С. «Институт мировых посредников и Православная церковь в белорусских губерниях во 2-й половине XIX в.» - стр. 102

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

⇒ Аврутин А.Ю. «Рыцарь русского образа. Заметки о поэзии Валерия Хатюшина» - стр. 108

- СВЕДЕНИЯ О ЖУРНАЛЕ «АСПЕКТ» - стр. 113

Международное научное электронное издание

Издается совместно:
- Центар академске речи
(Београд-Шабац, Србија) www.carsa.rs
- Научно-просветительский проект
"Западная Русь"
(Минск) http:// apadrus.su

Редакционный совет:

Александр Бендин (Минск)
Александр Гегальчий (Прага)
Александр Гронский (Минск)
Александр Киселев (Минск)
Анатолий Аврутин (Минск)
Валентина Теплова (Минск)
Всеволод Шимов (Минск)
Кирилл Шевченко (Минск)
Юрий Аверьянов (Москва)

Главные редакторы:

Др Зоран Милошевић (Београд)

Игорь Зеленковский (Минск)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија
http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com
ISSN **2560-3752** (Online)
Номер вышел в мае 2017 г.

ASPECT № 2(2) 2017

Humanities and Social science magazine

February 1917
in the destinies of the peoples of the Russian Empire and he Russian Orthodox Church

MATERIALS OF THE CONFERENCE "FEBRUARY 1917 ..."

⇒ Dmitry Bezniuk “An -Confuc ons or sociology of the revolutio ” - page 3

⇒ Vladimir Shulgin “Revolution of 1917: punishment, blessing or whim of history?” - page 13

⇒ Valeriy Cherepitsa “Events of February-March 1917 in Petrograd on the page of the daily illustrated journal "Niva" - page 19

⇒ Kirill Shevchenko “The revoluti ns of 1917 in Russia and the historical des na ons of the carpathian rusyns” - page 26

⇒ Anatoly Filatov “Civilization choice of Russia: from 1917 to 2017 (with a deviation during Ivan Grozny's epoch)” - page 30

⇒ Alexander Vorobiev “Orthodox clergy of north-western provinces of Russia and elec ons to the constitue t assembly” - page 51

⇒ Maksim Kail “Belarusian bishops of the Russian orthodox church in terms of jurisdictional conflicts of the 1920s” - page 55

⇒ Alexander Gronskii “Identity of the post-imperial space in the early 20th century” - page 59

⇒ Anton Mironovich “Orthodox Church on the territories of the Kingdom of Poland in 1939-1918” - page 68

⇒ Andrey Karkotko, Leon Kuksinovich “Karol Tomkovich is a Cavalier of the Order "Virtuti Mili ari" for the Soviet-Polish war.” - page 76

HISTORY

⇒ Jaroslaw Charkiewicz “Canonization of the new-martyrs of the o oman period in the orthodox church.” - page 82

⇒ Alexandr Bendin. “Old-believers of the North-Western territory: religious issues prepared by Russia.” - page 93

⇒ Artiom Se eda. «The Institu e of Social Mediators and the Orthodox Church in the Belarusian provinces in the 2nd half of the XIX century” - page 102

LITERARY CRITICISM

⇒ Anatoly Avrutin. “Knight of russian type. Notes on the poetry of Valery Khatyushin” - page 108

- ABOUT MAGAZINE - page 115.

International esearch electronic publishing

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs

- Scien fic and educational p oject "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editorial Council::

Alexander Bendin (Minsk);
Alexander Gegalchy (Prague);
Alexander Gronskii (Minsk);
Alexander Kiselev (Minsk);
Anatoly Avrutin (Min k);
Valentine Teplova (Minsk);
Vsevolod Shimov (Minsk);
Kirill Shevchenko (Minsk);
Yury Averyanov (Moscow)

Editor in Chief:

Zoran Milosevic (Belgrade)

Igor Zelenkovsky (Minsk)

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com

ISSN **2560-3752** (Online)

Issued in May 2017

АНТИ-КОНФУЦИЙ ИЛИ СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ[1]

ANTI-CONFUCTIONS OR SOCIOLOGY OF THE REVOLUTION

УДК 308.316.4

Дмитрий Константинович Безнюк ,
доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета
(Минск, Белоруссия)

Dmitry Bezniuk,
Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology Belarusian State University
(Minsk, Belarus)

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена обзору содержания разработки теории революции в современ-ной социальной теории. Выделены основные тематические и проблемные зоны, дано описание решения важных теоретических проблем социологии революции.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Революция, социология, теория революции, причины революции, последствия ре-волюции, классификация революций, методология.

ABSTRACT. The artic e is devoted to a review of the content of the development of the theory of revolution in modern social theory. The main thematic and problem areas are singled out, and the solution f important theoreti al problems of the sociology of the revolution is desc ibed.
KEY WORDS. Revolution, sociolog , theory of revolu on, causes of revolu on, consequences of revolu-tion, c assifi ation of revolu ons, methodology.

Мы здесь как на темнеющей арене,
Где все смешались: жертвы, палачи,
Где армии неведж гремят в ночи.
М.Арнолд «Дуврское взморье»

.

Конфуций полагал за главные принципы эффективного управления обществом (государством) два: *ритуал* как воплощение традиции и *уважение* других, прежде всего старших по возрасту и по статусу. Первый принцип, по сути, можно определить как консерватизм, второй – как лояльность иерархичности. Их соблюдение должно привести к созданию и дальнейшему воспроизводству тотальной социальной гармонии, нарушение и разрушение которой, что естественно, вызывается несоблюдением этих принципов. Последняя ситуация суть патология, избегание которой выступает содержанием деятельности любого управленца (правителя). Все просто и понятно! Но пресловутый «ветер перемен» этизированную схему управления мудрого китайца подверг жесткой проверке с помощью уже привычного нам феномена социальной революции, которая принципиально направлена на ниспровержение конфуцианских принципов…

Понятие революции является одной из тех категорий социальной теории, без помощи которой затруднительно объективно взглянуть на исторический процесс, в частности, проникнуть в сущность его базовых процессов – процессов изменений, трансформаций, переходов. Интерес к факту революции сформировал в первой тре-

1. Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

ти XX веке особое научное направление, получившее название «социология революции». Начало ему было положено в 1920-е годы трудами российско-американского социолога П. Сорокина. Социологическая перспектива видения и анализа революции не была очевидна, она требовала обоснования, логичной и ясной аргументации. Она нашлась в логике и методологии самой социологии, которая заявила о научном изучении общества, а если конкретнее, капиталистической социальной системы, которая вышла из колоссальных экономических и политических трансформаций феодального мира. Очищенные от случайностей, типичные, устойчивые формы, процессы, характеристики, причины и следствия развития капитализма как нового формата цивилизации и стали объектом социологии. Такая установка была перенесена П.Сорокиным и на феномен революции – переиначивая В. Зомбарта, он пишет: «... *Русская* революция с присущими ей дет алями и подробност ями – объект историка, а русская *революция* как тип – объект социолога» [6, с. 266]. Сорокинский подход открыл новые перспективы в изучении и осмыслении революций, как части исторического и актуального социального бытия. Профессор Нью-Йоркского государственного университета М. Киммель замечает, что социальная «теория революции должна быть внутренне непротиворечивой, должна объяснять причины, и иметь своим предметом набор эмпирических примеров, которые попадают под определение, которое она дает. Теория революции должна отвечать на пять основных вопросов: 1) Что такое революция? 2) Что изменяется в процессе революции? 3) Каковы причины революции? 4) Почему люди участвуют в революциях? 5) Каковы последствия революции?» [Цит. по 3, с. 30-31].

На сегодняшний день, в рамках социологии революции, мы можем констатировать целый ряд проблемных полей, которые отражают спектр интересов и исследовательских возможностей современной социальной теории в области изучения революции. К таковым следует отнести:

дефинитарные проблемы, кот орые напрямую связаны с *субстанциональными*;

проблемы *типологии/классификации* революций;

каузальные проблемы, т есно связанные с проблемой общей *методологии* анализа феномена революции;

проблемы выявления *последствий* революций и ее общей *оценки*.

Рассмотрим варианты решения этих проблем с попыткой анализа их объяснительного и эвристического потенциала. Сразу оговоримся, что теоретико-методологические и метафизические аспекты затрагиваемых нами социологических теорий революции всегда нуждаются в погружении в реальный социально-исторический контекст, нуждаются в привлечении живого культурологического, политического, экономического, психологического материала.

Проблема научного, академического **определения** революции возникает сразу с возникновением социологического анализа революции и, что естественно, несет на себе отпечаток, по крайней мере, двух факторов: методологические установки автора и авторская оценка революции. Уже П. Сорокин различает субъективные, умозрительно-слащавые определения и дефиниции восходящие к натуралистической, научно-объективистской логике. Он предлагал смотреть на революцию как на насилие, «социальную болезнь», которая сопровождается масштабными изменениями общества в демографических, структурных, психологических и процессных проекциях. Эта позиция вполне закономерна, если учесть, что:

«Огромную роль в институционализации понятия «революция» в его современном значении как насильственного обновления не только в политическом, но и социальном устройстве общества, внесли общественные деятели и публицисты времен Войны за независимость США и Великой французской революции, а также социали-

сты-утописты» [3, с. 17]. До П. Сорокина господствовала политическая проекция видения, а, значит, и определения революции. Эти определения сводились к фиксации роста степени политической свободы, борьбы за права, смены политических элит, борьбы политических классов и пр.

Основные схемы осмысления революции детерминированы, как правило, просветительской логикой XVIII в., которая задает пространство этой темы триадой «эволюция – революция – прогресс». Не стоит забывать и того факта, что объектом рефлексии были революции, связанные с формированием *европейского модерна*, главными атрибутами которого являются коммерциализированное масштабное индустриальное производство, правовое государство в купе с гражданским обществом, автономный индивид-потребитель, культ рациональности.

А. де Токвиль по поводу французской истории XVIII века, писал в 1856 г., что «революция уничтожает сложившиеся политические устои, называемые обычно феодальными порядками, которые на протяжении многих веков безраздельно царили у большинства европейских народов, чтобы установить более однообразный социально-политический строй, имеющий в своей основе равенство условий» [7, с. 29]. Современный вариант представляет М. Киммель в книге 1990 г. «Революция: социологическая интерпретация»: «Революция – это попытки подчиненных групп изменить социальные основы политической власти» [Цит. по 1].

Как мы уже отмечали, проблемы дефиниции революции напрямую связаны с субстанциональными проблемами, с попыткой выявить **суть**, **основное содержание** этого явления, которое и находит отражение в определении термина «революция». П. Сорокин видел суть революции в «фундаментальных процессах» изменений все социальной системы – от поведения индивидов до институциональной ломки и изменения характера социальных процессов.

Польский социолог П. Штомпка в своем фундаментальном труде по социальным трансформациям (1993), выделяет три группы определений революции, которые отражают три варианта понимания сущности этого социального явления:

«В первую входят определения, согласно которым революции – это фундаментальные, широко распространенные преобразования общества (здесь явно подразумеваются «великие» революции). Внимание акцентируется прежде всего на масштабах и глубине преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «реформам». Так, она определяется как «неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структуре общества», как «сметающее все, неожиданное изменение в социальной структуре или в некоторых важных ее элементах». Аналогичный смысл вкладывается в понятия «технологическая», «научная» или «моральная революция» и «революция в моде» «революция в искусстве».

Вторая группа включает определения, в которых упор делается на насилие и борьбу, а также на скорость изменений. Центр внимания перемещается на технику преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «эволюции». … Возможно, наиболее полезны определения третьей группы, сочетающие в себе оба аспекта. «Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства». «Быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур общества путем переворотов снизу». «Захват насильственными методами государственной власти лидерами массовых движений и последующее использование ее для проведения крупномасштабных социальных реформ» [8, с. 370-371].

Сам П. Штомпка называет революцию «пиком социальных изменений» и к ее сущностным особенностям, отличающими революцию от других форм социальных изменений, относит: «1. Они затрагивают все уровни и сферы общества: экономику, политику, культуру, социальную организа-цию, повседневную жизнь индивидов. 2. Во

всех этих сферах ре-волюционные изменения имеют радикальный, фундаментальный характер, пронизывают основы социального устройства и функ-ционирования общества. 3. Изменения, вызываемые революциями, исключительно быстры, они подобны неожиданным взрывам в медленном потоке исторического процесса. 4. По всем этим причинам революции представляют собой наиболее характерные проявления изменений; время их свершений исключительно и, следовательно, особенно памятно. 5. Революции вызывают не-обычные реакции у тех, кто в них участвовал или был их свидете-лем. Это взрыв массовой активности, это энтузиазм, возбуждение, подъем настроения, радость, оптимизм, надежда; ощущение силы и могущества, сбывшихся надежд; обретение смысла жизни и утопические видения ближайшего будущего» [8, с. 367].

Российский философ Ю.Н. Назаров подытоживает свое исследование анализа революции в социальной теории так: «на протяжении XIX-XX вв. термином «социальная революция» большинство отечественных исследователей обозначало совокупность коренных экономических, политических и идеологических изменений в процессе становления нового общества… В отечественной социальной философии выработано понятие революции как совокупности коренных восходящих изменений, присущих и развитию системы общества в целом, и развитию отдельных его элементов… Революция – это коренное изменение одного или нескольких элементов общества (социального организма), а также системы «общество» в целом» [5].

Российский социолог Д.Ю. Карасев попытался выделить в разноголосье теорий революции те общие моменты, в которых сходится большинство современных социологических теорий: «Эти моменты касаются характера революционного субъекта, революционных результатов и революционного метода. Революции, во-первых, с необходимостью должны включать массовое социальное движение мобилизованное снизу. В противном случае речь о государственном перевороте. Во-вторых, революции с необходимостью ведут к радикальным и крупномасштабным изменениям не только в политической, но и социальной сферах жизни общества. Там, где за захватом политической власти не последовало институциональное строительство, преобразования в классовой структуре общества, общественной культуре, возможно говорить лишь о политической, но не о социальной революции. В-третьих, революция в качестве своего метода предполагает насилие или угрозу насилия» [3, с. 31-32]. Заметим, что последний момент наиболее спорный, так как многие исследователи парируют его указанием на ряд бескровных революций периода распада Советского блока в Европе.

Дж. Голдсоун, исследуя широчайший спектр определений революции, обнаруживает три фундаментальных ее характеристики: «а) попытки изменить политический режим, опирающиеся на конкурирующее представление (или представления) о справедливом строе; б) заметную степень неформальной либо формальной мобилизации масс; в) попытки форсировать перемены посредством таких неинституционализированных шагов, как массовые демонстрации, пикеты, забастовки или насильственные действия» [2].

Помимо выше описанных сущностных характеристик революции, надо упомянуть еще, как минимум, две.

Во-первых, к таковым следует отнести *пороговость* или финальность, т.е. завершение какого-либо старого, прежнего (этапа, периода, качества, характеристики и т.п.) и начало нового. Все исследователи видят в революции появление нового, не всегда запланированного, не всегда лучшего, не всегда завершенного, но всегда нового, отрицающего старое.

Во-вторых, социальные революции всегда имеют свое сакральное ядро, оправдывающее и легитимирующее форму и технологию революционного преобразования. Это ядро – идея *справедливости*, которая и есть правильность, долженствова-

ние. Кстати, субъективизм в трактовке справедливости, питает большинство психологических теорий революции.

Попытки вскрыть суть революции всегда происходят на фоне четкого осознания того факта, что мы имеем дело с большим числом различных по характеру, специфике, последствиям, субъектам, причинам революций. «Нашего внимания в качестве примеров революций требует обширный диапазон событий от фашистских, нацистских и коммунистических преобразований в первой половине XX в. до краха коммунистических режимов в его конце; от идеалистических революций в Америке и во Франции в конце XVIII в. до хаотических революционных войн в Африке в конце XX в.» [2]. Это автоматически ставит проблему **классификации** революций, как попытки упорядочить и систематизировать это множество конкретно исторических проявлений и форм революционных процессов.

В любой науке проблема классификации – это проблема выбора критерия для ее проведения. В социологии революций, что естественно, таких критериев много: «Одни революции отличаются своими героями, другие – своими последствиями. Революции, которые наряду с политическими институтами преобразуют экономические и социальные структуры – например, французская революция 1789 г. – называются великими; те, которые изменяют лишь политические институты, называются политическими революциями. Революции, связанные с независимыми выступлениями низших классов, получили название социальных революций, в то время как широкомасштабные реформы, осуществляемые элитами, которые непосредственно управляют мобилизацией масс, иногда называются элитарными революциями или революциями сверху. Революции, не приводящие к удержанию власти после временных побед или крупномасштабной мобилизации, называются неудавшимися; оппозиционные движения, либо не нацеленные на захват власти (крестьянские или пролетарские протесты), либо охватывающие конкретный регион или какую-то долю населения, обычно получают определение восстаний (если носят насильственный характер) или движений протеста (в случае преимущественно мирного характера)» [2].

Для современной социальной теории важно различать характер и сферу революционных преобразований. Революции могут быть политическими (или социально-политическими) – классический образчик революции; научными/научно-техническими; сексуальными; технологическими и пр. Такое разнообразие видов и типов революций продиктовано сложностью социальной организации современного общества, разнообразием и множеством публичных социальных практик современного человека, технологизацией социального пространства и культурной сферы. В связи с этим фактом наибольший интерес при изучении революций вызывает вопрос их **причин**, проблема причинно-следственных связей в рамках революционного процесса, загадка происхождения «социального взрыва».

Ф. Бэкон и Т. Гоббс, которые впервые активно стали употреблять термин «революция» для описания исторических и политических сюжетов, не дали четкого ответа на вопрос о причинах революции, хотя интенции были ясны – недовольство народа. Как замечает Э.Э. Шульц, проблему причин революции пришлось решать позже, начиная с анализа Американской и Французской революций: «Английский политик и публицист Э. Бёрк (1729–1797) в качестве причин революций называл личностный фактор – назначение на должности людей, не соответствующих требованиям и своим должностям. Историк Французской революции немец В. Блос (1849–1927) считал основной причиной событий 1789 года личность правителя. Политический деятель эпохи Великой французской революции А. Барнав (1761–1793) писал в 1793 году, что «революции правлений» «зависят от страстей и воли человека» и «не могут подчиняться точным и рассчитанным законам, приложимым к движениям неодушевленной материи». Т. Карлейль (1795–1881) также делал упор на массовую психологию, считая, что «эпохи неверия» «скоро и неизбежно превращаются в эпохи

революций». С таким подходом спорил французский государственный деятель начала XIX века Ж. де Местр (1753–1821), который был уверен, что революция управляет людьми, а не люди революцией: они действуют не в зависимости от собственного замысла, а предопределенным образом. … Революции предопределены и неизбежны, считал де Местр, их невозможно предупредить и им нельзя воспрепятствовать. Таким образом, появились первые полярные точки зрения: революции – это процесс, вызываемый субъективным фактором или некоей объективной силой, обстоятельствами» [9, с. 102-103].

Основоположник социологии революции П. Сорокин, при ответе на вопрос о причинах революций, тяготел к социально-психологической логике: «Анализируя предпосылки революции, правильнее было бы начать с причин, порождающих революционные отклонения в поведении людей. Если поведение членов некоего общества демонстрирует такие отклонения, то и все общество должно быть подвержено подобным изменениям, поскольку оно представляет собой сумму взаимодействующих друг с другом индивидов» [6, с. 272]. Непосредственной предпосылкой любой революции П. Сорокин полагал увеличение степени подавления «базовых инстинктов» большинства населения и невозможность даже минимального их удовлетворения. К таковым инстинктам он относил [см. 6]:

«пищеварительный рефлекс»;

«инстинкт самосохранения»;

«рефлекс коллективного самосохранения» (семьи, общины, религиозной группы, партии);

«потребность в жилище, одежде и т. п.»;

«половой рефлекс»;

«собственнический инстинкт масс»;

«инстинкт самовыражения или индивидуальности»;

«импульс к борьбе и соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребность в свободе».

Подавление этих инстинктов и импульсов приводит к массовым девиациям и разбалансированию системы. К этой субъективно-психологической составляющей П. Сорокин добавляет еще одну составляющую причин революции – он пишет: «Кроме универсального подавления базовых инстинктов человека существует еще одно немаловажное условие, необходимое для продуцирования революционного взрыва. Это – недостаточное и недейственное сопротивление революционному подъему репрессированных масс. Под недостаточностью и недейственностью я подразумеваю неспособность властей и властвующей элиты: а) разработать контрмеры против давления репрессированных инстинктов, достаточных для достижения состояния социального равновесия; б) удалить или, по крайней мере, ослабить условия, продуцирующие "репрессии"; в) расщепить и разделить репрессированную массу на группы, настроив их друг против друга, в целях их взаимного ослабления; г) направить "выход" подавленных импульсов в иное, нереволюционное русло» [6, с. 287-288].

Таким образом, по мнению П. Сорокина, к революции приводит следующее: растущее подавление базовых инстинктов, их всеобщий характер и бессилие групп порядка в адекватном описании ситуации. Эти причины, с позиций современных исследований, следует дополнить объективным контекстом: «Многие современные теоретики революций принимают характерную для марксизма трактовку этого явления как рационального процесса или, по крайней мере, как рациональной реакции на иррациональные социальные обстоятельства. М. Киммель пишет: "Идеи и эмоции надо рассматривать в социальном контексте; структурные изменения в обществе создают основу для революционного поведения, которое в результате выглядит как рациональное и объяснимое, а не только как проявление слепого гнева иррациональ-

ной толпы"» [10, с.6].

Все попытки выявления причин революций плотно завязаны на методологию исследования революции, на логику авторского видения, на теоретико-методологические форматы исследовательского подхода к революции. Для представления спектра этих подходов к выявлению причин революций можно обратиться к исследованию российского историка и социолога Б.Н. Миронова, который на примере русской революции 1917 года «обкатал» имеющиеся в арсенале аналитиков методологические подходы – марксистский, мальтузианский, модернизационный, институциональный, психосоциальный, структурный, политический, экономический – с целью соотнести выявленные ими причины русской революции с историческими и статистическими реалиями. В результате у Б.Н. Миронова получилась целая панорама причин, распределяемых по уровню правдивости и эмпирической верифицированности.

Марксистский и близкий ему *мальтузианский* подходы видят причину революций в противоречии уровня развития производительных сил и оформляющих их производственных отношений. На этом фоне обостряются экономические, политические и иные противоречия, что ведет к ужесточению форм классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми. В.И. Ленин непосредственной причиной революции обозначил «кризис верхов».

Структурный подход главную причину революции видит в сильном имущественном разрыве между слоями общества, который обеспечивает и разрыв правовой, культурный и пр.

Политический подход непосредственные причины революции усматривает «главным образом в конфликтах между властями и элитами, внутри элит, между элитами и различными социальными группами. В основе конфликтов – *борьба за политическое господство,* что является непременным спутником общественной жизни любого государства, не исключая так называемых современных демократий, где переход власти от одной группировки к другой институциализирован и введен в цивилизованные процедуры. В данном случае речь идет не о классовой борьбе в марксистском смысле: столкновения имеют преимущественно политическую, а не социальную подоплеку» [4].

Психосоциальные теории революции (революция как патология и теория относительной депривации) склонны искать причины революционных волнений в психической реакции населения на неудовлетворенные ожидания, в ослаблении дисциплинарного порядка, росте девиаций и пр.

Институциональная теория революции исходит из того, что в основе социальных сдвигов лежат изменения общественных институтов или глобальных правил игры: законов, норм, традиций, верований, стереотипов. При развитии общества (экономическом, прежде всего) старые институты становятся социальными и психологическими ограничителями, которые не справляются с оформлением новых условий. «Революционная ситуация складывается постепенно. Как ни парадоксально, ей, как правило, предшествует длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе» [4].

Модернизационная парадигма изучения революций помещает их в контекст перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному и далее постиндустриальному обществу. «Как показывает мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено немало подводных камней, проблем и опасностей для социума. Модернизация требует больших издержек, ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и целых социальных групп, не приносит равномерного благополучия сразу и всем. Процесс не всегда устойчив, чреват сбоями и откатами назад. Периоды активной деятельности по совершенствованию социальных структур и институтов сменяются периодами усталости или самоуспокоенно-

сти, сопровождаемые лишь слабыми попытками обновления. «Осовременивание» различных сфер общественного организма может осуществляться далеко не синхронно, порой за счет других, что должно приводить к противоречиям, напряженностям, несоответствиям между ними. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми разными социальными группами. Модернизация способствует обострению национального вопроса в многонациональных государствах. Все это имеет одно неизбежное следствие — увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причем, как ни парадоксально, существует прямая связь между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью; чем успешнее модернизация, тем, как правило, выше конфликтность» [4].

Повторимся, все эти подходы Б.Н. Миронов проверяет историческими и статистическими реалиями русской революции и приходит к выводу, что «ни марксистская, ни мальтузианская (в классической или современной версии) интерпретации, ни структурная, ни психосоциальные концепции революции не подтверждаются эмпирически. Теория модернизации, а также институциональная и политическая концепции объясняют происхождение русских революций 1905 г. и 1917 г. намного убедительнее» [4].

Уже П. Сорокин, воспринимая Русскую революцию как «трагедию» и «патологию» понимал, что при оценке ее **результатов** необходимо максимально дистанцироваться от эмоций и субъективизма, хотя автору этих строк очень трудно удержаться и забыть, что слова «революция» и «револьвер» однокоренные (от лат. «revolvere» – переворачивать). Любая революция порождает энное число романтиков, оценивающих ее сквозь призму упоминаемой нами выше справедливости, но социальная теория революции требует иного масштаба и инструмента оценки. В этой связи известный афоризм о персонажах революции (революцию придумываю гении, делают фанатики, а плоды пожинают проходимцы) можно считать универсальной формулой.

При изучении последствий революции, проблемное поле формируется за счет нескольких сюжетов:

В логике оценок последствий революции, как при установлении ее причин, борются две позиции: «объективистская» отстаивает тезис о разумности преобразований, о плановости изменений, о доминировании рациональных начал в революционных преобразованиях; «субъективистская» настаивает на значимости случайности, иррациональности, хаотичности игры истории. Именно сбои в запланированных результатах революционных преобразований порождают основную интригу для исследователя – соотношение субъективного и объективного факторов в революционном процессе.

До сих пор нет четких критериев окончания революции. Здесь можно вспомнить дискуссии между Л.Д. Троцким и И.В. Сталиным, между Г. Штрассером и А. Гитлером. По этому поводу Дж. Голстоун замечает: «Стинчкомб вполне разумно указывает, что революция заканчивается тогда, когда стабильность и выживание институтов, учрежденных новым режимом, более не вызывает сомнений. Но даже такое определение двусмысленно, поскольку оно может существовать в слабом и в сильном вариантах. Согласно слабому варианту, революция завершается, когда важнейшим институтам нового режима уже не грозит активный вызов со стороны революционных или контрреволюционных сил. Из этого подхода следует, что французская революция завершилась в термидоре 1799 г., когда Наполеон захватил власть, русская революция 1917 года завершилась в 1921 г. победой большевиков над белыми армиями, а мексиканская революция 1910 года завершилась в 1920 г., когда президентом стал Обрегон. Однако сильное определение, согласно которому революция заканчивается лишь тогда, когда ключевые политические и экономические ин-

ституты отвердели в формах, которые в целом остаются неизменными в течение значительного периода, допустим, 20 лет, – приводит к совершенно иным результатам. Согласно этому определению… французская революция завершилась лишь с провозглашением французской Третьей республики в 1871 г. Русская революция 1917 г. должна считаться незавершенной вплоть до сталинских чисток 1930-х гг., а конец мексиканской революции 1910 года следует отнести к 1940 г. – к реформам Кардена-са. Если на то пошло, то китайская революция, начавшись в 1910 году, все еще продолжается, так как ни рес- публиканская, ни националистическая, ни коммунистическая, ни Великая пролетарская культурная революции не привели к установлению долговечного социально-экономического строя» [2].

Исследователи разводят результаты «великих революций», больших социально-политических поворотов истории и «локальных» или отраслевых революций (научных, технических и пр.).

Пожалуй, все современные исследователи революции, так или иначе, отталкиваются (в критике и апологии) от марксистской идеи результата революции как смены этапов на пути прогресса. Эта идея подразумевает наделить результат революции еще такими характеристиками как масштабность и комплексность. Отец-основатель социологии революции, П. Сорокин, полагал, что результат революционных преобразований носит множественный характер и сказывается на всей социальной системе: «Во-первых, революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменение в биологическом составе населения, его воспроизводства и процессов отбора. В-третьих, это – деформация всей социальной структуры общества. В-четвертых, революция привносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах» [6, с. 269-270].

Российский исследователь Ю.Н. Назаров, изучая достижения современной социально-философской теории революций, предлагает видеть в структуре социальных революций три составные части: материально-производственную, политико-управленческую и духовно-идеологическую революции [см. 5]. Каждая составляющая несет в себе свои специфические результаты, совокупность которых сказывается на характере всей социальной системы. Материально-производственная революция своим результатом переход к новому технологическому способу производства и смену одного типа экономических отношений другим. Результат политико-управленческой революции – замена одних отношений собственности другими. Духовно-идеологическая революция заканчивается коренными изменения в самосознании и мировоззрении как отдельных социальных групп, так и общества в целом.

По поводу результатов демократических революций последних столетий Дж. Голдстоун отмечает, что они сводятся к установлению символического равенства и перераспределению богатства. К этому можно добавить изменение статуса государства на международной арене [см. 2].

Подводя итоги нашему обзору, следует сказать, что XXI век дарит исследователям революций новые интересные факты в виде цветных революций, научно-технических переворотов, гибридных войн и пр., ранее не известных человечеству. Все это заставляет с социологов, историков, политологов с неослабевающими усилиями совершенствовать свой аналитический арсенал в попытке понять новое грозное время.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бэттлер, А. Революция, прогресс и религия / А. Бэттлер. – [Электронный ре-сурс]. – Режим доступа: http:/ olegarin.com/olegarin/Revolucia,_progress_i_religia.html – Дата доступа: 10.05.2017.

2. Голдстоун, Дж. К теории революции четвертого поколения / Дж. Голстоун. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ww .ruthenia.ru/logos/ number/56/06.pdf – Дата доступа: 11.05.2017.

3. Карасев, Д.Ю. Современные зарубежные теории социальных революций: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01 / Д.Ю. Карасев. – [Электрон-ный ресурс]. - 2015 – Режим доступа: htt s://istina. su.ru/media/ dissertati ns/dissertation/ d3/ada/9611844/DissertatsiyaKarasev.pdf. – Дата доступа: 10.05.2017.

4. Миронов, Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции / Б.Н. Миронов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w w.bmironov.spb.ru/ russkaya-revolyuciya-1917-goda-v-kontekste-t/ – Дата доступа: 10.05.2017.

5. Назаров, Ю.Н. Революция как предмет социально-философского исследова-ния: автореф. дис. ... д-ра. экон. наук : 09.00.11/ Ю.Н. Назаров. – [Электронный ресурс]. – 2006 – Режим доступа: http://w w.dissercat.com/content/revolyutsiya-kak-predmet-sotsialno-filoso skogo-issledovaniya.

6. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Про-гресс, 1992. – 543 с.

7. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль; пер. с фр. Л. Н. Ефи-мова. – СПб. : Алетейя, 2008. – 248 с.

8. Штомпка, П. Социология социальных изменений: пер, с англ, под ред. В.А.Ядова / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

9. Шульц, Э.Э. Причины революций: «Голова или кошелек?» / Э.Э. Шульц // Историческая психология и социология истории. – Том 7, № 1. – 2014. – С. 102-119.

10. Юревич, А.В. Психология революций. Препринт WP6/2007/03 / А.В. Юревич – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 32 с.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: НАКАЗАНИЕ, БЛАГО ИЛИ КАПРИЗ ИСТОРИИ?

REVOLUTION OF 1917: PUNISHMENT, BLESSING OR WHIM OF HISTORY?

УДК 930.85

Владимир Николаевич Шульгин,
доктор исторических наук, действительный член Академии геополитических проблем,
(Калининград, Российская Федерация)

Vladimir Shulgin,
Doctor of Historical Sciences
Full member of the Academy of Geopoli cal Problems
(Kaliningrad, Russian Federati n)

РЕЗЮМЕ . Революция началась задолго до 1917 года. Правящий класс Империи не услышал предостережений четырёх поколений консерваторов (от Карамзина до Розанова). Правительство продолжало не верить в русскую самобытность. Интеллигенция пошла учиться у Канта и Маркса. Недопустимо трагедию Революции – столетнего процесса – сводить только к радикализму большевиков.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Революция, историческая преемственность, законность Христианской верховной власти, свобода воли, либеральное искажение истории

ABSTRACT . The revolution began long before 1917. The ruling class of the Empire has not heard the warnings of four generati ns of conservati es (from Karamzin to Rozanov). The government conti ued to not believe in Russian identi y. The intelligentsia began to learn from Kant and Marx. It is unacceptable for the tragedy of the Revolution - a century-old process - to be reduced only to the radicalism of the Bolsheviks.
KEY WORDS . Revoluti n, historical continu ty, the legitimacy f the Christi n supreme power, free will, liberal distorti n of history

Кн. П.А. Вяземский определил, что революционной у нас являлась царская власть, а народ в массе и до XIX в. оставался консервативен. Он, как и его учитель Н.М. Карамзин, заключивший о «вине» Пётра I, а затем и А.С. Пушкин, назвавший великого монарха «протестантом царём», понял, что первоначальную природу отечественной революционности надо искать в силовом «петербургском» уклонении от «московской» традиции. Задолго до XX века верховная власть продемонстрировала плюсы и минусы эпохальных действий «по теории», презревшей обычаи, привычки, эту «душу держав» (создание передовых Армии и Флота обернулось расколом народа).

Исходя из такой методологии, и 1917 год следует воспринимать как великий, но частный случай той революционной парадигмы модернизации, в которую Россия вступила во второй половине XVII в., с одной стороны, противостоя Западу, а, с другой стороны, завидуя ему, забывая о своих самобытных началах. Так что у большевиков были и вполне отечественные предшественники.

Впрочем, наше общество до сих пор расколото в оценке Революции, выпавшей на 1917 год, величие которой вполне соответствует месту России в мире, родившей Сталина, этого «красного Августа», человека поистине «земшарного» масштаба. Не утихают «либеральные» нападки на большевизм, который подчас воспринимается, как нашествие марсиан, напавших сначала на чистых реформаторов Февраля 1917, а затем ударивших и по народу. Конечно, все эти инвективы – следствие забвения единства и преемственности отечественной истории. Говоря коротко, если бы не случилось измены либералов законному царю, совершенной ради перехвата верховной власти, то у большевиков не было бы возможности осуществить очередную «властную рокировку».

Люди здравого смысла это понимают. Помнится, как проф. С.П. Капица вспоминал, что его отец, столь много сделавший для создания «ядерного щита» России при

Сталине, цитировал Апостола Павла, учившего, что всякая власть «от Бога». Ученый обратил внимание на эту истину, проливающую свет на природу государственности, помогающую пойти правильным идейным путем в оценке природы Революции. Государственная власть либо делегируется Богом, и тогда по молитвам народа к нему нисходит Царство, либо, в случае его повреждения, попускается (разрешается) и самому попробовать установить верховную власть. В первом случае люди соглашаются жить «по Богу», во втором, революционном – «по человеку». И таким человеком сначала, после Октябрьского завершения дела Февраля, стал Ленин, а затем, в результате ожесточенной борьбы за лидерство, всю власть взял Сталин. Вспомним предысторию воцарения большевиков. Смута в умах, генералитет за исключением буквально единиц изменяет законному царю, потребовав от него отречения, то есть нарушения Основных Законов Российской Империи. Позже генерал Алексеев, зачинатель Белого движения на Дону, будет раскаиваться, что сыграл страшную роль по организации коллективного неповиновения командующих Императору, поняв – не будь измены, не сучилось бы и Гражданская войны.

Ужас был и в том, что преобладающая часть священноначалия Русской Церкви не осмелилась сказать «нет» разрушительному Февралю, думая, что наступила возможность, наконец, отказаться от казенной обер-прокурорской опеки Синода, которую установил Петр Великий. Даже церковные люди попали на время в плен революционного сознания, не умея предположить, что заклейменный Синодальный период при царях очень скоро покажется им сущим раем по сравнению с тем адским положением, которое установится при Ленине, когда верующие будут изничтожаться тысячами. [1] Поэт Максимилиан Волошин был прав, когда пенял России, одурманенной революционными лозунгами: «Ты царевой быть не захотела...».

В результате самочинных действий революционеров-февралистов, законный Государь был пленен в собственном поезде. Царь почувствовал всеобщую «измену, трусость и обман», о чем и записал в дневнике. Что же произошло в глубинных основах бытия России? *Была устранена законная Христианская государственная верховная власть* (не рассматриваю проблемы первичного уклонения царской власти, начиная с Петра Великого, от идеалов Православной Симфонии и народных традиций). Теперь сами люди решили «всем володети». В середине XIX в. архимандрит Феодор (Бухарев), размышляя о священном, сокровенном характере русского Царства, говорил, что царскую власть «вымолило» у Небес немощное людское бессилие. В 1917 же году множество людей возомнило, что *Бога нет, значит и Царя не надо*. Сейчас как Божий день ясно, какого преступного масштаба была эта ошибка! Недаром солдаты падали в обморок во время прощания с ними царя, лишенного власти генералами, обернувшимися революционными «фуриями».

В общем, народ проявил всю полноту свободы, забыв на время о необходимости меры во всём (да и сам царь ослушался!) Так, отвернувшись от Провидения, революционные вожди и ведомый ими смущенный народ получили безблагодатную и незаконную (по церковным канонам) власть. Моление за Царя было заменено молением за Временное правительство. Услышало ли Небо это ложное прошение? Ответ ясен – земное было предоставлено самому себе. И тогда по свидетельству очевидцев чуда сама Богородица, облекшись в царскую порфиру, явила свой Образ смущенному народу, показав верным, что берет себе регалии Третьего Рима (навечно ли?). Так на мистическом уровне была удостоверена правда Царства, хотя последнее с тех пор стало вновь потенциальным как и в языческие времена.

1 Не случайно православные были в недоумении от измен «верхов» и напоминали Синоду о присяге Государю-Императору, которую никто не отменял. Читаем, например, такое вопрошание группы крестьян, направленное в Синод в марте 1917 г: «Потрудитесь нам Святейшие Отцы Наши разъяснить для всех одинаково как быть с старой присягой и с той, которую принимать заставют? Которая присяга милее Богу первая аль вторая? Потому как Царь не помер а живой и в заточении находится. И правильно ли что все церкви позакроются? Где же нам тогда молиться Господу Богу? Неужто идти к жидам в одну компанию и с ними молиться? Потому как теперь вся ихняя стала власть и которою они над нами бахвалятся. Ежели эдак все будет и дальше то это не хорошо, и мы очень недовольны». - См.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г. 2-е изд. / Сост. М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2008. С. 384-385.

Это род кары в научение. Еще П.А. Вяземский, а позже К.Н. Леонтьев говорили о том, что если у человека нет страха Божия, то должен быть хотя бы страх человеческий. Вот и настал этот страх, даже ужас, воплощенный в бичах божиих Ленине, Свердлове, Троцком, затем – в Сталине, которым было попущено показать изменникам царской присяги, что такое человеческая власть. Так, один голод 1921 года, ставший следствием лишения деревни семенного зерна, привел к гибели 5 миллионов крестьян, преимущественно в Поволжье. Затем по дальнейшему выполнению марксистского плана по «раскулачиванию» деревни в начале 1930-х гг. голод унес ещё не менее миллионов жизней главнейшего российского сословия.

Так страна стала наказываться за отступничество от Исторической власти, которое, конечно, нельзя оправдывать её 200-летней абсолютистско-бюрократической западнической порчей, хотя последняя многое объясняет. «Все поменялося» вследствие заговора думских прогрессистов и либерального общества в феврале 1917 г. Крестьянство в 1917–1918 гг. также смертельно согрешило массовыми грабежами и убийствами помещиков в деревне, соблазнившись призывом Ленина «грабь награбленное». Под видом торжества социальной справедливости народ склонился к уничтожению результатов многовекового труда крестьянства и дворянства. Деревенская Россия была насильственно лишена «тонкого» слой людей, опытных в земской самоорганизации. В результате весь этот культурный «элемент», прежде также грешивший радикализмом, частью погиб, частью был вынужден бежать от разъяренной деревни, а затем, опасаясь дальнейших репрессий, устремился в ряды Добровольцев или скрылся на чужбину.

Итак, человеческая свобода восторжествовала. Люди получили то, что пожелали. Это и называется *попущением* свыше. Впрочем, почивший старец Николай Гурьянов пророчил, что «Царь грядет» (и не он один). Однако ясно, что без соборной молитвы, дерзновения и гражданственности нам в этом Возрождении не обойтись. Этот процесс начался. Царская семья во главе с Николаем II, убиенная революционерами, прославлена Церковью. Государство приняло и правовой акт реабилитации царственных мучеников. Но вернемся к Революции.

Взгляд на историю, отстаиваемый проф. Капицей, многое проясняет. Сталин как квинтэссенция Революции, при всей своей силе, был, во-первых, представителем интеллигентского ордена, увлекшего за собой активную часть народа, во-вторых, он сыграл роль главного *бича божия* за отступничество, в-третьих, он же вступил на путь выхода из революционного ужаса. Это было сделано в форме «углубления революции», но и с разрушением некоторых старых марксистских утопий, вроде «мировой революции», что объективно было правильно и полезно для России, начинавшей под бичами вождя опамятоваться от революционной смуты.

Ошибкой всех обвинителей Сталина традиционно является его вычленение из рядов той массовой радикальной интеллигентской среды, к которой принадлежал он вместе с другими вожаками революции. Не будем сейчас углубляться в объяснение причин этого заблуждения, сокрытых в магической цифре «1937», ограничимся его констатацией. Аналогичной ошибкой является демонизация исключительно большевиков с невниманием к их союзникам «справа» по так называемому *Освободительному движению*. До сих пор мы слышим славословия наших «новых правых» в адрес кадетов. Между тем, Милюков вместе со своей массовой радикальной партией, лицемерно назвавшейся Партией Народной Свободы, сделал по расшатыванию традиционной России гораздо больше, чем нелегалы-большевики или эсеры-бомбисты. Милюков сотоварищи относился к верхам Империи. Он и другие заговорщики состояли Членами Государственной Думы, а рядовые либералы в массе своей участвовали в полугосударственных общественных формированиях, разрешенных царской властью ради объединения общественных сил для победы над Германией, объявившей нам войну в августе 1914 г.

Милюков в составе государственной делегации как глава парламентской фракции в ходе войны посещает Англию, дорожа своим правом называться по английско-

му образцу «оппозицией Его Величества». Однако вместе со своей партией он ведет подрывную работу против законной власти, и это в годы страшной войны, требовавшей единства народа! Милюков перед Февралём выступил в Госдуме с поджигательной речью, проникнутой клеветой на царскую семью, обвиняя ее в предательстве интересов России. Подобные пропагандистские заявления тут же доводились до сведения публики через партийную печать, смущая Россию. Сейчас не место говорить о действительных ошибках Николая II, но всем было ясно, что никаким «глупцом или изменником» он не был, это был явный злобный поклеп политикана-карьериста, мечтавшего «вскочить» на «царское место».

Итак, если бы масса либералов, рвавшихся к верховной власти не раскачивала огромный корабль Российской Империи, никакой Ленин не захватил бы власть в октябре 1917 года. Ленин, находясь в Швейцарии, подумывал уже о переезде в США ради подготовки мировой революции, не ожидая подарка «справа» в виде Февраля. Сталин, будучи в тот момент в сибирском заключении, также ничего и не подозревал о государственном перевороте, который в условиях военного времени готовила либеральная компания. Троцкий, сын купца-миллионщика, сидел себе в нью-йоркской квартире с холодильником, мечтая о «мировом пожаре». Эти вожди большевиков, конечно, ненавидели кадетов как трусов и лицемеров, но находились с ними в одном и том же интеллигентском лагере ниспровергателей христианского государства, «проклятого царизма», по их общему выражению.

Современные «милюковцы» демонизируют «сталинщину», не желая признать давно известное, что большевики не несут ответственности за свержение законной власти генералитетом в союзе с Думой. А уж то, что ленинцы воспользовались государственным переворотом и сами взяли власть в свои руки, отстранив либеральную маниловщину от владычества, так этого и следовало ожидать. Только глупец вроде Милюкова мог полагать, что у «маргариновых» либералов, которые только и могли существовать под крылом Имперского Орла, снизошедшего к их глупостям, дозволившего поиграть в демократические игрушки, были шансы удержать власть. Умные (и справа, и слева) же сразу поняли, что Керенский и Милюков – это фигуры марионеточно-кратковременные, торящие дорогу железным большевикам, не умевшим петь сладких песенок о «парламентской демократии», но сказавшим: «пустим России пулю в висок», учредим «Земшарную республику Советов» со столицей в Берлине, а пока поцарствуем на Москве.

Нашим гениям задолго до «победного» Февраля такое развитие событий было очевидно. К.Н. Леонтьев, например, прямо пророчествовал о «социализме консервативном», который найдёт «путь умственного первенства» над пошлой «западной демократией». Он предрекал, что отвращение российских западников от родного самодержавия и духа русизма в ответ обернётся социализмом с «новым рабством», которое заставит мечтать о старом законном крепостничестве. Русская вселенская ширь и удаль «делают нас малоспособными к той буржуазно-либеральной цивилизации, которая… так крепко держится в Европе». Но кто же из наших передовых прогрессистов верил своим пророкам, от Пушкина и Лермонтова до Леонтьева с Розановым? Верили в Канта, Конта, Спенсера и Маркса, «учивших» о непременном «светлом будущем» объединённого человечества.

А.И. Солженицын имел полное право ещё в начале 1970-х гг. упрекнуть нашу оппозиционную «образованщину», готовившую новый Февраль с Горбачевым и Ельциным, в непонимании того, что большевизм – это проявление общероссийской дореволюционной болезни нарастания безбожия. Поэтому сваливать на Сталина вину

2. Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854–1891. – СПб.: «Пушкинский Фонд», 1993. С. 466, 472-473, 502, 505

3. Прежде об этой болезни радикалов-интеллигентов говорили Пушкин, Тютчев и Достоевский, вместе со своими последователями по «русской партии». Для описания интеллектуального недуга «образованных классов» наши классики пользовались следующими выражениями: «полуобразованная» интеллигенция («интеллигенции»), болеющая «чужеземным идеологизмом», «подражательностью», «чужебесием», не понимающая спасительности «самобытности», «русской идеи», «русской Триады».

за ГУЛАГ, репрессии, и не верно, и безнравственно. Тем более, что Сталин со своими «национал-большевиками» вывел страну из хаоса, сотворённого Милюковыми и Керенскими, объективно играя столь же контрреволюционную роль, что и Наполеон. Наполеон и Сталин стали новыми императорами, власть которых (в воздаяние грехов либеральных элит) была и обширнее, и многократно деспотичнее, чем у их законных предшественников с крестом на груди.

Солженицын, следуя за предшественниками, определил, что коммунизм был «собственным детищем» дореволюционной прекраснодушной интеллигенции, включая и «идеи террора», в результате чего, хотя «в несколько неожиданной форме, интеллигенция получила по сути то самое, чего добивалась многими десятилетиями». Затем она в «утешку» себе обвила русский народ, что он, видите ли «извратил» святые идеи демократии и социализма. Весь интеллигентский орден стремился с разной степенью интенсивности «стереть исконное лицо России».[4] И действительно, кадеты очень радовались, когда новый эсер-террорист совершал очередное политическое убийство (царского сановника или представителя Династии), считая пролитие крови «целесообразным» делом во имя собственного прихода к верховной власти.

Так что нам надо помнить все изгибы трагической истории XX в., унесшей жизни многих миллионов. Не следует искать «козла отпущения» в Сталине за нравственное повреждение того интеллигентского слоя России, чьим представителем был и он. Первым был «полуобразованный» Радищев, воспевший «ненависть» к России царской, верующей, не умея отделить здоровое нравственное ядро Святой Руси от его повреждения в Петровский период. Затем шли Герцен, Бакунин и Чернышевский, обожествившие саму Революцию, «позвав Россию к топору». Да, цари и бюрократия XIX – начала XX вв. не расслышали мощного соборного гласа Карамзина-Пушкина, Тютчева-Достоевского, не сумев по-консервативному очистить священные начала христианской государственности России. Вот и случилась лихая беда, которую радикалы воспевали ещё за сто лет с лишним до того, как она грянула. А мы всё повторяем «виноват Сталин», напоминая обалдевшего немца 1945 года с его «Гитлер капут», не желая подчас видеть эпохальную роль Сталина в организации Победы в Великой Отечественной Войне.

Сталин был человеком своего времени, забывшего о Боге и Царе. Он исхлестал Россию именно за это забвение. Но он же первым и создал предпосылки для понимания нами путей выхода из того состояния Ужаса, в котором и сам сыграл страшную роль. Он первым из вождей большевизма поднял тост (24 мая 1945 г. на Приеме в Кремле) «за здоровье, прежде всего, русского народа», сказав: «... поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение». Эти качества и обеспечили «историческую победу над... фашизмом».[5] Вина не только Сталина, что среди его сменщиков не нашлось того вожака, который бы искренне поднял на щит коренную державостроительную идею ***НАРОДНОСТИ***. Вспомним, чт о даже М.С. Горбачев, закончивший МГУ, продолжал по-интеллигентски клеветать на Старую Россию, говоря о ней как о «тюрьме народов».

На вызов Петра Россия ответила гением Пушкина, на вызов Сталина она ответила гением представителей русского самосознания, таких как Шукшин, Высоцкий, Солоухин, Раушенбах, Шафаревич, Распутин, Белов, Бородин... Пока наш (опять новый) политкласс почти не слышат их вопиющего гласа, также как в своё время западническая элита Империи не слышала советов Пушкина, Тютчева, Достоевского, допустив скатывание России в Революцию вместо исправления Старого Строя.

Лёд все-таки тронулся. Мыслящая Россия размышляет о титане Советской эпохи Сталине, сумевшем, презирая интеллигентское «чужебесие», приступить к страшной «воспитательной» работе среди всеобщего хаоса и крамол, рожденных

4. Солженицын А.И. На возврате дыхания: Избранная публицистика. М.: Вагриус, 2004. С. 106, 125.

5. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Воениздат, 1949. С. 196-197.

«прекраснодушной» ложью «папаш Верховенских» (Милюковых). История России неисповедимыми путями направлялась к обретению новой соборности и самобытности нашего отечества. Процесс этот не завершен. Всё зависит от силы нашей воли и способности к жертвенному поступку, а возможно и подвигу.

Революция – это народная судьба, неумолимая стихия, возникающая как воздаяние за нежелание политического класса и всех слоёв населения, от верхов до низов жить народной жизнью (именно в этой последовательности, с главной ответственностью верхов, долго соблазняющих «чужебесием» весь народ). Не возжелали бы русские бояре стать лордами-маркизами, и разночинец не пошёл бы за «классиком» Марксом, добровольно впав в русофобию и подражательность. Л.П. Карсавин, идя вослед А.С. Хомякову, был прав, говоря о народе как соборной «симфонической личности», которая болеет вся целиком.[6] Значит, она и выздоравливать должна вся сверху донизу на своих собственных, а не «соросовских» основаниях.

Пора перестать разрывать нашу великую трагическую историю на противостоящие «белые» и «красные» периоды, начав опять «всё совокуплять» по Карамзину. Идя путём историографа-учителя, Пушкин оставил нам великое правило мысли – боготворить Россию, «ибо нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви». [7]

6. См. Карсавин Л.П. Феноменология революции (Берлин, 1926) // Русский узел Евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. – М.: «Беловодье», 1997. С. 141-201.

7. Пушкин А.С. Александр Радищев (1836) // Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. – М.: «Наука», 1964. С. 360

СОБЫТИЯ ФЕВРАЛЯ-МАРТА 1917 ГОДА В ПЕТРОГРАДЕ НА СТРАНИЦА ЕЖЕДНЕВНОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА «НИВА»(1)

EVENTS OF FEBRUARY-MARCH 1917 IN PETROGRAD ON THE PAGE OF THE DAILY ILLUSTRATED JOURNAL "NIVA"

УДК 81’ 374’ 22

Валерий Николаевич Черепица , кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Белоруссия) .

Valeriy Cherepitsa, candidate of historical sciences, professor of the department of general history, Grodno State University Y. Kupala (Grodno, Belarus).

РЕЗЮМЕ В настоящей статье на базе материалов, опубликованных на страницах популярного иллюстрированного журнала «Нива», рассматриваются вопросы, относящиеся к трактовке его редакцией событий февраля-марта 1917 года. Объясняются причины свержения царизма, показывается участия в этом процессе Государственной Думы, разъясняется как формировалось Временное правительство, осуществлялись его первые мероприятия в тылу, и на фронтах мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Журнал «Нива», Февральская революция 1917 года в России, Временное правительство, Государственная Дума, Российская империя, Первая мировая война

ABSTRACT. In this ar cle, based on materials published in the pages of the popular illustrated magazine "Niva", issues related to the treatment of it by the editorial offic of the February-March events of 1917 are considered. The reasons for the overthrow of tsarism are explained, the partici ation of the State Duma in this process is shown, the way in which the Provisional Government was formed, its fi st activi s in the rear, and on the fronts of the world war were realized.

KEY WORDS. Niva Magazine, February Revolution f 1917 in Russia, Provisional Government, State Duma, Russian Empire, World War I

2007 году исполнится 100 лет со времени гибели Российской империи, но до сих пор идут споры о том, что это было: Февральский и Октябрьский перевороты или Февральская и Великая Октябрьская социалистическая революции. Известно, что еще участники этих событий (Милюков, Троцкий и др.) называли Февральскую и Октябрьскую революции переворотами (1). Современник и исследователь этих событий И,Л.Солоневич считал первое из них не только заговором, который декорировался так называемыми левыми ссылками на «народный гнев», а правыми - на «народ, обманутый левыми», но и обыкновенной фальшивкой (2). Между тем в наши дни предлагается даже объединить все эти события в единую Великую русскую революцию. Размышляя над этими суждениями, известный российский историк И.Я.Фроянов в своем интервью «Литературной газете от 4 октября 2016 года внес в них следующую поправку: «в отличии от Февральской революции, бывшей только верхушечным политическим переворотом, Великая Октябрьская социалистическая революция являлась одновременно и переворотом и революцией, так как в последней принимали участие народные массы, недовольные существующим режимом». Вместе с этим, маститый историк отметил и наличие преемственной связи между Февралем и Октябрем, обусловленной деятельностью масонских организаций: «По моему убеждению, Февраль и Октябрь – акты одного и того спектакля. И совсем не случайно Ленин приветствовал Февраль как начало мировой революции, о которой неизбывно грезили большевики типа Троцкого (кстати сказать, масона). Они уподобляли Россию вязанке хвороста, предназначенного для разжигания пожара мировой революции. И надо благодарить провидение за И.В.Сталина, который спас историческую Россию, взяв курс на построение социализма в одной стране».

1. Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

В завершение своих размышлений на данную тему И.Я.Фроянов подчеркнул следующее: «В интервью не к месту вдаваться в детали и факты. Поверьте на слово, они у меня есть. Скажу лишь, что между Февралем и Октябрем существует связь, причем не относительно последовательности, а по сути дела. Речь идет об их направленности против исторической России с целью разрушения Российской империи, вызывавшей давнюю злобу Запада. Ради достижения этой цели устроители революции в России были готовы на все – вплоть до передачи власти большевикам. И Керенский, как свидетельствуют факты, подготовил передачу и передал власть Ленину. Нечто подобное мы наблюдали в конце XX века, когда Горбачев передал власть Ельцину. Так что правильно, я думаю, поступают те, кто объединяет Февраль и Октябрь. Остается объединить горбачевскую перестройку со временем «реформ» Ельцина, которые сгубили историческую Россию, выступавшую под видом Союза Советских Социалистических Республик» (3).

Преемственность связи между двумя выдающимися событиями прослеживается и в тогдашней периодической печати, освещавшей весьма активно первый этап великой русской революции. В качестве примера остановимся на трактовке некоторых событий февраля-марта 1917 года на страницах самого популярного и массового журнала России того времени «Нивы». Вот, в частности, как повествует о причинах и первых мероприятиях революционной власти один из авторов его политического обозрения, озаглавленного, кстати, «Государственный переворот», некий «Проф. К.Соколов». Установить, кто скрывался под этой подписью нам пока не удалось, однако все содержание данного обозрения, свидетельствует о его стремление скрыть истинные причины происшедшего в стране под надуманными рассуждениями о о том, что «русская монархия, долгие годы использовавшая капитал народного к себе сочувствия и доверия, так и не поняла, что его нельзя бесконечно и безнаказанно расточать». В результате потери доверия к царскому правительству, по мнению автора, «Россия раздвоилась, раскололась на две части. Внизу огромная масса народа, скованная железными цепями полицейского произвола, глухо роптала. Наверху ничтожная кучка карьеристов и проходимцев, опираясь на «огромную власть» царя, занималась устройством своих личных дел и преследованием своих эгоистических интересов.

Великая война, которая во всех других странах приводила к тесному сближению между властью и народом, у нас еще более углубила и обострила это раздвоение. Война потребовала чудовищного напряжения народного самопожертвования и труда. В великолепном патриотическом порыве русский народ дал государству и то и другое. но драгоценные народные дары бессовестно растрачивались преступными временщиками, облепившими трон малодушного монарха. Во главе русского правительства в критическую минуту национальной истории происками придворной партии ставились жалкие бездарности или мелочные интриганы вроде Горемыкина, Штюрмера и Голицина. Мы пережили позор сухомлиновщины и маклаковщины. Казнокрадство достигло ранее небывалых размеров. Измена и предательство гнездились в царских покоях. Случайный шарлатан из полуграмотных сибирских мужиков возвысился до роли наперсника взбалмошной немецкой принцессы, презиравшей Россию и русский народ. Распутин назначал и увольнял министров и влиял на решение важнейших вопросов внутренней и внешней политики. Россия в ужасе отшатнулась от этого видения разврата и бесчестия И Царское Село стало каким-то зачумленным островом среди чуждой ему, отвергавшей и ненавидевшей его народной стихии».

Посчитав, что такого объяснения предпосылок вполне достаточно для обоснования начала Февральской революции, автор обзора подводит читателей к следующему заключению: «Вот почему, когда продовольственные затруднения и топливный кризис вызвали рабочий люд столицы на уличные манифестации, так скоро и просто было свергнуто иго Царского Села. 23-го февраля, в четверг, начались народные волнения, а в понедельник 27-го к народу присоединились войска Петроградского гар-

низона. 2-го марта, ровно через неделю после начала революции, было сформировано Временное Правительство, и Николай II отрекся от престола, а вся Россия без колебаний признала новый порядок. В несколько дней некогда величественное здание русской монархии было снесен до основания, до последнего кирпича. Организация власти, лишившаяся народного признания, погибла среди общего презрения и равнодушия. Но крушение монархии не сопровождалось крушением государства, потому что в России нашелся новый центр общественно-признанной власти. «Желания и горячие симпатии» русского народа влекли его к Государственной Думе. Вокруг Гос. Думы сплотилась свободная Россия. Вокруг Таврического дворца началось создание Российского Государства».

Следующее политическое обозрение, осуществленное все тем же «Проф. К.Соколовым» под заголовком «Временное Правительство», было посвящено разъяснению того, как формировалась в стране новая власть: «Временное Правительство, которое взяло выпавшее из рук старого правительства власть и тем самым обеспечило непрерывность работы государственной машины, образовалось постепенно. Совещание членов Думы, состоявшееся днем 27-го февраля постановило организовать Временный Исполнительный Комитет и выборы его поручило произвести совету старейшин. Ровно в 12 часов ночи с 27-го на 28-е февраля организация комитета была закончена. В него вошли представители думского президиума и по одному члену от каждой фракции. Остались вне Комитета только крайние правые, которые в момент переворота бесследно исчезли с политической сцены. Через два часа после этого Временный Комитет Выпустил два воззвания к жителям Петрограда и к армии с призывом сохранять порядок и спокойствие. Одновременно председатель Комитета М.В.Родзянко обратился по телеграфу к командующим флотами и сухопутными армиями с предложением стойко и мужественно продолжать защиту родины. Далее Комитет произвел ряд назначений для охраны общественного порядка и функционирования государственной и экономической жизни в стране. Не менее важной задачей было обеспечение нормальных отношений с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, во главе которого находился Н.С.Чхеидзе. Переговоры с членами Совета закончились пониманием последними, что по логике истории власть в стране должна перейти не к революционному пролетариату, а к либеральной буржуазии. Совет уступил власть либералам на том, чтобы состав нового правительства был определен по согласованию с ним. 2-го марта это соглашение было достигнуто, а на следующий день, 3-го марта, Временное Правительство обнародовало свою программу». Далее, вслед за публикацией поименного списка состава правительства, автор обозрения сделал достаточно патетическое заключение: «Не может быть двух мнений насчет того, что представляет собой именно такой его состав. Это и есть то самое министерство общественного доверия, которого тщетно добивался от Николая II думский блок. То, в чем отказывало России безумное упорство царской власти, дала ей политическая мудрость Революции».

В качестве иллюстрации такого рода мудрости революционных властей в «Ниве», вместе с парадным портретом легендарного героя войны Корнилова, был опубликован текст его обращения к войскам и населению столицы: «Солдаты Народной Армии Граждане Свободной России! По зову Нового Правительства прибыл я сегодня в Петроград и вступил в командование войсками Петроградского Военного Округа. К вам обращаюсь теперь, доблестные войска: Великий Русский Народ дал Родине свободу – Русская Армия должна дать ей победу! От вас зависит приближение этого желанного дня. Народ вам много дал, но и многого ожидает от вас. В этот великий исторический момент теснее сомкните ряды и, сильные своей дисциплиной и единомыслием, явитесь радостным оплотом своему Новому Правительству и надежной поддержкой бойцам, грудью своей геройски защищающим Отчизну. Твердо верю, что только в единении и неустанной работе почерпнем мы силы для того великого труда, которого требует от нас Россия. Да поможет нам Бог! Главнокомандующий войсками Петроградского Военного Округа генерал-лейтенант Корнилов. Начальник

штаба генерал-майор Рубец-Масальский. 5-го марта 1917 года. Гор. Петроград».

Для показа «законности» прихода к власти в стране нового руководства, редакция журнала поместила здесь же и текст «Торжественной присяги Временного Правительства». Этому тексту предшествовало и краткое описание всей этой процедуры: «15-го марта состоялась торжественная присяга, принятая полным составом министров Временного Правительства. В 10 часов утра полный состав сенаторов занял свои места в общем зале департамента Сената. Председательствовал первоприсутствующий С.Б.Враский. В зале присутствовал весь состав прокурорского надзора и вся канцелярия Сената. К 11 часам из кабинета обер-прокурора Сената вышел Совет министров с князем Львовым во главе и занял место в центре, у особого стола. Первоприсутствующим громко, внятно и ясно был прочитан текст присяги, повторявшийся всеми членами Совета министров: «По долгу члена Временного Правительства, волею народа по почину Государственной Думы возникшего, обещаюсь и клянусь пред Всемогущим Богом и своей совестью, служить верой и правдою народу Державы Российской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство, нерушимо соблюдая во всех действиях и распоряжениях моих начала гражданской свободы и гражданского равенства и всеми предоставленными мне мерами подавляя всякие попытки, прямо или косвенно направленные к восстановлению старого строя. Клянусь приложить все разумение мое и все мои силы для осуществления в полноте всех обязательств, Временным Правительством на себя принятых. Клянусь принять всем меры для созыва в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительного собрания, передать в его руки всю полноту власти, мною совместно с другими членами Правительства временно осуществляемую, и преклониться пред выраженною сим Собранием народною волею об образе правления и основных законов Российского государства. Во исполнение сей моей клятвы да поможет мне Бог». Данный текст подписали: министр-председатель князь Львов, министр иностранных дел П.Милюков, министр земледелия А.Шингарев, министр путей сообщения Н.Некрасов, Военный и морской министр А.Гучков, министр торговли и промышленности А.Коновалов, министр народного просвещения А.Мануйлов, государственный контролер И.Годнев, министр финансов М.Терещенко, министр юстиции генерал-прокурор А.Керенский; председательствующий сенатор С.Враский, исполняющий обязанности обер-прокурора сенатор А.Руадзе».

Вслед за этим было инициировано приведение к присяге и российской армии, причем, как в тылу, так и на фронте. Ее текст был также опубликован на страницах «Нивы» под заголовком «Новая присяга»: «Клянусь честью офицера (солдата и гражданина) и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Русского государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного Собрания. Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно интерес Государства и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда это потребует мой долг (офицера, солдата, гражданина) перед Отечеством. Клянусь быть честным, добросовестным и храбрым (офицером, солдатом), не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знамением и нижеподписываюсь». Рядом с текстом присяги были помещены и фотографии этой процедуры. По свидетельству ряда источников, присяга новому правительству проходила без особого энтузиазма. Сказывалась не только усталость воинов от самой войн, не было также и уверенности у него в прочности правительства, назвавшим себя «временным». Не нравились и слова присяги, трактовавшим свое государство одновременно и Русским, и Российским. Были в

ее тексте и другие погрешности стилистического и смыслового свойства.

Как известно, свою первую программу новое правительство изложило в декларации, обнародованной 3 марта, а затем и в обращении к гражданам России 6 марта, в которых заявило о намерении вести войну «до победного конца» и неуклонно выполнять договоры и соглашения с союзными державами. Взяв курс на продолжение войны, Временное Правительство столкнулось с тем, что его «Приказ №1», направленный на демократизацию отношений среди военнослужащих, сразу же привел к тому, что армия стала практически неуправляемой. В столице же продолжалась революционная эйфория, получившая свой «выплеск» и на страницы либеральной «Нивы». В ответ на обещания правительства объявить политическую амнистию, обеспечить демократические свободы, отменить сословия, вероисповедания и национальные ограничения, начать подготовку к выборам в Учредительное собрание, заменить полицию милицией и другое, на страницы журнала хлынул поток восторженных откликов на все происходящее в эти дни в стране со стороны столичной творческой интеллигенции. К примеру, восстановленный сразу же Союз русских писателей (закрытый в 1901 году) в своей декларации, принятой 9 марта, не скрывал своего восторга от событий Февраля. В ней, в частности, высокопарно отмечалось: «С чувством сладостнейшего душевного удовлетворения взирает русское литературное сознание на происходящее, и радостно ему видеть, как пышно взошли теперь семена, впервые брошенные именно русской литературной мыслью. Писатель Радищев первый развернул в России знамя свободы. Первую оду вольности сложил Пушкин. Злая сатира Грибоедова и горький смех Гоголя нанесли смертельные удары дореформенному строю. Достоевский – заступник униженных и оскорбленных, проникновенно разглядел прекрасную их душу на самой последней стадии падения. Тургенев был символом освобождения крестьян, ряд поколений борцов за свободу воспитывался на поэзии Некрасова. Гениальная сатира Салтыкова сделала русскую бюрократию всеобщим посмешищем. Революционную русскую мысль, успехи которой мы теперь приветствуем, создали Белинский, Герцен, Чернышевский, Лавров, Писарев, Михайловский. Разрушила твердыню лживого официального ханжества великая совесть Толстого.

В этом сознании великих заслуг великих учителей наших перед русской свободой, мы, нынешние писатели, шлем братский привет всем творцам могучей февральской революции. Да здравствует Государственная Дума, стойко оставшаяся на своем посту. Да здравствуют петроградские рабочие, самоотверженно пошедшие под пулеметы в героической решимости положить жизнь свою для ниспровержения деспотического строя! Да здравствуют петроградские полки, благодаря которым кровавая баня, уготованная русской свободе, превратилась в величайшее ее торжество! Да здравствует Временное правительство, сумевшее в единении с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, объединить страну и ввести грозный девятый вал русской революции в русло государственности! Веруем и исповедуем, что свободный народ сумеет отстоять свободну Россию от посягательства на ее землю. Веруем и исповедуем, что по миновании грозной внешней опасности нашу дорогую родину ждет небывалый расцвет всех ее необъятных духовных и материальных сил. Долгие годы отличительным признаком русской литературы была Великая Печаль ее, пусть сменит ее теперь Великая Радость».

Революционным опьянением в те мартовские дни были наполнены буквально все разделы журнала. Вот как начинался один из них, озаглавленный «Все для победы»: «Сорок тысяч рабочих в г. Николаев (Херсонская губ.) показали России, как нужно ознаменовать завоеванную свободу. Получив радостную весть, они постановили в этот день отказаться от обеденного перерыва и полагающийся отдых посвятить работе для блага освобожденной родины. Эту же мысль высказал в своих революционных призывах. и известный писатель В.Г.Короленко: «Россия только что завершила великое дело – свергла вековое иго. Одним деспотизмом стало меньше на свете, одной свободой больше. Еще недавно союз с нами враги ставили в упрек нашим союз-

никам и свою войну выставляли, как борьбу с деспотией. Теперь же все народы обращаются к нашей родине с восхищением и надеждой, потому что юная свобода в момент рождения имеет волшебную силу омолаживать свободу других народов, придавать ей новую свежесть и жизнь. Вот что значит для нас зашита родины. Нужная всегда, теперь она вдвое нужнее. С нею мы защищаем новую свободу, которой внешнее нашествие грозит смертельной опасностью. Перед этой грозой забудем распри, отложим споры о будущем. Долой партийное местничество. Долой призыв к раздорую. Пусть все смотрят в одну сторону, откуда раздается тяжелый топот германца и грохот его орудий. Задача ближайшего дня – отразить нашествие, оградить родину и ее свободу. Нужно не только радоваться свободе, но и заслужить ее до конца. А заслужить ее можно усиленной работой на фронте и в тылу, во всяком месте, до отражения опасности, до конца великой войны с тем, чтобы при заключении великого мира делегаты россии могли сказать: мы вошли в войну рабами, нок концу ее мы приходим свободными».

С большим обращением «К гражданам-солдатам» обратился и другой известный писатель, а также и военный историк Василий Немирович-Данченко. Заключая его, он сказал: «Весь мир с трепетом восторга и обожания смотрит на Россию. Вперед, товарищи, на последний бой! Все на работу и на военных рубежах, и в тылу! Сомкнем ряды, чтобы не впустить на измученную родину палачей и насильников Вильгельма. Не бросим нашу родину-мать ему под ноги, и да не будет розни между нами. Один за каждого и каждый за всех. И когда завершится великая победа свободы, правды и справедливости, вся великая Россия миллионами грудей крикнет: «Долой войну, и да живет вечный мир!».

Не меньший восторг вызвало у журнала и постановление Временного правительства об отмене смертной казни в стране: «Исполнилась одна из крупнейших реформ, воплотилась светлая греза лучших умов нашего народа – отмена смертной казни. Творя новую жизнь Россия во имя высшего нравственного закона свобод, новое правительство наше во главу угла поставило святость, неприкосновенность жизни. И немедленно объявило ее своей первой крупнейшей реформой. Такой верности идеалу свободы – высшего закона любви к ближнему нет примера в мировой истории революций европейских стран. В зареве кровавой войны, русский народ в лице своей Державной Думы, давшей государству первых народных правителей – министров, объявляет первым принципом народоправства: «жизнь священна!». История занесла уже на свои скрижали уже свершившееся в России: великий образ бескровной русской революции будет теперь навеки находиться в ореоле ее первого светлого начинания – отмены смертной казни.

8-го марта, в 1 час. 8 мин., министр юстиции А.Ф.Керенский скрепил декрет Совета Министров об отмене навсегда в России смертной казни. Декрет об этом прошел все инстанции с исключительной быстротой и вызван требованием момента. По предложению министра юстиции законопроект был спешно разработан, причем редакция его была поручена лучшим профессорам уголовного права. Декрет отличается необычайной краткостью и состоит из трех пунктов. Он предусматривает отмену смертной казни во всех гражданских, военных и военно-полевых судах. В 4 часа дня 8 -го марта министр юстиции А.Ф.Керенский при передаче данного декрета для обнародования, обращаясь к окружающим со слезами на глазах сказал: «Я счастлив, что мне выпало на долю подписать указ об отмене смертной казни в России навсегда».

Много внимания уделила «Нива» «всенародным похоронам жертв борьбы за свободу», проходившим 23-24 марта 1917 года в Петрограде на Марсовом поле. Инициатором этого мероприятия был А.Ф.Керенский, полагавший, что оно станет наиболее приемлемой формой выражения народом своей готовности поддержать революцию и новую власть. Эта почти миллионная акция-демонстрация прошла удивительно пышно и организованно, во многом отразив национальную традицию преклонения перед памятью ушедших в мир иной. В вышеуказанные дни эти похороны проходили под лозунгами «Безумству храбрых поем мы славу», «Вы жертвою пали в

борьбе роковой», «Будем достойными памяти тех, кто пал за свободу», и все это на фоне приветствий демократической республике. В четыре огромные братские могилы, вырытые на Марсовом поле, были опущены останки 184 человек. Некоторые из них так и остались неопознанными, тем не менее все эти покойники непререкаемо были удостоены тогда признания в качестве «борцов за свободу». Между тем, по свидетельству начальника столичного охранного отделения К.И.Глобачева, хорошо осведомленного о февральских событиях,» среди этих «жертв» было немало случайно убитых неосторожных прохожих или убитых своими же. Мне доподлинно известно, что в числе набранных жертв были умершие в больницах «бродячие» китайцы и даже несколько убитых филеров охранного отделения, которых можно, конечно, назвать жертвами революции, но с другой стороны. Керенскому нужны были жертвы во чтобы то ни стало, как и все то, что он дальше делал для углубления «Великой бескровной российской революции».

Масштабы похорон жертв революции, благодаря многочисленным фотографиям корреспондентов журнала К.Буллы, И.Оцупа и Л.Штейнберга, прямо или косвенно способствовали распространению и закреплению в сознании читателей «Нивы» культа «павших», получившего свое дальнейшее развитие уже в условиях советской власти. Характерно, что «всенародные похороны» почтила своим присутствием известная деятельница освободительного движения Вера Засулич, все члены Временного Правительства, командование Петроградского Военного Округа во главе с Л.Г.Корниловым и другие представители нового руководства страны (4). В последующем, уже после Октября, на Марсовом поле, вплоть до середины 1930-х годов, хоронили известных большевиков, латышских красных стрелков, советских и партийных деятелей. 1-го мая 1918 года здесь у могил жертв борьбы за свободу выступал В.И.Ленин с речью о значении Первомая и задачах русской революции, что также свидетельствовало о преемственности между Февралем и Октябрем, как звеньями одного и того же процесса разрушения исторической России. Изучение материалов, опубликованных на страницах журнала «Нива» в феврале-марте 1917 года, что называется «по горячим следам», открывает перед исследователями революционного движения в России и истории самого этого издания широкие исследовательские возможности и перспективы.

Литература и источники

1.Фроянов, И.Я. Молитва за Россию. Публицистика разных лет/И.Я.Фроянов. –Санкт-Петербург: «Астерион», 2008. – с.244-257.

2.Солоневич, И.Л. Великая фальшивка февраля/И.Л.Солоневич. – М.: «Алгоритм», «БСК», 2007, - 304 с.; Черепица, В.Н. Русская история и историография в трудах И.Л.Солоневича/В.Н.Черепица//Гродненский исторический калейдоскоп: очерки истории, историографии и источниковедения. – Гродно: ГрГУ, 2014. – с. 95-140.

3.Фроянов, И.Я. Уметь защищать и защищаться. Почему история стала настоящим полем битвы/И.Я.Фроянов.//Литературная газета, №38, 28 сентября-4 октября 2016г. – С.1, 20.

4. «Нива» (Петроград),1917, №11-12 от 25 марта. – с.177-179; №13 от 1 апреля. – с.182-183; №14 от 8 апреля. – с. 205-215; №15 от 15 апреля. – с.220-226.

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ КАРПАТСКИХ РУСИНОВ [1]

HE REVOLUTIONS OF 1917 IN RUSSIA AND THE HISTORICAL DESTINATIONS OF THE CARPATHIAN RUSYNS

УДК 81’ 374’ 22

Кирилл Владимирович Шевченко,
доктор исторических наук, профессор Минского филиала РГСУ (Минск, Белоруссия)

Kirill Shevchenko, Ph.D., Professor, RGSU Branch in Minsk (Minsk, Belarus)

РЕЗЮМЕ Активизировавшее в ходе Первой мировой войны национальное движение карпатских русинов, возникшее в Северной Америке, первоначально выступало за присоединение всех русинских земель к России. Однако с нарастанием революционной анархии в России в 1917 г. и с началом Гражданской войны в 1918 г. происходит переориентация русинских политиков на Чехословакию, что было поддержано президентом США Вильсоном. В итоге после Первой мировой войны земли карпатских русинов вошли с состав Чехословакии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Русины, Россия, Чехословакия, Русские революции, Первая мировая война

ABSTRACT Rusyn national movement, which became especially acti e during the First World War in the USA, initial y favored joining Russia as the best solution of Rusyn question. However, politi al orientation of Rusyn politicians changed a er the Revolu ons in Russia in 1917 and subsequent devastati g Civil War. Rusyn Politic ans prompted by US President W. Wilson favored Czechoslovak option and as a result, Rusyn-populated lands south of Carpathian Mountains became part of newly born Czechoslovak state.

KEY WORDS Rusyns, Russia, Czechoslovakia, Russian Revolutio s, First World War

После окончания Первой мировой войны в 1918 году земли, населенные русинами Восточной Галиции и Угорской Руси и входившие ранее в состав Австро-Венгрии, стали составной частью новых независимых государств – Чехословакии и Польши, возникших на территориях распавшихся империй. Между тем, подобный сценарий развития событий был обусловлен отнюдь не осознанным выбором русинского населения Галиция и Угорской Руси, а рядом внешнеполитических факторов, в первую очередь результатами Первой мировой войны и последствиями революционных потрясений в России.

Важным фактором, обусловившим реализацию данного сценария, стала позиция президента США Вудро Вильсона, инициировавшего и активно поддержавшего идею включения в состав Чехословакии Подкарпатской (бывшей Угорской) Руси, населенной в основном русинами, венграми и евреями. При этом инкорпорация данного региона в состав чехословацкого государства стала возможной только в результате крушения исторической России и последовавшей там Гражданской войны, поскольку коренное восточнославянское население Подкарпатской Руси и представители карпато-русской эмиграции в США первоначально исходили из необходимости присоединения Карпатской Руси к России, рассматривая это как естественное восстановление исторической справедливости.

***

Накануне Первой мировой войны среди русинского населения Восточной Галиции и особенно Угорской Руси весьма влиятельные позиции занимали представители русофильского движения, отстаивавшие идеи цивилизационной общности триединого русского народа, составной частью которого, по их мнению, являлись и карпатские русины. Если в Восточной Галиции позиции галицко-русского движения были в значительной степени поколеблены динамично развивавшимся украинским движением, которое пользовалось широкой поддержкой австрийских властей и

1. Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

польской администрации Галиции, то в Угорской Руси, входившей в состав венгерской части империи Габсбургов, доминировали местные русофилы, а украинское движение практически не существовало.

С началом Первой мировой войны и массовыми репрессиями австро-венгерских властей против русинов, подозревавшихся Веной и Будапештом в политической неблагонадежности, имела место известная радикализация русинского движения, лидеры которого стали открыто выступать за присоединение исторических земель Червонной и Угорской Руси к России, трактуя это как естественный акт восстановления исторической справедливости. Так, после вступления русской армии в Восточную Галицию в августе 1914 г. здесь развернули активную деятельность галицко-русские общественные и политические структуры во главе с В. Дудыкевичем, которые выступали за присоединение Галиции к России. Примечательно то обстоятельство, что местные галицко-русские активисты зачастую оказывались более радикальными сторонниками ускоренной интеграции в состав России, чем чиновники российской военной администрации в Галиции. Во время кратковременного пребывания Галиции под контролем русской армии осенью 1914 – весной 1915 гг. галицко-русские деятели развернули энергичную деятельность по созданию «карпато-русской добровольческой дивизии – в противоположность поддерживаемому Австрией австрийскому движению.... Однако когда эта задача уже была близка к выполнению, русская армия отступила из Галиции; затем последовала революция в России. Эти два события не позволили создать отдельную карпато-русскую добровольческую дивизию...».[2]

Весьма влиятельная карпато-русская диаспора в Северной Америке, имевшая, в отличие от своих соотечественников в Австро-Венгрии, возможность открыто обсуждать политические вопросы, прямо высказывалась за необходимость присоединения русинских земель к России. Так, издававшаяся в г. Хоумстед (штат Пенсильвания) газета «Народна обрана», рассчитанная на читателей-русинов из среды эмигрантов из Угорской Руси, призывала Россию освободить Угорскую Русь. В статье «Россия и славянство», опубликованной в газете «Народна обрана» 7 августа 1917 года, говорилось о необходимости присоединить к России «вотчины святого Владимира, Русь Червонную и Карпатскую»[3]. По мнению газеты, это присоединение диктуется как этическими целями, так и целями самообороны, поскольку «в Галиции был создан главный операционный базис против России... Там свили себе гнездо польские «ягеллоновцы», мечтающие о воскрешении, с немецкой помощью, исторической Речи Посполитой... Там дало буйные всходы семя «мазепинцев», созданное для расчленения единого русского народа»[4].

В ходе Первой мировой войны произошла активизация политической деятельности карпато-русской диаспоры в Северной Америке, образовавшей свои общественные и политические структуры. В принятом 13 июля 1917 г. меморандуме Русского конгресса в Америке, объединившего делегатов влиятельной и многочисленной в США карпато-русской диаспоры, говорилось, что «весь карпаторусский народ желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и... воссоединения Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией. Карпаторусский народ хочет быть в тесном единении с остальным русским народом, хочет жить с ним одной общей жизнью... Пусть не будет больше двух Русей: Руси свободной и Руси подъяремной, но да будет единая нераздельная, могучая, свободная Русь».[5]

Настроения участников Русского конгресса в США удачно передал один из его организаторов, уроженец Угорской Руси П. Гаталяк, который в своих воспоминаниях об этих событиях писал: «Это была настоящая революция в сердцах и в мыслях... Те, кто до этого боялись венгров, начали открыто агитировать за отделение Угорской Руси от Венгрии. Лозунг «долой Венгрию» стал массовым... Было вполне естественно, что мы, как русские, хотели в то время присоединиться к России. Мне с большим трудом удалось убедить конгресс в том, чтобы присоединение Карпатской Руси к России было обусловлено предоставлением Карпатской Руси широкого самоуправления...»[6]. Таким образом, первое проявление политической активности карпатских русинов апеллировало к единству с Россией и усматривало политическое будущее земель,

2. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. Москва: Регнум, 2011. С. 103.
3. Народна Обрана. Homestead, PA. 1917. № 5.
4. Там же.
5. Меморандум Русского Конгресса в Америке. 13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava. Časop s učené společnos Šafařikovy. 1931. Číslo 3. S. 512.
6. Hatalak P. Jak vznikla myšlenka připoji Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod, 1935. S. 13.

населенных русинами, в составе России на условиях «широкого самоуправления».

Однако растущая анархия в России после Февральской революции 1917 г., приход к власти большевиков и начавшаяся Гражданская война резко изменили международное положение и отношение русинов к России. Один из ведущих печатных органов карпато-русской диаспоры в США, «Американский Русский Вестник», комментируя революционные потрясения в России в марте 1919 г., с разочарованием эмоционально писал: «Славянские народы мира стонали под иноземным гнетом. Независимым, могучим и богатым был только один брат, великоросс. Надежда всех славян сосредоточилась на России. Но все оказалось не так… Россия – не надежда, а стыд и погибель славянства».[7] Тон данной статьи явно свидетельствовал о горечи от не оправдавших себя ожиданий в связи с Россией.

Уже 30 мая 1918 г. лидеры одной из влиятельных карпато-русских организаций в США, «Американско-Русской Народной Обраны» в Питтсбурге, обратились к Т.Г. Масарику с предложением принять русинские земли, включая Галицию, в состав будущей Чехословакии. В то время данная инициатива не получила своего развития. Созданная в июле 1918 г. в г. Хоумстед (штат Пенсильвания) Американская Народная Рада угро-русинов во главе с адвокатом Г. Жатковичем, объединявшая выходцев только из Угорской Руси, первоначально выступала либо за признание Карпатской Руси как независимого государства, либо, в случае невозможности этого варианта, за предоставление русинам широкого самоуправления в рамках Венгрии. Однако 21 октября 1918 г. на встрече с президентом США В. Вильсоном, которому были представлены эти предложения, лидеры Американской Народной Рады угро-русинов не получили поддержки американского президента. Вместо этого Вильсон рекомендовал им установить тесную связь с чехами и словаками в виде автономии, так как существование независимого русинского государства было фикцией. Поняв предпочтения президента США, руководители Американской Народной Рады угро-русинов уже в конце октября 1918 г. установили контакты с находившимся в то время в Америке Масариком, предложив ему вхождение Угорской Руси в состав будущей Чехословакии на условиях широкой автономии. С этого момента доминирующим вектором в решении русинского вопроса стал «чехословацкий сценарий», при этом Масарик давал русинским политикам щедрые авансы, обещая максимально широкую автономию и границы, включающие все этнически русинское население южнокарпатского региона. Все эти обещания впоследствии оказались фикцией.

Главным событием, легитимизировавшим вхождение Угорской Руси в состав Чехословакии, стал референдум среди американской карпато-русской диаспоры, решение о проведении которого приняла Американская Народная Рада угро-русинов на своем заседании в г. Скрэнтон 12 ноября 1918 г. Референдум состоялся во второй половине ноября 1918 г. уже после провозглашения независимой Чехословакии. Около 67% участников референдума проголосовало за присоединение к Чехословакии, 28% - к Украине и по 1% - к России и Венгрии. Голосование было непрямым; каждая русинская община или приход получили один голос на каждые десять своих членов. Недостатком голосования было и то, что в нем приняло участие менее половины существовавших в то время в США карпато-русских общин и приходов; кроме того, в голосовании не участвовали православные русины.[8] Несмотря на весьма спорную репрезентативность данного референдума, его результаты активно использовались чехословацкими политиками для обоснования легитимности вхождения Угорской Руси в состав ЧСР.

В отличие от американских русинов, прочехословацкая ориентация которых была в известной степени вызвана позицией президента В. Вильсона, процесс переориентации на Прагу карпатских русинов в Центральной Европе протекал значительно медленнее. В самой Венгрии политическая активность русинов стала проявляться лишь с осени 1918 г. после распада Австро-Венгрии. Активизация русинского движения в Угорской Руси привела к образованию здесь народных рад, главными из которых были народные рады в Прешове (рус. Пряшив), Ужгороде и Хусте. Первоначальная позиция этих рад была различной. Так, Прешовская Рада в своей декларации от 19 ноября 1918 г. требовала для русинов права самоопределения и протестовала против того, чтобы «подкарпатский народ наш русский разорвать или против его воли куда-либо включать». [9] Только 31 января 1919 г. после получения информации о решении американских русинов Русская Народная Рада в Прешове высказалась за вхождение в состав Чехословакии. Примечательно, что в своей декларации от 31 ян-

7. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 27 marca 1919. № 12.
8. Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918-1946. Praha, 2007. S. 48.

варя 1919 г. Прешовская Рада подчеркивала, что поскольку присоединение карпато-русских земель «к единой России неосуществимо, желаем жить долей и недолей братьев Чехословаков. Это желание совпадает с желанием 500.000 карпаторуссов в Америке… Славянская политика Чехословаков, их демократизм, беспрерывные проявления ими симпатии к русскому народу… дают нам полное ручательство национально-культурного и экономического свободного развития…». [10]

Первоначальная позиция Ужгородской рады заключалась в получении широкой автономии для русинов в рамках Венгрии, в то время как Рада в Хусте неподалеку от Галиции выступала за объединение русинских земель с Украиной. Международное положение и установление контроля Чехословакии над большей частью Угорской Руси обусловило то обстоятельство, что созванная в Ужгороде 8 мая 1919 г. Центральная Русская Народная Рада как высший орган угорских русинов одобрила решение американских русинов и санкционировала вхождение карпато-русских земель к югу от Карпат в состав Чехословакии.

Таким образом, вместо изначально желаемого «тесного единения с русским народом» карпатские русины оказались в составе новорожденной Чехословакии. При этом «чехословацкий сценарий» политического будущего Карпатской Руси стал в практическую повестку дня только летом и осенью 1918 года после усиления революционного хаоса России и был реализован на практике во многом благодаря президенту США Вильсону, поддержавшему Масарика, который в 1918 году предусмотрительно оказался в Соединенных Штатах.

Существенным является то обстоятельство, что о присоединении к будущей Чехословакии земель карпатских русинов первоначально не помышляли не только русины, но и сами чешские политики, воспринимавшие Карпатскую Русь как территорию, исторически принадлежащую России. Это, по словам современного словацкого историка П. Шворца, подтверждает «как текст Конституции Славянской империи К. Крамаржа, так и меморандумы Масарика, включая его меморандум «Independent Bohemia», написанный в мае 1915 года. Карта будущего чехословацкого государства, которую Масарик представил в марте 1915 г. в Женеве, свидетельствует, что… населенные русинами территории северо-восточной Словакии Масарик в состав Чехословакии не включал…». [11]

В итоге с присоединением Словакии и Подкарпатской Руси чехословацкое государство оказалось весьма пестрым в этноязыковом отношении и растянутым на более чем тысячу километров с запада на восток, простираясь от населенного судетскими немцами пограничья с Баварией и Саксонией на Западе до гуцульских сел в отрогах Карпат на Востоке. Это привело к включению в состав новорожденного чехословацкого государства более трех миллионов немцев и около шестисот тысяч венгров вопреки их воле, создав проблему национальных меньшинств, решить которую в межвоенный период Прага оказалась не в состоянии.

Пребывание в составе межвоенной Чехословакии имело достаточно противоречивые последствия для карпатских русинов. С одной стороны, в условиях демократического политического режима и более благоприятных социально-экономических условий Чехословакии по сравнению с Венгрией русины получили несравнимо большие возможности для социальной мобильности, этнокультурного развития и самореализации. С другой стороны, Прага активно влияла на этнокультурные процессы среди русинского населения Подкарпатской Руси, всячески затягивая предоставление обещанной автономии Подкарпатью и весьма активно поддерживая украинское движение в южнокарпатском регионе. Это привело к обострению этнокультурных противоречий в русинском обществе, где наряду с традиционным русофильством появилось украинофильство, трактовавшее местное население как часть украинского народа. Нараставшее противоборство между русофилами и украинофилами, которые в 1930-х гг. стали получать поддержку нацистской Германии, способствовало общей дестабилизации положения в данном регионе Чехословакии.

9. Brati lava. Časopis učené společnos Šafařikovy. 1931. Číslo 3. S. 525.
10. Ibidem. S. 532.
11. Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918-1946. Praha, 2007. S. 44.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР РОССИИ: ОТ 1917 К 2017
(с отклонением в эпоху Ивана Грозного)[1]

CIVILIZATION CHOICE OF RUSSIA: FROM 1917 TO 2017
(with a deviation during Ivan Grozny's epoch

УДК 327; 327.5; 930.1)

Анатолий Сергеевич Филатов , доцент, кандидат философских наук , Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, философский факультет, кафедра политических наук и международных отношений (Республика Крым, Российская Федерация)

Anatoly Filatov, associate professor, PhD of Social Sciences Crimean federal university of V. I. Vernadsky, philosophical faculty, department of politica sciences and internati nal rela ons(Republic of Crimea, Russian Federati n)

РЕЗЮМЕ: В статье рассматривается период социальных брожений в России начала XX века, анализируются их причины и даются характеристики событиям 1905-1907 гг. и 1917 г. Автор акцентирует внимание на необходимости различать социальное восстание 1905-1907 гг., государственный переворот февраля-марта 1917 г. и революцию октября 1917 г. Отмеченные явления российской истории исследуются в контексте и сквозь призму культурно-цивилизационного развития и цивилизационного выбора России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, социокультурное пространство, цивилизация, революция, социальное восстание, государственный переворот, социально-политические реформы

ABSTRACT: In ar cle the period of social fermentations in Russia the beginning of the XX century is considered, their reasons are analyzed and characteristics are given to events of 1905-1907 and 1917. The author focuses a entio to need to disting ish a social revolt of 1905-1907, a coup of February-March, 1917 and revolution of October, 1917. Noted phenomena of the Russian history are investi ated in a context and through a prism of cultural and civilization development and civilizatio choice of Russia.

KEY WORDS: Russia, sociocultural space, civilizatio , revolution, s cial revolt, coup, socio-politi al reforms

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТУПИК ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАСПУТЬЯ РОССИИ

Согласно достаточно распространённой точке зрения среди историков, причём не только коммунистической ориентации, в начале XX в. Россию сотрясли несколько революций – так называемая Первая русская революция 1905-1907 гг., Февральская буржуазная революция 1917 г. и Октябрьская коммунистическая революция 1917 г. Не ставя перед собой задачу проанализировать и дать оценку различным историографическим подходам к обозначенной проблеме, хотелось бы обратить внимание на то, что отмеченные события, обозначаемые как революции, имели не только формально-процедурные и процессуально-содержательные отличия, но и существенно различались по результатам. А в данном случае, как и во многих других, не декларации, а достигнутое состояние позволяет давать обоснованное определение. Также следует отметить, что само понятие революции (социальной и политической) означает принципиальное изменение социально-экономического устройства и политико-государственного строя в стране. А отнюдь не реформирование и не провозглашённую установку на изменения, даже если она сопровождается персональной сменой аппарата государственного управления с временным его обозначением.

События 1905-1907 гг. корректнее было бы определять как Восстание, включившее в себя ряд политических выступлений, экономических забастовок, акций гражданского неповиновения, характерных для центральных промышленных, западных и южных земель страны, имеющих разную мотивацию и не связанных организационно, но с общим фактором – социально-экономическим кризисом и проблемами политико-государственного устройства. Под влиянием Восстания или восстаний первого периода в 1905 г., Императором были произведены существенные государственные и политические, социальные и экономические реформы. Хотелось бы обратить

1. Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

внимание, что все три манифеста, принятые Николаем II – Высочайший Манифест «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 г., Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. и Высочайший Манифест «О преобразовании Государственного совета» от 20 февраля 1906 г. – были направлены на обустройство и упорядочивание социокультурного пространства, т.е. имели цивилизационную направленность. Потому Всероссийское Восстание 1905-1907 гг., равно как и социально-политические потрясения 1917 г., следует рассматривать в контексте цивилизационного выбора России, проблема которого была обозначена ещё в XIX веке в знаменитом споре славянофилов и западников и выражена в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». При этом необходимо особо подчеркнуть, что к началу XX в., и даже ранее, к середине XIX ст., возникает потребность в поиске новой цивилизационной модели для развития страны. С эпохи Петра Великого Россия обустраивала своё социокультурное пространство с использованием имплантируемых из Европы цивилизационных стандартов и механизмов, которые спустя полтора-два столетия уже не соответствовали требованиям социального развития. Именно исчерпаемость европейской цивилизационной модели в российских условиях побуждала к реформированию, которое должно было двигаться в сторону замещения иноцивилизационных ориентиров на собственную русскую / российскую цивилизационную модель, определяемую Н.Я. Данилевским как Славянский культурно-исторический тип. И, надо отметить, что среди реформ Александра Второго 1857-1874 гг. была такая – Земская, – которая строилась на основе российских социокультурных ценностей и уже российских цивилизационных стандартов, когда механизмы земского самоуправления и земских учреждений не имплантировались из Европейской цивилизации, а образовывались исходя из отечественной традиции социального управления. В этом реформировании 1864 г. явно обозначается и связь с преобразованиями местного управления Ивана Грозного. Однако, то были, к сожалению, скорее частные эпизоды, нежели признаки комплексного российского цивилизационного проекта.

Существенные изменения государственного устройства и социального управления, произведённые Императором в 1905-1906 гг., заложили основания для проведения требуемых преобразований, к реализации которых приступило правительство П.А. Столыпина. В силу того, что Столыпинские преобразования не были завершены, нет целесообразности рассматривать их соответствие или несоответствие российским культурно-цивилизационным ценностям. Хотя, есть возможность говорить, что идейное обоснование и ясный идеологический фундамент, выстраивающие новый, такой потребный, образ будущего для России, у преобразований П.А. Столыпина отсутствовали. Но, при этом следует отметить, что идея и идеология, выводящие на цивилизационное своеобразие России, могли возникнуть и сложиться при условии продолжения и успешного завершения Столыпинских преобразований. Более того, с достаточной уверенностью (имея результаты последующего послереволюционного развития России в форме СССР) можно говорить о том, что при любых раскладах – привели бы преобразования Столыпина к утверждению намеченного Императором в манифестах 1905-1906 гг. формата обустройства общества и государства, смягчили бы режим государственного управления или, наоборот, усилили бы власть Государя – российское общество избежало бы тех невзгод и потрясений, которые оно пережило в период Гражданской войны 1917-1920 гг., политического произвола большевиков, социального закабаления, сродни крепостничеству, возникшего при осуществлении политики коллективизации и других подобных негоразд.

Сравнивая намеченные преобразования Столыпина и реформы Александра II, можно обнаружить проблемное сходство. – Крестьянская реформа 1861 г. коррелируется с земельно-аграрными преобразованиями 1906-1911 гг.; реформы Высшего (1863 г.) и Среднего (1871 г.) образования – с проектами в области народного просвещения 1908 г., предполагающими введение обязательного бесплатного начального образования в возрасте от 8 до 12 лет, создание трёхступенчатой единой системы образования, включающей в себя начальное, среднее и высшее специальное образование; Земская Реформа 1864 г. и реформа Городского самоуправления 1870 г. – с реформами местного управления и земского самоуправления Столыпина; Судебная реформа 1864 г. – с преобразованиями местных судов в 1906-1907 гг. И так по многим позициям. Такие сравнения показывают, прежде всего, что а) потребность преобразований в российском обществе реально существовала, а не была выдумкой властей предержащих, б) реформы Александра II и П.А. Столыпина касались фундаментальных вопросов социального устройства и государственного управления, в) по этой

причине они выходили на проблемы цивилизационного обустройства страны.

Незавершённость или свёртывание социально-государственных преобразований второй половины XIX – начала XX вв. во многом и спровоцировали Вторую русскую смуту, начавшуюся в феврале 1917 г. Но, не меньший урон обществу, оказавшемуся ввергнутым в революционную пучину, нанесло отношение Российского государства к Православной Церкви. Упразднение Патриаршества, фактическое в 1700 г. и формальное в 1721 г., имело сугубо политическую мотивацию, которая уже к началу XIX ст. полностью исчезла. Управление делами Православной Церкви через Духовную коллегию, а потом через Святейший правительствующий синод, для которого Император Всероссийский рассматривался в качестве «крайнего судии», формировало в глазах российской общественности и прежде всего интеллигенции образ служителей Православной Церкви как государственных чиновников, задействованных в духовно-религиозной сфере. Такие искажённые представления о православных священнослужителях в целом, начали проявляться уже в начале XIX в., что, собственно, отразилось в известном произведении А.С. Пушкина «Сказке о попе и о работнике его Балде». К началу XX века отсутствие Патриаршества в Православной Российской Церкви стало ещё более пагубным для всего российского общества. Нельзя не принимать в расчёт, что зачастую люди, занимавшие сугубо чиновничью должность обер-прокурора Синода и подчиняющиеся непосредственно Императору, были далеки от церковных потребностей и даже Православной веры. Естественно, что это приносило большой урон не только Православной Церкви, но православной религиозности российского народа.

Развитие Русской Православной Церкви как самоуправляющейся, фактически начавшееся с 1448 г., когда во главе митрополии, без согласования с Константинополем, был поставлен Православным Собором рязанский епископ Иона, определение особой исторической судьбы Руси с того же времени, как правопреемницы Византийской Империи, Третьего Рима, обеспечило условия для *свое-образного* насыщения Русского Православия глубокими и действенными религиозными идеями.

Русские не просто приняли Православие, они вдохнули в него новую жизненную струю, новые идеи, обогатили религиозное содержание фундаментальными постулатами. Русское Православие, не разрывая христианской традиции, идущей от первых Апостолов, выстроило свои специфические параметры религиозной системы, создало свою принципиальную религиозно-философскую идиологему, в основу которой положены постулаты Нестяжательства (идущие рядом и связанные с Исихазмом), Подвижничества (Старчества) и Соборности.

Одним из наиболее значимых представителей русского **Нестяжательства** был **Нил Сорский** (ок. 1433-1508), в миру – **Николай Майков**, собственно и основавший это учение. Оно фактически и стало русским Исихазмом, обретя черты самобытности и своеобразия. Нестяжательство развивало идеи нравственного самоусовершенствования и проповедовало освобождение человеческого духа от мирских проблем. Как и Исихазм (от греч. *hesychia* – покой, безмолвие, отрешенность) Нестяжательство означает проповедь о пути единения человека с Богом, самососредоточенности индивидуального сознания, в том числе в молитвенном озарении. Таким образом, достигается постижение Бога или Божьего сознания, т. к. индивидуальное сознание является его частью. Корни Исихазма уходят в раннее Христианство и связаны с Византийской религиозной культурой, потому связанное с ним учение Нестяжательства обозначает преемственность Русского Православия с Византийской религиозной традицией.

Подвижничество или **Старчество** на первый взгляд можно представить как учение, вытекающее из Нестяжательства (хотя бы на основании того, что первая община Нестяжателей, основанная Нилом Сорским, получила название «заволжские старцы»). Однако, на самом деле, это не так.

Во-первых, Подвижничество реализует принцип духовного руководства мирской жизнью, а не уход от нее.

Во-вторых, Подвижничество возникает в Русском Православии раньше, чем утверждается Нестяжательство.

В-третьих, Подвижничество в большей степени есть явление чисто русской религиозной культуры.

Подтверждением этому служат имена и деятельность **Сергия Радонежского** (1321-1390) и **Серафима Соровского** (1759-1833), в миру – **Прохора Мошнина**.

С другой стороны, между Нестяжательством и Подвижничеством существует глубокая внутренняя связь. Она заключается в том, что человек, прежде чем приступить к духовному руководству мирской жизнью, должен внутренне очиститься, подгото-

виться, освободив себя от призрачных житейских хлопот и соблазнов. Поэтому для реализации принципа Подвижничества необходимо должна быть преодолена ступень Нестяжательства.

Принцип **Соборности** предполагает духовное единение верующих в рамках Церкви. Причем Церковь здесь понимается скорее не как религиозный институт, а как форма единения, в том числе в виде религиозного сооружения, где верующие могут собираться.

Соборность обосновывает духовное равенство всех верующих – и мирян, и церковных служителей. Кстати, в традициях Русского Православия проводить религиозные съезды с равным представительством и равными полномочиями всех категорий верующих.

Русское Православие стало одной из ведущих скреп российского социокультурного пространства, самобытность и особость которого позволяло русскому обществу не растворяться в иноцивилизационных моделях, не становиться в положение репродуктивной цивилизации, всего лишь воспроизводящей другие цивилизационные устои – Византийские или Европейские, а имплантируя стандарты, методы и механизмы иных цивилизационных конструкций всегда достигать собственного своеобразия. Естественно, что для полноценного выполнения своей роли скрепы российского социокультурного пространства, а отсюда и важнейшего фактора его цивилизационного обустройства, Русская Православная Церковь должна быть самодостаточной, быть с государством, как формой цивилизационного выражения в нашем случае, а не структурой этого государства. В такой роли миссия Патриарха и функция Патриаршества становится определяющей. Лишённая этого Россия много потеряла в 1917 г.

Не в виде исторической аналогии, а как констатация исторического факта, отметим, что введение Патриаршества в России в 1589 г. (хотя оно могло состояться и значительно раньше) стало новым, духовным, импульсом развития и сбережения страны. В Уложенной грамоте об учреждении в России Патриаршего Престола восстанавливается идея Третьего Рима и содержится прямое обращение к Царю Фёдору Ивановичу с призывом выступить охранителем (катехоном) Христианского Мира: «Понежъ убо ветхий Рим падеся Аполинариевою ересью, Вторый же Рим, иже есть Костянтинополь, агарянскими внуцы – от безбожных турок – обладаем; твое же, о благочестивый царю, Великое Росийское царствие, Третей Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое во едино собрася, и ты един под небесем христьянский царь именуешись во всей вселенней, во всех христианех» [1]. Нельзя исключать, а скорее следует предполагать, что начавшаяся вскоре после утверждения Патриаршества, в 1590 г., война со Швецией, когда были возвращены многие земли, утраченные по итогам Ливонской войны, именно благодаря этому событию завершилась успешно для России.

Благотворным следствием введения Патриаршества стало сохранение русского народного духа в Смутное время. Именно Патриарх Ермоген (Гермоген), вдохновил Россию на борьбу с иноземной интервенцией и продажным олигархатом (Семибоярщиной). С конца 1610 г., находясь в заключении в Чудовом монастыре под стражей поляков и при пособничестве семибоярцев, Патриарх стал рассылать грамоты по городам и сёлам России с призывом подняться и освободить Москву от захватчиков. Именно грамота Ермогена воодушевила осенью 1611 г. нижегородского мещанина Кузьму Минина, который встал вместе с князем Дмитрием Пожарским во главе Второго Ополчения, освободившего в конце октября 1612 г. Москву и Кремль от польско-литовских агрессоров.

Отмеченные факторы – нерешённые проблемы социального обустройства и государственного устройства, огосударствление религии (не только Православия), связанные с цивилизационным распутьем России – ввергли страну в катастрофу 1917 г., которая, казалось бы, стала случайным недоразумением. Действительно, если сравнивать ситуацию на фронте и социальное положение российского народа в феврале 1917 г. с положением СССР в октябре 1941 г., то тяготы испытаний советского народа были неизмеримо больше. Но если в СССР в 1941 г. вопрос цивилизационного выбора был решён, пусть и в такой уродливой форме как коммунистический проект (правда, значительно подправленный в тридцатых годах благодаря устойчивым ценностям русского социокультурного поля), то в 1917 г. российское общество пребывало, фактически, в состоянии цивилизационного безвременья. А любое социальное безвременье создаёт благоприятную среду для разного рода авантюр и произвола. В этих условиях и произошло под влиянием олигархических и популистских кругов отречение Императора Николая II от российского престола. – Вместе с такими попули-

стами-авантюристами как П.Н. Милюков (имевший тесные связи с британским посольством), А.И. Гучков (дрейфовавший в стан разрушителей государственности на основе неприязни к последнему Императору), А.Ф. Керенский, с конца 1916 г. действовала т.н. «Великокняжеская фронда», в которую входили члены императорской фамилии. Некоторые из них пали жертвой большевистского террора, как следствие Октябрьской революции, которой они косвенно способствовали – Великие князья Николай Михайлович (руководитель «фронды», прозванный «Филипп Эгалите»), Павел Александрович (требовавший конституции), Георгий Михайлович. Великий князь Дмитрий Павлович был участником убийства Г.Е. Распутина. Великий князь Кирилл Владимирович ещё до отречения Николая Второго перешёл на сторону Государственной Думы и заявил о поддержке революции. А Великий князь Николай Николаевич, командующий Кавказским фронтом, уже 28 февраля 1917 г., на другой день после захвата власти в Петрограде мятежниками, на встрече с командующим Черноморским флотом адмиралом А.В. Колчаком обозначил свою склонность к поддержке отречения Николая Второго. В то время как А.В. Колчак оставался верен монарху, что чрезвычайно раздражало Николая Николаевича.

События конца февраля – начала марта 1917 г. принято называть революцией. Однако, de-facto прозвучала лишь заявка на революцию, хотя и сопровождавшаяся достаточно радикальными политическими действиями, прежде всего – отречение Императора Николая Второго от престола в Российской Империи и ликвидация имперского устройства государства. Но, произошедшие вследствие восстания в Петрограде рабочих и солдат изменения были временными, как и возникшее Временное правительство, а окончательную форму государственного устройства должно было определить Учредительное собрание. И не исключалось возвращение к имперской форме правления с монархическим или конституционно-монархическим режимом. Следует отметить, что для общества в целом и большинства политических партий и движений необходимость проведение Учредительного собрания вытекало из состояния «непредрешённости» устройства власти в России, которая после отречения Николая Второго в течение шести месяцев имела неопределённую форму правления и лишь Постановлением Временного правительства 1 сентября 1917 г. была провозглашена Российская республика как временная форма государственного устройства до окончательного определения в этом вопросе именно на Учредительном собрании. Говорить при таких условиях о завершённой, т.е. состоявшейся, революции не представляется возможным. Точнее будет определять события февраля-марта 1917 г. как государственный переворот, в результате которого возникло двоевластие Временного правительства, стремящегося обеспечить легальность трансформации государственной власти через Учредительное собрание, и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Петросовета), не только претендовавшего на власть во всей России, но и, по сути, отрицавшего, в принципе, какую-либо форму власти, кроме республиканских Советов.

В конце концов, именно противоборство между Временным правительством, с одной стороны, и, с другой стороны, сначала Петросоветом, а затем с июня 1917 г. – Всероссийским Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) спровоцировало безвластие, которое завершилось октябрьским захватом государственной власти большевиками, что привело к действительно революционным изменениям в стране. В этом контексте, февральский государственный переворот стал прелюдией Октябрьской революции, которая не просто обеспечила захват власти у Временного правительства и у Учредительного собрания (разогнав его в январе 1918 г.) в пользу ВЦИК, но и волюнтаристски решила вопрос государственного устройства в форме республики Советов, приступив к формированию нового социального строя на основе новой цивилизационной модели, с новой идеологией.

Оценки Российской Коммунистической революции октября 1917 г. разнятся от крайне восхвалительных до резко отрицательных и уничижительных. Любопытно отметить, что, начиная с годов Гражданской войны и вплоть до недавнего времени, коммунисты говорили о том, что они не только свергли власть помещиков и капиталистов, но и царя. Но, в последние годы представители Компартии РФ подчёркивают, что большевики в октябре 1917 г. свергли Временное правительство, но не царя, что, в принципе, является правдой. Однако, правдой является и то, что именно коммунисты жестоко расправились с Николаем Вторым и его семьёй и со многими другими родственниками последнего Императора России. А это говорит о том, что коммунисты выступили приемниками самых радикальных политических кругов, участвовав-

ших в Февральском государственном перевороте, и именно они насильственно прервали эволюционную трансформацию российской государственности, которая должна была завершиться установлениями, принятыми Учредительным собранием. Мысль не нова, но получается, что в 1917 году победили либералы – умеренные в феврале и крайние в октябре.

С другой стороны, захват власти большевиками и свершённая ими Коммунистическая революция стали реакцией на паралич власти в России, ущербную внутреннюю и внешнюю политику. И в этом смысле возникают условия её неизбежности, что, конечно же, не оправдывает сам факт насильственного захвата власти (включая и разгон Учредительного собрания) и последовавшую Гражданскую войну, спровоцированную этим фактом. При этом ещё более значительная, основная доля ответственности за начавшуюся в 1917 г. Вторую Великую смуту в России лежит на том олигархате, олигархическом окружении Императора, который не смог и не захотел извлечь уроки из Восстания 1905-1907 гг., вредил правительству П.А. Столыпина и, возможно, был причастен к его гибели, расшатывал Империю и власть Императора, не имея никаких проектов будущего, не представляя способов развития страны. Недаром, один из твёрдых российских государственников и монархистов И.Г. Щегловитов, понимавший опасность олигархического правления в ущерб имперской власти и видевший ущербность послестолыпинского правительства в конце 1916 г. на одном из заседаний Государственного Совета Российской Империи произнёс, имея в виду состав тогдашнего Совета министров: «Паралитики власти слабо, нерешительно, както нехотя, борются с эпилептиками революции» [2].

Иными словами, не было бы ни Февральского государственного переворота, ни Октябрьской коммунистической революции, если бы в Российской Империи в начале XX в. (хотя бы после Восстания 1905-1907 гг.) утвердилась охранительная, сдерживающая структура, обязательно под началом императорской власти, типа Опричнины Ивана Грозного, которая смогла бы, как минимум, нейтрализовать давление и влияние разлагающего общество олигархата. Но, ещё более правильным было бы, наряду с образованием охранительного учреждения, осознание и идеологическое оформление своего проекта российского цивилизационного строительства, исходя из учения о культурно-исторических типах Н.Я. Данилевского и с использованием идейных скрепов русской философской мысли. Нерешённость этих злободневных и насущных вопросов до 1917 г., привело к их решению, по сути, в извращённой форме – в виде института большевистских комиссаров и коммунистической цивилизационной модели, как искажённой вариации Европейской цивилизации. Да и сама Коммунистическая революция в октябре 1917 г. стала такой же формой решения нерешённых вопросов.

Очень важно отметить, что достаточно длительное существование, в измерении человеческой жизни, коммунистического режима, утвердившегося в результате Гражданской войны 1917-1920 гг., непосредственно доказывает, что отмеченные вопросы действительно были злободневны и существенны для этого отрезка пути исторического развития России. Таков был выход России из Второго Смутного времени, такое было преодоление очередного цивилизационного распутья российского общества. Не сумев выстроить свою собственную цивилизационную модель и применить её стандарты к обустройству своего социокультурного пространства, российское общество сполна испытало на себе все тяготы чуждых иноцивилизационных регуляторов, особенно в первые два десятилетия коммунистического правления. Стремясь утвердиться в российском социокультурном пространстве адепты коммунистической модели постарались выбить один из краеугольных камней этого пространства – Русскую Православную Церковь. Борьба коммунистов против Православия, равно как и против других традиционных конфессий России – Ислама, Иудаизма, Буддизма, – показывает процесс иноцивилизационного моделирования в другом, российском, социокультурном пространстве. К месту сказать, что для Европейской цивилизации, природно оппозиционной, а то и враждебной России, её традиционные конфессии и прежде всего Русское Православие всегда были объектами нападок и козней. Но, как и после проевропейских реформ Петра Великого, российское социокультурное поле перемололо иноцивилизационные стандарты и механизмы, не позволив им разрушить традиционные ценности, смыслы и символы [См.: 10].

Потому падение коммунистического режима в 1991 г. было проявлением очередного цивилизационного кризиса в нашей стране. Коммунистическая цивилизационная модель, её стандарты, механизмы, правила и приёмы обустройства и устройства социального пространства (постоянно изменяющегося и совершенствующегося)

исчерпали себя. Это был кризис модели социального управления, вследствие этого кризис общества и государства, но никак не кончина страны – исторической России. Именно этот цивилизационный кризис привёл к распаду СССР и Третьей Великой Смуте, а совсем не падение цен на нефть и другие энергоносители. И даже происки спецслужб США и их пособников с Западной Европы и др., моральное растление советского народа разного рода «голосами» и «волнами», подпитываемые тем же Западом диссиденты не стали конечными разрушителями СССР. Да, расшатывали устои. Но, ничего бы не сделали, если бы система социального обустройства, политического устройства и государственного строя не дала бы сбой. Кстати, куда подевались после 1991 г. все те диссиденты, что «шатали» советский строй? Куда-то подевались, но в политике РФ 90-х годов прошлого столетия их заметить не получается. Естественно, я имею в виду реальную политику федерального уровня, а не политические тусовки в актовых залах, скверах и малотиражных изданиях.

С 1991 г. начался период цивилизационного распутья, когда вначале – 90-е годы XX в. – расколовшиеся фрагменты страны (все, без исключения, хотя и в разной степени) попытались применить модернизированные европейские цивилизационные стандарты, а затем – уже в XXI в. – в матричной части страны, в Российской Федерации, стало происходить переосмысление цивилизационной ориентации. Хотя, к сожалению, пока без осознания, на уровне государственного руководства страной и в сфере общественного сознания в целом, своей российской цивилизационной модели.

Как минимум, для имевших место в истории нашей страны состояний цивилизационного распутья – во второй половине XVI – начале XVII столетий, в начале XVIII в., в начале XX в. и в конце XX – начале XXI столетий – характерным является возникновение различных форм олигархического правления, попытки олигархата управлять страной исходя из своих личных и корпоративных интересов. Примечательно, что наиболее эффективный выход из цивилизационного распутья был совершён Петром Великим с опорой на институт гвардейцев, как системы защиты государства и противовес олигархату, а также с использованием имплантационной европейской цивилизационной модели. Опричнина Ивана Грозного, безусловно, обуздала боярский олигархат. Но тогда не определились с цивилизационной моделью и даже не подошли к пониманию необходимости таковой, что спровоцировало Великую Смуту начала XVII в., хотя Опричнина и отсрочила её возникновение. В начале XX ст. не было ни сдерживающей олигархат структуры, ни цивилизационного проекта и никакой остановки, возможной для предотвращения Смутного времени не стало. И это самый трагический эпизод цивилизационного распутья России.

Основной урок для нашего времени по событиям 1917 г. видится в том, что цивилизационное распутье рано или поздно приводит к социальной катастрофе, если не решаются две главные задачи в этом состоянии: 1) не образуется эффективная структура для сдерживания и подавления своеволия олигархата и 2) не принимается адекватный сложившимся историческим условиям цивилизационный проект развития страны и государства.

Утрата обществом цивилизационных ориентиров социокультурного развития, состояние цивилизационного распутья (особенно в фазе возникновения и длительности протекания) провоцирует пробуждение племенного мышления, разрушение моральных норм и нравственных ценностей духовно развитого общества, приносит этническую и групповую сегрегацию, что приводит к отторжению не только общенациональных, общедержавных и общесоциальных интересов, но и подавлению личностно-индивидуальных. А это как раз почва для Гражданской войны, которая мало чем отличается от племенных распрей в древних и архаичных обществах. Собственно, само современное общество в условиях Гражданской войны становится архаичным, где архетипы поведения группового изоляционизма по схеме *свои-чужие* провоцируют всё новые и новые социальные конфликты.

Выбор иноцивилизационных ориентиров, пусть и ограничивающийся имплантацией определённых стандартов и механизмов иной цивилизации, при некоторой пользе в сравнении с отсутствием какого-либо продуктивного плана будущего, несёт ещё одну проблему, можно сказать беду для общества, которая состоит в том, что в каждодневную жизнь, в т.ч. институтов социального и государственного управления, включается ценностная ориентация чужой культурно-цивилизационной системы. И это приводит к тому, что общество получает такой аппарат власти, который больше старается и стремится угодить и понравиться иноземцам, у которых копируется ценностная ориентация, нежели своему народу. Как ни прискорбно, но это становится

именно проблемой и бедой общества, потому что власть в своём персонифицированном выражении при такой раскладке чувствует себя вполне комфортно. Правда, до определённого момента, пока общество не начинает избавляться от такой власти….

Относительно цивилизационных ориентиров для России в нынешнее время следует отметить, что никакой имплантационной модели европейского или, тем более, китайского образца уже быть не может. И не только по причине исторической исчерпаемости отмеченных моделей, но и вследствие того, что Россия со своим социокультурным пространством сейчас никакую иную, кроме своей, цивилизационную конструкцию не приемлет [Подробнее об этом: 6, С. 234-252]. Но, даже в случае возникновения задержки с принятием цивилизационного проекта органами социального и государственного управления, решение уже перезревшего вопроса о создании учреждения, сдерживающего проявления олигархического правления, должно быть в повестке дня Президента Российской Федерации. Чтобы более предметно обрисовать и представить эту тему, следует особо остановиться на характеристике первого отечественного учреждения по борьбе с олигархатом и дать некоторые сравнения с другими подобными институтами.

ОПРИЧЬ ОЛИГАРХАТА

Учреждение в Русском царстве в январе-феврале 1565 г. Опричнины и связанная с ней политика зачастую трактуются как совершенно негативные явления Отечественной истории. В подтверждение таковой трактовки говорится о необузданном нраве самого Царя Ивана Грозного, который проявил своё самодурство во время Опричнины, и о пагубных последствиях опричнинской политики, сопровождавшейся беззаконием и террором. Хотя, хорошо известно, что в сравнении с Англией и Францией и её правителями того же исторического времени, Русская держава и Иван Грозный были просто образцами добродетели. К сожалению, даже несмотря на научно-исторические оценки личности Ивана Грозного и опричнинской реформы, вызванной необходимостью укрепления русской государственности и направленной на сдерживание своеволия олигархата в лице бояр, дьяков (высшей бюрократии того времени) и церковного начальства, отмеченные мрачные описания стали распространёнными в общественном представлении о том историческом времени. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу (здесь написано много и вряд ли есть смысл повторяться), хотелось бы отметить некоторые исторические факты, достаточно известные, которые указывают на мотивы введения Опричнины и показывают её обусловленность запросами государственного строительства в России эпохи Ивана Грозного. В то же время, эти факты, а равно и сами результаты Опричнины, позволяют дать непредвзятую оценку этой страницы русской истории. А уже исходя из этого возможно будет показать историческое значение Опричнины для современности, для нынешнего укрепления российской государственности.

16 января 1547 г. Митрополит Московский и всея Руси Макарий возложил на Ивана Васильевича знаки царского достоинства. Этот акт имел многогранное значение. Во-первых, во главе Русской державы теперь стоял не просто князь, хотя и Великий, но в одной категории со многими другими русскими князьями, а носитель верховной цезарской власти – Царь. Следует сказать, что этим решением Иван Васильевич продолжил устремления своего деда Ивана Великого, заложившего имперские основы новой Русской державы с центром в Москве, который впервые принял титул Государя и Великого князя всея Руси. Во-вторых, статус Царя давал возможность Ивану Грозному подняться над боярскими распрями и своеволиями, которые захлестнули Русь после смерти Государя и Великого князя Василия Ивановича в 1533 г., подчеркнув дополнительным титулом мощь державной, теперь и царской власти. В-третьих, титул Царя давал возможность Русской державе и её правителю утвердить свой международный статус и формализовать его в категории европейских королевств и империй. Дело в том, что для европейских правящих кругов и дипломатии титул Государя был непонятен, а определение Великого князя ими транслировалось как принц или даже как Великий герцог, что влекло некое пренебрежение к Русской державе и её правителю. В-четвёртых, и это представляется самым важным, титул Царя позволял продолжить выстраивать образ Третьего Рима, идея которого была сформулирована в 1523-1524 гг. иноком Филофеем для отца Ивана Грозного Василия Ивановича. В этом значении царский титул мог стать символом выстраивания соб-

ственной цивилизационной модели для Руси, предпосылки которой возникли уже в эпоху Ивана Великого.

Введение царского титула стало первым преобразованием в устройстве и управлении Русской державой, осуществлённым Иваном Васильевичем. Следующие преобразования такого рода связывают с деятельностью так называемой «Избранной рады». Сам этот термин придумал князь Андрей Курбский, который до 1564 г. был сподвижником Ивана Грозного и входил в число наиболее близких к Царю людей. Слово «рада» скорее всего было заимствовано Курбским из польского лексикона, который он освоил во время пребывания в Речи Посполитой, после бегства из Москвы. В самой историографии Русской державы середины XVI века какого-либо названия ближайшего круга Ивана Грозного не было отмечено. Можно назвать этот круг людей Ближней думой, которая формально существовала в тот период или по Н.М. Карамзину «Священным союзом». Но, фактически, все преобразования готовились и проводились в жизнь самим Иваном Грозным и его ближними людьми, часть которых была прописаны в Ближней думе, а часть не входила в её состав. Итак, какие же преобразования были проведены? Они хорошо известны и описаны историками, потому достаточно их просто перечислить.

В 1549 г. состоялся Первый Земский (общегосударственный) собор, в котором приняли участие представители всех слоёв русского общества. По инициативе Ивана Грозного на Соборе было принято решение о выборности самими жителями старост и других местных управленцев, вместо государевых наместников. Также Собор постановил провести редакцию Судебника, сборника законов Русской державы, впервые принятого при Иване Великом, деде Ивана Грозного.

В 1550 г. редакция Судебника была закончена и он был принят Боярской думой. Судебник, как единственный источник права в Русской державе, закреплял процесс централизации государства и ослаблял влияние удельных князей, лишая их, в частности, судебных привилегий. В нём закреплялось право крестьян на переход от одного помещика к другому (Юрьев день), устанавливался единый размер судебных пошлин, усиливалось влияние царской администрации на процесс соблюдения законности в государстве и ограничивалась власть наместников.

Важнейшим положением Судебника стало учреждение системы органов централизованного государственного управления – приказов. Собственно, приказы как управленческие учреждения появляются ещё при Иване Великом, но они были скорее артикуляцией определённых поручений (приказов), которые великокняжеской властью давались должностным лицам – боярам, окольничим, дьякам или дворянам, нежели институтом как управленческим учреждением. Преобразования же Ивана Грозного создавали систему приказного управления государством по основным направлениям его деятельности – внешней (посольский приказ) и внутренней (челобитный, поместный, стрелецкий, пушкарский, бронный, печатный, земские приказы и т.п.).

В 1551 г. состоялся Стоглавый собор, посвящённый упорядочиванию церковных дел, на котором, в силу представительства земств и участия Боярской думы, решались и общегосударственные дела. Например, Стоглавым собором был утверждён Судебник, принятый годом ранее Боярской думой. Признание этим Собором всех местночтимых святых общерусскими и установлении чётких канонов иконописания для всей Русской Православной митрополии свидетельствует также об объединительных духовно-религиозных устремлениях в централизованной Русской державе. Достижением Стоглавого собора можно считать и примирение между внутрицерковными православными движениями – иосифлянами и нестяжателями.

Принятие в 1556 г. Уложения о службе подводит итог работе по земельному законодательству, формирует правовые основы поместного землевладения и закрепляет переустройство Войска Русской державы. Военная реформа приводит на смену дружин, которые комплектовались удельными князьями, единое державное дворянское войско, состоящее из служилых людей и подчинённое непосредственно центральной царской власти. Возникают специальные воинские подразделения регулярного войска – стрельцы и пушкари.

В том же 1556 г. в рамках преобразования местного самоуправления отменяется практика кормления, когда должностные лица на местах, направленные Великим князем или удельными князьями для несения государственной службы, содержались (кормились) местным населением. Это вело к произволу и злоупотреблению ряда наместников, волостелей и тиунов, которые пользуясь своим служебным положением и имеющимся в их распоряжении карательным аппаратом, пытались за время

своего кормления «выжать все соки» с местного населения. Вместо назначаемых княжеской волей кормленщиков во главе земского самоуправления становятся выбираемые самой земщиной головы и целовальники (после избрания произносили клятву на верность долгу и целовали крест).

Столь нужные для развития русской государственности преобразования были реализованы не в полной мере. И здесь основной проблемой стало кадровое обеспечение реализации принятых решений, прежде всего, по системе государственного управления. Даже люди ближнего круга Царя, декларировавшие поддержку преобразований, в политических действиях руководствовались своими олигархическими и личными интересами, а не интересами государства. Проблема эта имела и объективный характер, так как русская олигархия того времени, в лице бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков, в усилении Русской державы видела только усиление царской власти, но не видела идею русской государственности, которая должна была строиться по особой и отличной от иных цивилизационной модели. По сути дела, во всей системе преобразований пятидесятых годов XVI столетия была забыта идея Третьего Рима, которая как раз и смогла бы обосновать общее поле движения русской государственности и для Царя, и для высшей знати, создать цели такого движения.

Недоведённые до конца, половинчатые воплощения намеченных преобразований проявились в ходе Ливонской войны, начавшейся успешно для Русской державы, во многом благодаря хотя бы частичной реализации отмеченных преобразований. Однако, к 1564 г., когда Русская держава вела войну главным образом с Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским со всей очевидностью сказались и незавершённые преобразования, и блуждающие настроения русской знати, и отсутствие идеологической обоснованности. Важно отметить, что абсолютное большинство земель и населения Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского были русскими, языком делопроизводства был русский язык и иногда использовалась латынь (как правило, в церковных документах), даже денежная единица называлась гривна. При отсутствии государственной идеологии, олигархат, который, в общем-то, и не стремится иметь для себя идейные ориентиры, руководствуясь корпоративными и личными интересами, получает дополнительный стимул и большие возможности выстраивать своё социальное, включая политическое, поведение исходя из своих собственных предпочтений. Тем более, что эти предпочтения можно как-то морально обосновывать. Что, собственно говоря и было продемонстрировано князем Курбским в его знаменитой переписке с Иваном Грозным.

К 1565 г. Иван Грозный убеждается, что рассчитывать на свой, теперь уже бывший, Ближний круг в реализации намеченных преобразований невозможно. Этот Ближний круг, названный Андреем Курбским «Избранной радой», противился выдвижению способных к государственному управлению людей только по той причине, что они были выходцами из незнатных сословий. Более того, многие вельможи из близкого окружения Царя начинают открыто и тайно противодействовать выстраиванию сильной централизованной Русской державы. Некоторые из них готовы поменять власть русского Царя на Великого князя литовского, русского и жемойтского и Короля польского. Тогда у Ивана Грозного рождается новый проект, призванный отрегулировать систему государственного управления и решить проблему кадрового обеспечения органов государственного управления всех уровней – от земств до общедержавного. Это более масштабное и глубокое преобразование получает название – Опричнина.

Таким образом основная причина Опричнины видится в трудностях, а то и невозможности произвести необходимые переустройства всей системы государственного управления, обустройство Русской державы в соответствии с её новым статусом, имеющим теперь уже имперские признаки. (К слову, отца Ивана Грозного Василия Ивановича Император Священной Римской Империи германской/тевтонской нации Максимилиан I в Договорной грамоте от 1514 г. уже титулует Императором русов [3]). Потребность таких переустройств отнюдь не диктовалась волей и стремлением Царя Ивана Грозного, даже не истекала из сугубо политико-административных соображений государственной власти, а исходила из устремлений всего русского общества, прежде всего от незнатных сословий. Подтверждением этому является тот факт, что в конце 1564 г. после отъезда Ивана Грозного из Москвы в Александровскую слободу по причине «беззакония боярского правления», «московское простонародье» прореагировало весьма показательно: «Все замерло, столица мгновенно прервала свои обычные занятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли. В смятении и ужасе город завопил, прося митрополита, епископов и бояр ехать в слободу,

бить челом государю, чтобы он не покидал государства. При этом простые люди кричали, чтобы государь вернулся на царство оборонять их от волков и хищных людей, а за государских изменников и лиходеев они не стоят и сами их истребят. … В слободу (Александровскую – А.Ф.) отправилась депутация из высшего духовенства, бояр и приказных людей с архиепископом Новгородским Пименом во главе, сопровождаемая многими купцами и другими людьми, которые шли бить челом государю и плакаться, чтобы государь правил, как ему угодно, по всей своей государской воле» [4, С. 67]. Тем самым народ заявил о своей полной поддержке Царю-преобразователю.

Надо сказать, что Иван Васильевич не «цеплялся» за власть и готов был положиться, как человек глубоко верующий, на Божью волю. Что, собственно говоря, он и делал – объявляя Опричнину, сохраняя Земщину, сажая на престол Симеона Бекбулатовича. Это достаточно рискованные шаги для самовластия, которые мог себе позволить не просто решительный или самоуверенный человек, а тот, кто готов пожертвовать личным статусом ради проведения необходимых преобразований, потребность которых он остро ощущал (хотя, так и не смог применить к ним идейное обоснование). Также в этих рисковых для царской власти решениях и действиях нетрудно увидеть готовность общества поддержать самодержавную власть, потребность Русского народа именно в самодержавии, что обеспечило беспрекословность власти Ивана Грозного на всей территории Русской державы, несмотря на все его пространственные и статусные манипуляции.

Опричнина описана и охарактеризована десятками отечественных историков, начиная с Н.М. Карамзина, потому повторяться в этом нет никакого резона. Существует достаточное количество исследований, в которых даны анализ и оценка мотивов и результатов Опричнины, её историческое значение для современной России. В этой связи, следует указать на интересную публикацию А. Фурсова «Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем», в которой автор сосредоточился не на моральных оценках действующих лиц Опричнины и принимаемых ими решений с позиции современного человека, что весьма условно и некорректно, а на социально-исторических оценках с учётом исторического своеобразия и исторических запросов того времени, когда Опричнина проводилась. Такой подход видится и предметным, и продуктивным. А. Фурсов совершенно справедливо отмечает, что «опричнина до конца «дотёрла» удельную систему, устранив даже её следы … Иначе в лучшем случае Россия превращалась бы в нечто польшеподобное, олигархическое с перспективой войны всех против всех – так оно и произошло в Смуту, однако грозненский самодержавный каркас не позволил распасться обществу, получившему бифуркационный толчок в самодержавном направлении. В худшем случае Россия просто перестала бы существовать. С учётом этой перспективы и следует оценивать достижения и неудачи опричнины как исторического явления» [5].

Тем не менее, некоторые дополнительные выводы по исторической Опричнине сейчас стоит сделать. Они важны в плане выстраивания общей конструкции рассуждений и умозаключений о принципах и механизмах преобразований в российском обществе и государстве в периоды насущно необходимых социально-исторических выборов. Эти выводы строятся не только исходя из того, что Опричнина была потребным для русского общества и государства шагом преобразований, начатых в 1547 г. царским титулованием Ивана Васильевича, но и в контексте необходимости цивилизационного выбора для Руси и соответствии этих преобразований такому выбору. Цивилизационный выбор для общества не означает, что он должен быть публично предметно сформулирован. Тем более, когда речь идёт об исторической эпохе, когда не то что понятия, даже термина «цивилизация» не существовало. Однако, если рассматривать цивилизацию как обустройство социокультурного пространства, т.е. пространства с особыми, отдельными и отличными признаками культуры (материальной и духовной), то пространство Руси к середине XVI в. всеми этими признаками обладало [более обстоятельно об этом см.: 6, С. 78-123]. Развёртывание и концептуальное оформление идеи Москва – Третий Рим могло бы дать русскому обществу и, главное, государству цивилизационный проект движения в будущее или, иными словами, показать принципы, способы, механизмы и цели социального и государственного обустройства.

В преддверии и во время Опричнины Царь и его сподвижники не определили самого главного – целеполагания преобразований и идеи их обосновывающей. Представляется, что отсутствие целеполагания, предполагающего идейное обоснование и оформление, в первую очередь сказалось на несовершенстве, недоработках и расплывчатости самого процесса и результатов Опричнины.

Сам факт разделения Московской Руси на Земщину и Опричнину лишал преобразования полноты и комплексности, изначально делал невозможным её завершение с определёнными конечными результатами.

При введении Опричнины, в Земщине была сохранена Боярская дума, действовавшая как институт олигархии и по природе своей чуждая в тот период необходимому переустройству страны. Несмотря на вмешательства опричников и самого Ивана Грозного в дела Земщины, контроля с их стороны за Боярской думой, последняя с начала Опричнины в 1565 г. и до смерти Царя-преобразователя в 1584 г. сохраняла не только формальные признаки, но являлась фактическим органом государственной власти. Можно сказать, что и эта половинчатость сказалась в 1610-1612 гг. Семибоярщиной – олигархическим органом, сформированным из пяти князей и двух бояр после низложения Василия Шуйского, призвавшим на русский престол польского королевича Владислава из шведской династии Ваза. Да и, собственно, сам Василий Шуйский, Государь, Царь и Великий князь всея Руси с 1606 по 1610 гг., один из самых неудачных русских правителей, был ставленником Боярской думы и именовался «боярским царём».

Скрытый, а зачастую и открытый саботаж решений Земского 1549 г. и Стоглавого 1551 г. соборов; торможение, а то и срыв практической реализации положений Судебника 1550 г., в том числе в части формирования приказной системы; невыполнение или искажённое толкование Уложения о службе; препятствия в выполнении реформы местного управления со стороны знати и Боярской думы ввергают Ивана Васильевича в состояние близкое депрессии, которая во многом определялась как раз кризисом целеполагания в его государственной деятельности. В.О. Ключевский отмечает, что когда Царь вернулся в феврале 1565 г. в Москву из Александровской слободы, после «обиды» на бояр и высшее церковноначалие и с решимостью учредить Опричнину, то вид его свидетельствовал о тяжёлых духовно-психологических переживаниях: «небольшие серые проницательные глаза погасли, всегда оживленное и приветливое лицо осунулось и высматривало нелюдимо, на голове и в бороде от прежних волос уцелели только остатки. Очевидно, два месяца отсутствия царь провел в страшном душевном состоянии, не зная, чем кончится его затея» [4, С. 68]. Эти переживания свидетельствуют о том, что для Ивана Васильевича долг перед страной и государством был важнее и ближе, чем личное благополучие и личная выгода, которых он мог достичь без особых хлопот, потакая «Избранной раде» и олигархату в целом. В то же время, волевой настрой, характерный для Ивана Грозного побуждает его, как человека деятельностного, приступить к глобальным и коренным преобразованиям – Опричнине. И здесь мы видим, что не цивилизационной идеей, к сожалению, руководствуется Иван Грозный, а исключительно своей политической волей, можно сказать, интуитивным пониманием необходимости изменений в системе социального и государственного управления.

Скорее всего, отсутствие целеполагания и идеи преобразований порождает сомнения и поведенческие метания Царя, что проявляется и в его переписке с князем Курбским, и попытке получить политическое убежище в Англии [См.: 7, С. 219]. К тому же, переписка и, особенно, поиск возможности укрыться от угроз в Англии говорят не только о неуверенности Ивана Васильевича, но и о его определённой европейской ориентации, я бы даже уточнил, с учётом современных концептуальных подходов, – цивилизационной ориентации. В общем, Иван Васильевич проявлял склонности к «европейничанью» (термин Н.Я. Данилевского [См.: 8, С. 263-300]) в период Опричнины.

Опричнина как способ продвижения преобразований в обществе и совокупность приёмов переустройства системы социального и государственного управления имеет свои более поздние аналоги в виде учреждения Гвардии, а также фискальной службы и «майорских» следственных канцелярий Петром Великим и института комиссаров, созданного большевиками. Образование фискальной службы и «майорских» следственных канцелярий заняло особое место в преобразовании «едва ли не всех звеньев государственного механизма России» первой четверти XVIII в. [9, С. 54]. А петровские преобразования вывели Россию на новый путь цивилизационного развития, который строился на основе заимствования европейских цивилизационных стандартов. Похожую задачу выполняли и комиссары большевиков, которые обеспечивали цивилизационное переустройство страны в формате коммунистической цивилизационной модели, являющейся ничем иным как вариантом европейской цивилизации, с чётко выраженной претензией на всемирный, глобальный статус.

В начале XVIII века при Петре Великом, так же как и в начале XX столетия наша

страна стояла перед цивилизационным выбором и это были периоды исчерпания возможностей прежде использовавшихся цивилизационных моделей, периоды кризиса ранее использовавшихся способов социального обустройства и государственного управления. В подобных условиях возникает и Опричнина. И основной её задачей должно было стать цивилизационное «переодевание» с помощью Византийской цивилизационной модели, к которой, собственно говоря, и вела идея Третьего Рима. Опричнина не поднялась до этого уровня. И в этом видится главный её недостаток, причина её половинчатости и незавершённости.

Несмотря на то, что Опричнина была ярко артикулирована, настолько ярко, что остаётся до сегодняшнего дня феноменом социально-политического дискурса, не говоря уже об историческом, она не получила завершённой институционализации. Более того, в период формализованной Опричнины (1565-1572 гг.) её институциональное состояние было размытым и неустойчивым. – Была претензия на монашеское братство, но не было реализации; была территориальная локализация, но не было установлено правил взаимодействия с Земщиной; смыл разделения территории государства на Опричнину и Земщину так и не обнаружил себя. Видоизменение в 1572 г. Опричнины и даже запрет самого слова, замена его на Двор, а опричников на дворовых, ничего не прибавили в смысле институционализации. Неформализованное продолжение Опричнины в виде Двора имела ту же степень незавершённости и расплывчатости, усугублённые манипуляциями Ивана Грозного с «царствованием» Симеона Бекбулатовича.

Больнее всего все отмеченные недочёты Опричнины, возникшие вследствие её безыдейности, сказались на международном статусе Русской державы и итогах Ливонской войны, фактически проигранной и приведшей к территориальным уступкам – незначительным Речи Посполитой и более заметным Швеции. С другой стороны, и результаты Ливонской войны, и, отсюда, международный статус Русской державы могли быть значительно хуже, если бы не преобразования Царя Ивана Васильевича, начатые в 1547 г., составной частью которых была Опричнина. Так, с 1550 г. на смену войску пищальников, которое формировалось во многом как ополчение, было учреждено регулярное стрелецкое войско (стрельцы), которое хорошо зарекомендовало себя и во время взятия Казани в 1552 г. и впоследствии во время русско-шведской войны 1590-1595 гг., когда Россия смогла вернуть многие земли, утерянные в результате Ливонской войны. Потому, с достаточным основанием можно говорить, что достигнутая боеспособность русской армии в результате военных преобразований 1550 г. обеспечила и незначительные потери по итогам Ливонской войны, и возвращения территории после войны со Швецией в 1590-1595 гг., которую можно рассматривать как своеобразное завершение Ливонской войны на северо-западе.

Оценивая Опричнину, ещё раз следует отметить, что она была необходимой реакцией на трудности в реализации преобразований 50-х годов, а сами преобразования Ивана Грозного, включая Опричнину, стали потребностью социально-политического и экономического развития Русской державы и совсем не следствием царской прихоти. Уже этот факт, сам по себе, позволяет говорить о пользе Опричнины, а не о её вреде, ибо несовершенный план действий и слабая его реализация лучше, чем вовсе отсутствие плана. Что касается положительных результатов преобразований и Опричнины, то они состоят в целом ряде достижений, которые позволили Русской державе достаточно успешно не только существовать, но и развиваться в 80-е и 90-е годы XVI столетия, вплоть до 1605 г., выиграть войну со Швецией (уже упоминавшуюся выше), пережить, в конце концов, Смутное время 1605-1612 гг.

Опричнина во многом обеспечила утверждение в Русской державе самодержавной власти, которая проявилась даже в том, что Иван Грозный, оставив себе только опричные, а потом дворовые земли и даже провозгласив «запасного царя» Симеона Бекбулатовича, продолжал de-facto управлять всей страной и контролировать все социально-политические процессы, на территории Земщины в том числе. Сложившаяся система самодержавной власти включала в себя и эффективные сдерживающие факторы в виде Земского собора и совещательных органов при Царе. Боярская дума, после преобразований Ивана Грозного, избавилась от характера и привычек органа управления в удельно-княжеской Руси и приобрела черты представительного и совещательного учреждения в царской России, просуществовав ещё более ста лет до 1700 года. Причём, социальная потребность в самодержавной власти проявлялась в Русской державе и при Иване Грозном (уже отмеченная ранее требованием москвичей к боярской знати по возвращению Царя с Александровской слободы на престол в Москву), и в Смутное время, когда народ жаждал законного самодержца, и на Зем-

АСПЕКТ 2017 №2(2) «Февраль 1917-го в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви

ском соборе 1613 г, когда представители российских сословий избрали новую царскую династию.

Обозначенные и реализованные дедом и отцом Ивана Грозного Государями Руси Иваном Великим и Василием Ивановичем центростремительные импульсы в Русской державе были сохранены и упрочены во многом благодаря преобразованиям 50-х годов XVI в. и Опричнине. Причём, следует отметить, что в этот период была велика опасность отката назад, распространения центробежных тенденций, что можно увидеть в той позиции, которую отстаивал князь Андрей Курбский в своих письмах Царю Ивану Васильевичу. Вне сомнения, что центростремительные факторы способствовали укреплению русской государственности, которую не смогло сломить тяжелейшее Смутное время начала XVII века.

Внедряемое преобразованиями Ивана Васильевича устройство местного самоуправления не только освободило посадское население от наместничества с его кормлением назначаемых княжеской волей кормленщиков – наместников, волостелей, тиунов, но обеспечило избираемость земских глав. Опять же, в Смутное время именно земское самоуправление выдвинуло одного из организаторов и руководителей Народного Ополчения, положившего, по сути, конец бесправия и неуправства в России начала XVII столетия. – Кузьма Минин, посадский человек, в сентябре 1611 г. избранный земским старостой Нижнего Новгорода, стал создателем Ополчения, откликнувшись на воззвание Патриарха Гермогена встать на борьбу с польско-шведской агрессией.

Таким образом, у нас есть основания сделать три существенных вывода по Опричнине Ивана Грозного.

Опричнина, как и предшествующие ей социально-государственные, экономические и военные преобразования, из которых она, собственно говоря, и вытекает, были порождены насущными требованиями развития страны и державы.

Несмотря на половинчатость, размытость, незавершённость, отсутствие институционализации, Опричнина сыграла положительную роль в истории России и её достижения помогли пережить Смутное время, после которого на протяжении всего XVII в. государство и страна успешно развивались. Не получив институционального оформления и выражения Опричнина, не смогла преодолеть социальное торможение, исходящее от боярского олигархата, удельно-княжеских устройств и установлений (проявлением чего можно считать даже деление на Опричнину и Земщину), что позволило возникнуть тяжелейшему общественно-государственному кризису в Смутное время.

Преобразования 50-х годов XVI ст. и Опричнину следует рассматривать в контексте цивилизационного выбора Руси, необходимость которого реально существовала, что выражено идеей Москва – Третий Рим, но, к сожалению, не была оформлена в идеологический концепт, который обозначил бы целеполагание общественных изменений на Руси. Безусловно, речь не идёт о репродуктировании и тем более повторении Византийской цивилизационной модели, а об имплантации и использовании стандартов Византийской цивилизации в Русском социокультурном пространстве, с последующим формированием самостоятельной Русской / Российской цивилизации. Нерешённость этой проблемы в середине XVI в. через полтора столетия привело к копированию и репродукции европейских цивилизационных стандартов и социокультурных ценностей вследствие реформ Петра Великого. (Хотелось бы отметить, что в данном случае, предлагается анализ исторического процесса, но не его критика. Возможно или вероятно такое развитие событий является особенностью исторического пути или даже исторической судьбы России. И выбор своей собственной цивилизационной конструкции в историческом пути развития, России предстоит сделать только сейчас в начале XXI века).

Если говорить о периодах цивилизационного распутья, когда необходимо делать выбор цивилизационных ориентиров для обустройства своего социокультурного пространства, то в истории России их было четыре: 1) период второй половины X века, завершившийся принятием Христианства Великим князем Владимиром Великим и имплантацией стандартов Византийской цивилизационной модели; 2) с 1547 по 1613 гг., с характерной потребностью выстроить собственную Русскую цивилизационную модель с использованием цивилизационных стандартов Византии под идеей Москва – Третий Рим, но без осознания элитой и обществом этой потребности, сопровождавшийся, во многом по причине такой неосознанности, глубокими социальными потрясениями и закончившийся в 1613 г. восстановлением сложившихся стандартов социального и государственного управления, в частности, сильный Царь –

сильный Патриарх; 3) первой четверти XVIII ст., выбора Петром Великим европейских цивилизационных стандартов и имплантация их в российское социокультурное пространство; 4) с середины XIX в. до 1917 г., кризиса имплантационной цивилизационной модели, строящейся на европейских стандартах, что отразилось в известном споре славянофилов и западников, вызвавшего в начале XX ст. Второе Смутное время, приведшего к выбору Коммунистической цивилизационной модели, которая, по сути, является вариацией Европейского цивилизационного устройства.

С конца 80-х годов XX века начинается современный, пятый по счёту, период цивилизационного распутья в историческом движении России, который обусловлен кризисом коммунистических стандартов Европейской цивилизации, имплантируемых в российское социокультурное пространство. Попытка заменить коммунистические стандарты на либеральные в 90-х гг. прошлого столетия не могла быть успешной, ибо все они находятся в формате Европейской цивилизации, репродукция которой в российской социокультурной среде невозможна. Кстати, эту невозможность показал опыт реформ Петра Великого, которые могли ограничиться только имплантацией европейских цивилизационных стандартов, но не могли репродуктировать Европейскую цивилизационную модель в российское пространство. Социокультурные основания России видоизменяли, приспосабливали, перемалывали и поглощали иноцивилизационные стандарты, превращали их в русские цивилизационные инструменты, определяли цивилизационную особость России даже тогда, когда она обустраивалась с помощью имплантационных моделей. Так было при имплантации и использовании стандартов Византийской цивилизации, Европейской и Европейско-коммунистической. Относительно последней, Н.А. Бердяев в 1933 г. отмечал: «Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству. Даже старая славянофильская мечта о перенесении столицы из Петербурга в Москву, в Кремль, осуществлена красным коммунизмом. И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского – «ex Oriente lux» [10, С. 116]. (Суть этого бердяевского определения, безусловно, может быть применена и к характеристике превращений предыдущих цивилизационных моделей – Европейской и Византийской).

Касаясь исторических периодов цивилизационного распутья России, мы можем увидеть и весьма интересные отличия, и определённые закономерности. – В конце X в. Владимир Великий сделал чёткий культурно-духовный и цивилизационный выбор между Иудаизмом, Исламом и Западным Христианством в пользу Византийского Христианства и решительно подчинил государственным интересам тогдашний олигархат. Иван Грозный не смог положить в основу преобразований идеологию и возможный с её использованием проект будущего страны, использовал сумбурные и половинчатые методы подавления олигархата, который только тогда действует в соответствии с государственными интересами, когда они не то, что не противоречат его личным или корпоративным интересам, а лишь способствуют реализации последних, т.е., как правило, никогда. Пётр Великий выстраивал проект будущего, используя европейские культурно-цивилизационные ценности, подавив и подчинив олигархат. В интервал с 1857 по 1917 гг. Имперское правительство России не смогло определить адекватный российской реальности концепт будущего, как идейного ориентира, особенно в период с 1905 по 1917 гг. не ограничило своеволия олигархата.

Что касается этого, четвёртого, исторического периода цивилизационного распутья России, то он достаточно показателен своей схожестью (не в лицах, и не в аналогии событий, а содержанием) с периодом от 1547 до 1613 гг. Необходимые реформы Александра II – ликвидация Военных поселений (1857), Крестьянская реформа с отменой Крепостного права (1861), Финансовая Реформа (1863), реформа Высшего образования (1863), Земская Реформа (1864), Судебная реформа (1864), реформа Городского самоуправления (1870), реформа Среднего образования (1871), Военная Реформа (1874) – были либо свёрнуты, ограничены или урезаны, либо уже изначально содержали в себе серьёзные изъяны, вызванные уступками олигархату. Так, Крестьянская реформа устанавливала цену на землю при выкупе её бывшими крепостными крестьянами в несколько раз выше, чем рыночная стоимость, что явно было в интересах землевладельцев. Особо спровоцировал социально-государственный кризис в России срыв преобразований, намеченных и начавшихся реализовываться Советом министров П.А. Столыпина.

Переживаемое сейчас Россией цивилизационное распутье было обозначено ещё в 1983 г. в известной статье Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова

«Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», опубликованной в третьем номере журнала «Коммунист» за 1983 г. В череде славословий о развитом социализме, заверений в верности учению К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, Ю. Андропов формулирует проблему, по сути, цивилизационной ориентации: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся» [11, С. 245]. Судя по последующей истории СССР, коммунистам так и не удалось определить своё цивилизационное положение и так называемая Перестройка М.С. Горбачёва только окончательно запутала ситуацию.

К слову сказать, компартийный олигархат в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, в лице Политбюро и Центрального комитета КПСС, необходимые преобразования в стране тоже пытался мерить через свои личные и корпоративные интересы, естественно под декларации шаблонов т.н. социалистической демократии и советского народовластия. Кстати, провал Перестройки в какой-то степени, а м.б. и в решающей, определился не реализовавшейся Экономической реформой 1965-1970 гг. (реформа Косыгина), которая «захлебнулась» уже в процессе своей реализации во многом по причине неприятия именно компартийным олигархатом. Ряд его представителей имели свои интересы в системе кредитования и безвозмездной материально-финансовой помощи СССР странам так называемой социалистической ориентации, что, по сути, противоречило одному из основных положений Косыгинской реформы о хозяйственной самостоятельности предприятий.

С конца 80-х годов XX в. уже достаточно чётко обозначившийся кризис системы управления обществом в СССР (наиболее наглядно в экономической сфере) попытались преодолеть методом копирования западных, прежде всего американских, моделей социального обустройства. Даже введение поста Президента СССР шло в русле таких тенденций. После распада страны в 1991 г. все её части устремились вписаться в европейский цивилизационный формат. Однако, единственное, что им удалось это образовать на своих территориях олигархические политические режимы – этнократического характера (с разной степью наполняемости) в Казахстане, Средней Азии, Закавказье, Молдавии, Украине, Прибалтике и спекулятивного в Российской Федерации. В Белоруссии зачатки этнократического олигархата первой половины 90-х годов не получили реализации вследствие утверждения авторитарного режима, который, следует отметить, достаточно эффективен в условиях переходного периода.

Спекулятивный олигархат в Российской Федерации 90-х гг. характеризуется активным проникновением в органы власти всех уровней торгово-посреднических и финансовых дельцов, непосредственное их влияние на принятие властных решений, а то и диктовка таких решений. В конце концов это вылилось в 1996 г. в известную Семибанкирщину,[2] которая превратила Президента РФ Б.Н. Ельцина в марионетку. Люди, входившие в состав этой олигархической группы, не скрывали своего стремления взять под контроль всю российскую власть, как не скрывали, а даже вызывающе обнародовали свои имена: «1 ноября 1996 года в газете Financial Times было опубликовано интервью с Борисом Березовским, в котором он назвал имена семи человек, контролирующих более 50% российской экономики и совместно влияющих на принятие важнейших внутриполитических решений в России: Владимир Потанин (ОНЭКСИМ Банк), Владимир Гусинский (Мост-банк), Михаил Ходорковский (МЕНАТЕП), Петр Авен (Альфа-банк), Михаил Фридман (Альфа-банк), Александр Смоленский (Столичный банк сбережений, с 1997 года – СБС-Агро) и сам Борис Березовский (Объединенный банк). Ряд СМИ в состав "семибанкирщины" включали также Владимира Виноградова (Инкомбанк) и Виталия Малкина (Российский кредит)» [12].

С 1996 г. в стране оформилась политическая ситуация, когда все решения центральной власти контролировались и диктовались олигархатом. Достаточно сказать, что в течение двух лет (1996-1997) Б. Березовский был заместителем секретаря Совета безопасности РФ, а с 1998 по 1999 гг. он являлся исполнительным секретарём СНГ. Этот фактический координатор Семибанкирщины имел также статус в середине 90-х годов официального представителя федерального центра по урегулированию конфликта в Чечне. Безусловно, что сложившаяся в Российской Федерации форма олигархата была следствием не только общего кризиса власти и системы социального и государственного управления, но и блужданий в выборе способов и приёмов социального обустройства, того, что связано с цивилизационным моделированием. «По мудрости нашей «приватизации» почти за бесценок и выращивания коммерческих

2. Термин введён журналистом «Общей газеты» Андреем Фадиным в статье «Семибанкирщина как новорусский вариант семибоярщины» от 14 ноября 1996 года.

банков за счёт государственной казны у нас выросла самая решающая из властей. На вершине её – группа ведущих банкиров, которая так и шутит: «Бросаем жребий: кому теперь идти в правительство». Об этой капиталократии не раз прямым текстом заявлял Б. Березовский: «**У нас – власть капитала**». И он – на пороге того, что прав. Отныне без поддержки мощного капитала (а часто – и мафиозного, воровского) никто у нас, при нынешнем режиме, уже не доберётся до вершин власти – так что приходится пока отказаться от надежд на благоприятный для народа исход во всеобщих *выборах*...» [13, С. 56].

Спекулятивный олигархат был гораздо хуже и опаснее боярского и удельно-княжеского эпохи Ивана Грозного, его приемников и Смутного времени. Опаснее, прежде всего тем, что свой «удел» они видели в удовлетворении личных, узкогрупповых, соответствующих, опять же личным, интересов, а государство, страну и людей, ресурсы общества рассматривали как объекты, средства и инструменты извлечения прибыли. В отличие от боярской знати Руси, у них не было никаких ограничений в присвоении и использовании народного богатства и никаких площадок совпадения своих интересов с интересами государства и страны. В результате, возникло жёсткое противоречие между спекулятивным олигархатом и государством, которое могло завершиться только устранением одной из сторон. Причём, при любом исходе, спекулятивный олигархат был бы уничтожен, т.к. в случае его победы не стало бы и самой страны. Государство РФ, вначале в лице Е.М. Примакова и окончательно при В.В. Путине, ликвидировало спекулятивный олигархат, лишило возможности Семибанкирщину, в каком бы виде она не проявлялась, использовать власть в своих личных и узкогрупповых интересах. Причём, это не означало ликвидацию самих банкиров и не привело к уничтожению торгово-посреднической и финансовой деятельности. В этой ситуации государственные органы Российской Федерации, главным образом институт Президента, выступили в качестве опричников (если уж проводить аналогию с преобразованиями Ивана Грозного), которые вывели спекулятивный олигархат *опричь* сист емы социального и государст венного управления.

Однако такая победа не означала и не означает окончательного преодоления олигархического влияния и давления на интересы общества и интересы государства. Государство, поборов спекулятивный олигархат, на его место привело олигархат номенклатурный. За полтора десятилетия XXI в. в Российской Федерации сформировался бюрократический или номенклатурно-корпоративный олигархат, который хотя и сдерживается президентской властью, но регулярно воспроизводит площадки, где продвигает свои корпоративные интересы, не совпадающие, а то и идущие вразрез с интересами страны и государства, соответственно и российского народа. В этом нынешнее положение становится достаточно похожим на то, что сложилось в эпоху Ивана Грозного. С той лишь разницей, что в XVI столетии для олигархата была присуща удельно-поместная сфера обитания, а сейчас – ведомственно-корпоративная.

Номенклатурный олигархат в современной Российской Федерации формируется из глав т.н. госкорпораций (которые назначаются при прямом участии высших государственных органов), а также собственников и высших управленцев торгово-посреднических и финансовых акционерных компаний, частных корпораций, зависимых от правительственных инстанций в своём деле эксплуатации российских природных и социальных ресурсов. При определённых формальных отличиях эти два вида номенклатурного олигархата общую природу имеют в том, что они обеспечены каналом связи с правительственными кругами, по которому испытывают влияние на свои кадровые подходы, но ещё более получают возможность продвигать свои ведомственные (корпоративные) интересы. В этом случае ведомственные интересы не диссонирует с государственными так остро как в условиях спекулятивного олигархата, интересы которого практически всегда расходились с интересами государства и общества.

По причине смычки правительственных инстанций и номенклатурного олигархата, государственные интересы, как правило, корректируются с учётом ведомственных. Единственным регулятором в пользу интересов государства и страны может в такой ситуации в нынешней Российской Федерации выступать президентская власть. Что мы смогли наблюдать в 2014 г., когда волевое решение В.В. Путина в поддержку требований абсолютного большинства крымчан обеспечило условия для волеизъявления граждан Крыма и мирное возвращение полуострова в состав Российской Федерации. При этом правительственно-ведомственные круги, руководствуясь интересами номенклатурного олигархата, не были расположены к воссоединительным действиям, опасаясь, прежде всего, за свои активы на Украине. Достаточно показательно

в этом плане поведение посла Российской Федерации на Украине М.Ю. Зурабова, который вплоть до своей отставки исповедовал примирительный тон в отношении этнократических кругов Украины, пришедших к власти в результате государственного переворота 22 февраля 2014 г. Собственно, такой подход не был новым, ибо предшественник Зурабова В.С. Черномырдин тоже придерживался примирительной позиции в отношении политического и мировоззренческого, антироссийского по сути, облика Украины, исходя из тех же ведомственных, групповых и личных интересов.

И если по Крыму Президенту РФ удалось преодолеть сопротивление номенклатурного круга, то в отношении Новороссии подход номенклатурного олигархата возобладал. Отторжение в 2014 г. Новороссии было следствием соблюдения ведомственных интересов номенклатурного олигархата, имеющего свои активы, связи (в т.ч. по семейной линии), интересы в Европе и США и опасающегося, что в этом плане им может быть нанесён урон гораздо более опасный в личностном выражении, нежели объявленные Западом санкции после воссоединения Крыма с Россией. И попытки оправдать бездействие в Новороссии интересами Российской Федерации или неготовностью самой Новороссии освободиться от украинского засилья (это при многотысячных пророссийских демонстрациях в Одессе, Харькове, Николаеве, Днепропетровске весной 2014 г.!) выглядят совершенно неубедительно на фоне того как строит свои отношения с США и в целом с Западом Китай, который экономически более завязан на них, нежели РФ. Но, Китай не имеет того номенклатурного олигархата, который есть у нас и который имеет не обоснованные государственными интересами завязки с Западом и США, а личные и корпоративные. Однако, отказавшись от поддержки права населения Новороссии вернуться в состав России, так же как это сделали крымчане, российское государство понесло гораздо большие издержки, нежели те, что могли бы возникнуть из-за дополнительных санкций. Достаточно посчитать потери и затраты, связанные с водоснабжением и электрификацией Крыма, транспортной логистикой, прокладкой железнодорожной ветки, параллельной Украине, чтобы это увидеть. Не говоря уже о социально-психологических, моральных и мировоззренческих издержках,[3] которые в будущем аукнутся значительными реально-практическими социальными потерями.

Крым весьма показателен в представлении различий ведомственных и государственных интересов. Так Сбербанк России не рассматривает Крым частью Российской Федерации, а его президент и одновременно председатель Правления Герман Греф заявляет, что Сбербанк подчиняется санкциям, введённым США и Евросоюзом против Российской Федерации и непосредственно Крыма [15]. И это при том, что Сбербанк контролируется Центральным банком Российской Федерации, который, хотя и выведен за рамки Правительства РФ, но, безусловно, является органом государственной власти в Российской Федерации, подчиняющийся распоряжениям и законам, подписанным Президентом РФ. А по распоряжению президента и главного собственника нефтяной компании «Лукойл» Вагита Алекперова уже в июне 2014 г. все автозаправочные станции этой компании в Крыму были проданы и «Лукойл» ушёл с полуострова. Но, остался на Украине исправно платить налоги в казну антироссийского и русофобского государства, «улучшая качество жизни» не только украинского общества, но и, в гораздо большей степени, украинской власти. Как отмечается на Интернет-сайте этой компании: «ЛУКОЙЛ – одна из крупнейших вертикально интегрированных нефтегазовых компаний в мире, на долю которой приходится более 2% мировой добычи нефти и около 1% доказанных запасов углеводородов. Обладая полным производственным циклом, Компания полностью контролирует всю производственную цепочку – от добычи нефти и газа до сбыта нефтепродуктов. **88% запасов и 83% добычи углеводородов приходится на Российскую Федерацию** (выделено мной – А.Ф.), при этом основная деятельность сосредоточена на территории 4-х федеральных округов – Северо-Западного, Приволжского, Уральского и Южного.

Ежедневно наши продукты, энергию и тепло покупают миллионы потребителей в более чем 30 странах мира, улучшая качество своей жизни» [16].

Говоря о моральных и политико-психологических издержках позиции российского олигархата в нынешней украинской ситуации, хотелось бы обратить внимание на то, что агрессивные действия националистов на Украине против того же Сбербанка и других банков РФ, АЗС «Лукойла» не вызывают сочувствия и протеста у абсолютно-

3. Подробно этот аспект рассмотрен в моей статье «Своё-чужое в российской истории и современности. Несколько геополитических штрихов к проблеме». В ней же развёрнуто представлена общая проблема реализации российских национально-государственных интересов [См.: 14]

го большинства россиян. Тем более у крымчан. Они воспринимают эти структуры олигархата как чуждые. Такое восприятие транслируется и на всю современную государственную власть Российской Федерации – в разных пропорциях, по ветвям власти, во многом скрыто, но с весьма серьёзной опасностью в будущем.

Главная опасность для нашего общества, да и для государства, если мы озабочены его устойчивостью, состоит в том, что номенклатурный олигархат РФ существует не за счёт производства, а за счёт посреднической деятельности (финансовой, прежде всего) и эксплуатации природных ресурсов России. Собственно, если было бы производство, а ресурсы находились бы под контролем государства, то и об олигархате речи бы не шло. Как, например, обстоят дела в Китае и США. Практически невозможно предполагать, что госкорпорации, блаженствующие на природопользовании, если не природоэксплуатации России, самостоятельно откажутся от столь прибыльной деятельности и поменяют лёгкую наживу на трудоёмкое производство. Самое «глубокое» продвижение в производство у нас зафиксировано разве что в металлургии, да и то в производстве полуфабрикатов. Исключением является производство в военной и космической областях, но это исключительные случаи, которые, как раз, контрастируют и укоряют провалы в гражданском производстве. Эти провалы уже сейчас становятся болезненными для общества и вызовом для государства, а в перспективе могут провоцировать серьёзные социальные трудности и общественное беспокойство, которое зарплатами уборщиц «Газпрома» покрыть не получится.

В условиях номенклатурного олигархата даже попытки инновационной научно-технической деятельности оборачиваются полным провалом. Это хорошо видно на примере такой государственной корпорации как «Роснано», возглавляемой Анатолием Чубайсом. Никаких социально значимых и экономически эффективных производств по итогам деятельности этой корпорации не появилось. Показательно, что продекларированное ещё в 2008 г. создание в рамках деятельности «Роснано» промышленного производства модификатора дорожных покрытий «Унирем», на основе отработанных автопокрышек методом высокотемпературного сдвигового измельчения, не привело ни к решению проблем с дорогами в городах и весях Российской Федерации, ни к утилизации автопокрышек, которыми забиты многие российские свалки и СТО. И так практически по всем задекларированным направлениям деятельности «Роснано». Отсюда «Роснано» оказывается схожей с т.н. «автомобильной компанией «Маруся» Николая Фоменко – картинки нарисованы красивые, а на выходе (в результате) даже выхлопа не получилось. Кстати, весьма примечательно, и «Роснано», и «Маруся» были основаны в 2007 г. «Маруся» в 2014 г. прекратила сотрясать воздуси…

В общем, изменить природу номенклатурного олигархата и искоренить его в пространстве страны изнутри, в т.ч. с помощью правительственных мероприятий, невозможно. Невозможно, главным образом по причине его номенклатурности. Единственный способ избавиться от номенклатурного олигархата это создать контролирующую и направляющую организацию, которая бы существовала и действовала вне правительственных инстанций, которые сейчас покровительствуют номенклатурному олигархату, с одной стороны, и, с другой стороны, курируются им. В силу такой связи, само правительство становится превращённой формой номенклатурного олигархата. В этом контексте, организация, которая призвана продвигать преобразования в стране, должна быть за пределами, *опричь* олигархата и олигархически зависимого правительства.

В то же время, отмеченная природа номенклатурного олигархата, связанная с условиями природоресурсной эксплуатации и имеющимися методами обустройства социокультурного пространства России, позволяет говорить о том, что сложившаяся система социального и государственного управления является не столько следствием личностных усилий, индивидуальным произволом (как при спекулятивном олигархате), а возникает по причине данных обстоятельств, обусловленных природно-географическими, социально-историческими, политико-экономическими факторами. Признавая неблагоприятность для России и её будущего этих обстоятельств, многие руководители, вошедшие ныне в состав номенклатурного олигархата в силу служебных обязанностей, в состоянии переориентироваться и включиться в работу, условно говоря, Новой Опричнины. Как, например, в эпоху Ивана Грозного многие князья и бояре стали ведущими деятелями Опричнины. – Изменить классовый признак, если рассматривать олигархат (проявляющийся на разных уровнях государственного устройства) как социальный класс, конечно же легче, чем отказаться от родовых статусных характеристик знати.

По сути дела, признанием необходимости взять под контроль систему исполнительной власти в Российской Федерации, завязанной на номенклатурном олигархате, стало учреждение по инициативе Президента сначала Общественной палаты в 2005 г., а затем, во многом по причине её слабой эффективности, Общероссийского народного фронта в 2011 г. Однако, к настоящему времени стало совершенно очевидным, что ни та, ни другая общественные организации не в состоянии выполнять основные функции «общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» и «контроля над исполнением указов и поручений главы государства, а также борьбы с коррупцией». Разве что, за редким исключением проведённых громких акций ОНФ, да и то в большей степени срежиссированных. Общественные палаты на региональном уровне являются скорее пародией на общественную инициативу и активность, превратились в некие бутафорские оформления публичных выходов местной власти. Даже, хотя бы, потому, что они в большинстве формируются региональными правительствами и парламентами.

Но, самое главное, в условиях переходного периода, очередного цивилизационного распутья, которое переживает наше общество и государство, полагаться на способность общественных организаций и отдельных общественников взять под контроль действия исполнительной власти, исключить олигархат из системы государственного и социального управления было бы, по меньшей мере, наивно. Смешно представить, что опричники Ивана Грозного, гвардейцы Петра Великого или комиссары большевиков действовали бы на общественных началах. В подобные исторические периоды органы социального и государственного контроля должны быть в высшей степени профессиональными. Ссылка на то, что такие функции могут выполнять правоохранительные органы и прокуратура в том числе, мало убедительна хотя бы потому, что ряд успешных акций ОНФ проводил именно вместо правоохранительных органов РФ. Точно также вряд ли сработают вливания в систему исполнительной власти и правоохранительных органов новых, даже нацеленных на необходимые преобразования, управленцев. – Внутри система не поддаётся изменениям, а свежие личностные элементы или перерабатывает, или отторгает.

Естественно, что в данной публикации не предполагается определять структуру, функции и задачи того органа, который уже обозначен как Новая Опричнина (ну, не Гвардией, которая сейчас имеет уже свой сложившийся образ, либо Комиссариатом называть). Но отмеченные аналогии с исторической Опричниной, гвардейцами и комиссарами (с учётом другой исторической реальности и без явных недостатков прежних контрольно-распорядительных структур), дают достаточно представлений о том, что нужно создавать. Думается, что будет вполне уместно в этом процессе использовать уже имеющиеся структуры, такие как аппараты Полномочных представителей Президента Российской Федерации в Федеральных округах.

Но, одно существенное отличие Новой Опричнины от прежних подобных органов следует не только увидеть, но на нём строить всю её деятельность. Речь идёт о том, что если Опричнина Ивана Грозного была безыдейной, без чёткого идеологического проекта будущего развития страны и государства, Пётр Великий и его гвардейцы продвигали европейские цивилизационные стандарты в Российское социокультурное пространство, а комиссары большевиков – коммунистические (сиречь тоже европейские), то сейчас в основу должен быть положен проект социально-государственного развития на основе модели Российской цивилизации. Потребность Новой Опричнины связана прежде всего с тем, что цивилизационное распутье без неё преодолеть можно будет только через социальные потрясения, революцию, а то и Гражданскую войну, как это случилось в 1917-1920 гг.

Использованные источники

1. Уложенная грамота об учреждении в России Патриаршества. 1589 г., май // Седьмица. RU. Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». – 11 сентября 2003 / Электронный ресурс: h p://www.sedmitza.ru/text/443574.html
2. Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. – Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62. (1, 2 книги – 1960, 3 книга – 1962). – Сайт «Милитера» («Военная литература») / Электронный ресурс: http:/ militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/03.html
3. Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запа-

да. Комментарии. 26. // Электронный ресурс: h p://www.vostlit.info/Texts/rus6/Fabri/primtext.phtml
4. Ключевский В.О. Исторические портреты. – М.: изд-во «Эксмо», 2008. – 542 с.
5. Фурсов А. Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем. Или кто создаст Четвёртый Рим? // Русский обозреватель. Интернет-сайт. – 11.03.2010 / Электронный ресурс: h p://www.rus-obr.ru/ru-club/5948
6. Филатов А.С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении. – М.: Проспект, 2016. – 352 с.
7. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 480 с.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
9. Серов Д.О. Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами // Исторический вестник. История – свидетельница времён. Том шестой [153]. – Москва, 2013. – С. 54-81
10. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизводство издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – 234 с.
11. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 320 с.
12. «Семибанкирщина». Справка // Сетевое издание «РИА Новости». – 08.11.2011 / Электронный ресурс: h ps://ria.ru/history_spravki/20111108/483944714.html
13. Солженицын А. Россия в обвале. – М.: Русский путь, 2006 – 208 с.
14. Филатов А.С. Своё-чужое в российской истории и современности. Несколько геополитических штрихов к проблеме // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. – 16.10.2015. / Электронный ресурс: h p://ruskline.ru/opp/2015/oktyabr/16/svoyochuzhoe_v_rossijskoj_istorii_i_sovremennosti
15. Греф: Сбербанк придет в Крым после снятия санкций // Прайм. Агентство экономической информации – 27 мая 2016 г. / Электронный ресурс: h p://1prime.ru/mainnews/20160527/825695534.html
16. О компании // Лукойл. Нефтяная компания / Электронный ресурс: http:/www.lukoil.ru/Company/CorporateProfil

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ И ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ[1]

ORTHODOX CLERGY OF NORTH-WESTERN PROVINCES OF RUSSIA AND ELECTIONS TO THE CONSTITUENT ASSEMBLY

УДК 94 (47+57) "20"

Александр Александрович Воробьёв

кандидат исторических наук, доцент, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (Могилев, Белоруссия)

Alexander Vorobiev

Candidate of historical sciences, associate professor, Mogilev State University named after A Kuleshov (Mogilev, Belarus)

РЕЗЮМЕ: Публикация посвящена участию православного духовенства северо-западных губерний России в выборах в Учредительное собрание. Автор на основе ранее малоизвестных или неизвестных архивных и иных источников отметил активное участие священнослужителей в подготовке и производстве выборов. Им особо выделен раскол в политических симпатиях православного духовенства, которое, как и большинство простых граждан, выступало на стороне различных политических партий России начала XX столетия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Учредительное собрание, православное духовенство, северо-западные губернии России, выборы.

ABSTRACT: The artic e examines the partic pation of the Orthodox clergy of the North-Western provinces of Russia in the electi ns to the Constitue t Assembly. The author considering earlier li le-known and unknown archival and other materials noted the acti e particip tion of clergymen in the preparation andelec on campaign. Hehighlighted a split in the politi al preference of the Orthodox clergy, who, like most ordinary ci zens, acted on the side of various poli cal partie in Russia at the beginning of the XXth century.

KEY WORDS: Consti uent Assembly, Orthodox clergy, north-western provinces of Russia, electi ns

Выборы в Учредительное собрание явились одним из важнейших внутриполитических событий в России в 1917 году. По свидетельству многих политических деятелей того времени, эти выборы стали не только самыми демократическими в истории России, но и самыми демократическими на тот момент во всем мире. Особенность их проведения в России заключалась в том, что они проводились, во-первых, в период, когда страна вела Первую мировую войну, а, во-вторых, в непосредственно революционный период, когда в России была свергнута монархия и она стала республикой. В выборах во Всероссийское Учредительное собрание принимали участие различные политические партии и общественные движения и организации. Не осталась в стороне от столь важного внутриполитического события и Русская православная церковь. К северо-западным губерниям России относились в 1917 году Витебская, Минская, Могилевская, Псковская и Смоленская губернии. В состав тогдашней Витебской губернии входили одиннадцать уездов: 1. Витебский; 2. Городокский; 3. Невельский; 4. Себежский; 5. Люцинский; 6. Режицкий; 7. Двинский; 8. Дриссенский; 9. Полоцкий; 10. Лепельский; 11. Велижский. Витебская губерния составляла один избирательный округ. В Витебском избирательном округе православное духовенство сумело создать отдельный кандидатский избирательный список. Кандидатский список №6 блока Витебского белорусского народного союза и Союза православных и единоверческих приходов Полоцкой епархии был зарегистрирован Витебской окружной избирательной комиссией тринадцатого октября 1917 года. В него входили: 1. Полонский Георгий Иванович; 2. Бялыницкий-Бируля Борис Андреевич; 3. Литвинов Фома Пантелеймонович; 4. Соколов Михаил Христофорович; 5. Сухарев Алек-

1. Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

сей Семенович; 6. Бавшуто Трофим Федотович; 7. Григорович Федор Иванович; 8. Зайцев Трофим Гаврилович; 9. Старовойтов Андрей Семенович; 10. Подхилко Фома Семенович.[2] В тот же день Витебская окружная избирательная комиссия зарегистрировала кандидатский список №8 Витебского губернского союза земельных собственников и общества старообрядцев Витебской губернии. В этот список входили: 1. Котляревский Сергей Андреевич; 2. Гусаков Гурий Мефодьевич; 3. Копацинский Леонид Николаевич; 4. Ковалев Андрей Климович; 5. Янсон Андрей Андреевич; 6. Савельев Варфоломей Дмитриевич; 7. Бигге Христиан Иванович; 8. Коссов Вацлав Федорович; 9. Мирский Бронислав Доминикович[3]. Всего в Витебском избирательном округе в выборах участвовало четырнадцать кандидатских списков. Таким образом, в Витебском избирательном округе, в состав которого целиком входила Витебская губерния, участие в выборах в Учредительное собрание принимали два кандидатских списка, один из которых представлял официальную Русскую православную церковь, а второй – православную старообрядческую церковь. По итогам выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Витебской губернии оба этих кандидатских списка депутатских мест не получили, так как набрали очень малое количество голосов избирателей.

Так, список №6 получил 9025 голосов, что составило 1,6% от общего количества принявших участие в выборах. Список №8 получил еще меньше – 6098 голосов (1,1%)[4]. Следует отметить и то, что священнослужители русской православной церкви в 1917 году вступали в различные политические партии, несмотря на общую тенденцию отстраненности церкви от активной общественно-политической жизни. Так, в Витебской губернии был священник-большевик Василенко, который отличался весьма активной деятельностью в пользу большевистской партии. Он еще в начале лета 1917 года ратовал за немедленную ликвидацию помещичьего землевладения, причем очень часто выступал вместе с матросом-большевиком Новиковым[5]. Такая активность Василенко не была оставлена без внимания руководящих деятелей большевистской партии, благодаря чему Василенко в ноябре 1917 года, уже после захвата власти в стране большевиками, стал членом исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов. В этом Совете он активно боролся за лидерские позиции, поддерживая столь же амбициозного, как и он сам, большевистского губернского комиссара Витебской губернии Солонко. Солонко же выступал за единоличное руководство губернией без учета мнения членов Витебского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, хоть сам до революции был рядовым солдатом русской армии[6]. Нам, к сожалению, не удалось выяснить дальнейший жизненный путь Василенко и Солонко. В состав Смоленской губернии, которая составляла один избирательный округ, входили следующие уезды: 1. Бельский; 2. Вяземский; 3. Гжатский; 4. Дорогобужский; 5. Духовщинский; 6. Ельнинский; 7. Краснинский; 8. Рославский; 9. Поречский; 10. Сычевский; 11. Смоленский; 12. Юхновский. Православное духовенство Смоленской губернии участвовало в организации отдельного кандидатского избирательного списка №8 приходской беспартийной группы, который затем принял участие в выборах. В данный кандидатский список входили: 1. Ф.В.Воронин; 2. И.З.Лелюхин; 3. Н.Н.Соколов; 4. Н.М.Федоров; 5. Н.И.Хохлов; 6. К.Д.Бровкович; 7. Н.Н.Медведков; 8. Л.П.Мозонов; 9. Л.Ф.Захаревский.

Кроме того, в кандидатский список №3 Смоленского губернского Совета крестьянских депутатов и местной организации партии социалистов-революционеров (эсеров) вошел один из православных священников. В список №3 входили: 1. Е.К.Брешко-Брешковская; 2. А.А.Аргунов; 3. В.В.Подвицкий, журналист, член редак-

2. Национальный архив Республики Беларусь (далее - НАРБ), ф.623, оп.2, д.8, л.8
3. Там же, л.11
4. НАРБ, ф.623, оп.2, д.8, л.68
5. Витебский листок, 1917, 15 июня
6. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, в 2 т., т.2, с.594-595

ции газеты «Смоленский вестник»; 4. Г.А. Кутузов, священник, председатель исполнительного комитета Смоленского губернского Совета крестьянских депутатов; 5. М.Ф. Егоров, рабочий Ярцевской мануфактуры; 6. С.И.Бурцев, председатель земельного комитета Лосьманской волости Юхновского уезда; 7. С.Г.Гурвич, журналист; 8. М.Ф.Чубар; 9. Г.Н.Тарасенков, подпоручик, член Всероссийского Совета крестьянских депутатов; 10. С.И.Кутузов, прапорщик; 11. М.Г.Куваев; 12. М.Н.Казаков; 13. И.С.Казаков; 14. Я.В.Егоров, крестьянин Юхновского уезда[7]. В архивных источниках нам удалось найти итоговые данные по всей Смоленской губернии. Они таковы: список №3 (эсеров и Смоленского губернского Совета крестьянских депутатов) получил 259134 голосов, заняв второе место, список №7 (большевиков) – 361062 голосов и итоговое первое место, список №8 (приходской беспартийной группы) - 5300 голосов избирателей. Всего на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Смоленском избирательном округе проголосовало 667229 избирателей[8]. В процентном соотношении итоги были следующими: список №3 получил 38,8 %, №7 - 54,1 %, №8 - 0,8 % голосов избирателей. По итогам выборов депутатами Всероссийского Учредительного собрания от Смоленской губернии стали шесть большевиков и четыре эсера. Четвертое место в эсеровском списке депутатов занял православный священнослужитель Кутузов Георгий Афанасьевич[9]. Соседняя со Смоленской губернией, Псковская губерния также составляла один избирательный округ. В состав Псковской губернии входили: 1. Псковский; 2. Островский; 3. Порховский; 4. Великолуцкий; 5. Торопецкий; 6. Новоржевский; 7. Холмский и 8. Опочецкий уезды. В Псковской губернии отдельного кандидатского списка от русской православной церкви создано не было.

Вместе с тем, в кандидатский избирательный список №7 (Псковской объединенной демократической группы горожан, крестьян и рабочих) вошел Н.Ф.Соколов, социалист-народник, член Всероссийского поместного церковного собора, который являлся также председателем Новоржевской уездной избирательной комиссии по выборам в Учредительное собрание.[10] Правда, по итогам выборов в Псковской губернии список №7 получил всего 2337 голосов, что составило 0,4% голосов от общего количества принявших участие в голосовании[11]. Для получения места в Учредительном собрании этого количества голосов, естественно, не хватило. Неоккупированная немцами в ходе Первой мировой войны часть Виленской губернии, в которую входили Вилейский, Ошмянский и Дисненский уезды, была объединена в один избирательный округ с Минской губернией, в которой немцы оккупировали почти полностью Новогрудский и Пинский, и, частично, Слуцкий уезды. Тыловая Могилевская губерния не была затронута немецкой оккупацией и составила один избирательный округ. Нам не удалось найти информацию о том, были ли на территории этих двух избирательных округов (Минского и Могилевского) священники Русской православной церкви в кандидатских списках каких-либо политических партий и объединений. Зато точно удалось установить тот факт, что своих отдельных кандидатских списков Русская православная церковь в этих избирательных округах не выдвигала.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующие выводы: 1. Русская православная церковь принимала активное участие, как в подготовительных мероприятиях, так и в производстве выборов в Учредительное собрание на территории северо-западных губерний России; 2. это выразилось в том, что в трех северо-западных губерниях (Витебской, Смоленской и Псковской) из пяти в выборах участвовали священнослужители Русской православной церкви; 3. при этом следует отметить, что в Витебской губернии православная церковь сумела выставить на выборах собственный кандидатский список, которому довелось конкурировать на выборах

7. Смоленский вестник, 1917, 20 октября
8. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ), ф.1810, оп.1, д.91, л.105
9. Там же, д.32, л.16-17
10. Псковская речь, 1917, 15 октября
11. Псковская речь, 1917, 30 ноября

не только с кандидатскими списками политических партий и общественных движений, но и с таким же списком православной старообрядческой церкви, который, по итогам выборов, удалось перегнать по количеству полученных голосов избирателей;

4. священнослужители Русской православной церкви, так же, как и простые граждане, оказались расколотыми, в зависимости от своих политических взглядов, ибо в Смоленской и Псковской губерниях они были в рядах эсеров, а в Витебской губернии отличился своей политической активностью священник-большевик, что само по себе уже было экстраординарным событием; 5. представители Русской православной церкви пользовались значительным авторитетом среди населения северо-западных губерний России, что выразилось в избрании одного из них (Кутузова) депутатом Всероссийского Учредительного собрания от Смоленской губернии по кандидатскому списку эсеровской партии, к тому же Кутузов занимал еще и важный пост председателя исполнительного комитета Смоленского губернского Совета крестьянских депутатов; 6. в Псковской губернии священник Соколов одновременно являлся членом Всероссийского поместного церковного собора и председателем Новоржевской уездной избирательной комиссии по выборам в Учредительное собрание; 7. в двух губерниях (Минской и Могилевской) и неоккупированной немцами части третьей (Виленской) губернии священники Русской православной церкви отдельных кандидатских списков выдвинуть не смогли, что, на наш взгляд, объясняется тем, что ситуации на их территории была сильно политизирована и, вероятно, православное духовенство не рискнуло выдвигать свои кандидатские списки; 8. однако православное духовенство северо-западных губерний России сумело внести свой, и довольно немалый, вклад в дело проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание.

БЕЛОРУССКИЕ ИЕРАРХИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ ЮРИСДИКЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ 1920-х гг. [1][2]

BELARUSIAN BISHOPS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN TERMS OF JURISDICTIONAL CONFLICTS OF THE 1920S

УДК 94 (47+57) "20"

Максим Владимирович Каиль – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета (Смоленск, Российская Федерация)

Maksim Kail - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History at the Faculty of History, Smolensk State University (Smolensk)

РЕЗЮМЕ: В статье рассматривается история учреждения автономии Белорусской православной церкви в 1922 г. Само это событие было связано с периодом содержания патриарха Тихона под стражей и появлением в связи с этим различных течений в православии – автономий и альтернативных юрисдикций. В центре внимания личность и церковно-управленческая деятельность архиепископа Мелхиседека (Паевского). А также ее отражение в историографии и общественной памяти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Белорусская православная церковь, автономия, иерархия, церковное управление.

ABSTRACT: The article deals with the history of the establishment of autonomy for the Belarusian Orthodox Church in 1922. The event Itself was due to the period of Patriarch Tikhon's detention and appearance in this respect, the various currents of Orthodoxy – alternati e autonomies and jurisdictions The focus personality and the ecclesias cal governance of the Archbishop Melchizedek (Payevsky). And its reflec n in historiography and public memory.

KEY WORDS: Belarusian Orthodox Church, autonomy, hierarchy, Church government.

В постреволюционное время, когда перекраивались, и отнюдь не только политическими деятелями в высоких кабинетах, но и (полу-)стихийно исходя из местных особенностей, специфики межнациональных, пограничных и иных факторов, земли современной Беларуси и западные территории России - РСФСР находились в зоне такого активного переустройства и турбулентности.

Политические объединения и разъединения не были единственной проекцией этого сложного и многоаспектного процесса. Существенные изменения претерпевала этноконфессиональная сфера[3]. Столь свойственный практически любой революции всплеск этнического самоопределения привел к возникновению разнообразных более или менее устойчивых автономий и юрисдикций в православии. К числу одних из заметных и все еще сравнительно слабо исследованных сюжетов относится проект по созданию в начале 1920-х гг. белорусской церковной автономии. В историографии эта тема известна, главным образом, благодаря работам российского ученого отца Александра Мазырина[4] и белорусский историк Г.Э. Щеглов[5].

В новейшей истории православия одним из самых болезненных явлений были именно различные разделения. Правые – в оппозицию священноначалию, прежде всего, митрополиту Сергию (Страгородскому), заступившему на местоблюстительство после смерти патриарха Тихона. И левые, прежде всего, обновленчество, крайнего толка конформистское течение по канонам не рукополагавшегося священства и не хиротонисанного епископата, вошедших в церковную жизнь либо с низших ступе-

1. Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

2. Статья подготовлена при поддержке Темплана Минобрнауки (СмолГУ, проект № 33.1419.2017/ПЧ)

3. Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

4. Мазырин А., свящ. О пребывании в обновленческом и григорианском расколах Преосвященного Мелхиседека (Паевского), его «митрополитстве» и автономии Белорусской Православной Церкви в 1920-е гг. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 2(39). С.63-86.

5. Автономия Белорусской Православной Церкви 1922 г. / публ. Г.Э. Щеглова // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 3(40). С.99-116.

ней церковно- и священнослужения, либо с порога церквей и в основном состоявшие из обделенных, несогласных и пр.

Параллельное существование различных подчинений (юрисдикций) православных групп, сложившееся после 1922 г. (с развитием обновленчества) и умножившееся после смерти патриарха Тихона в 1925 г. и публичного заявления о союзничестве с государственной властью митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 г. сформировало ситуацию конфликта юрисдикций, проблематизированную в историографии.[6]

Как свидетельствуют источники, проблема эта была особенно чувствительной в центрах формирования церковных оппозиций (например, в Вятской и Воткинской епархии, где развивалось движение викторовцев)[7] и в пограничных, в том числе с позиций вероисповедного состава населения, территориях.

Драматичные коллизии в этой связи возникли на территории епархий современной Беларуси, на Западных территориях бывшей Российской Империи, с традиционно полиэтничным населением, в православно-католическом пограничье, переживавшем в постреволюционные годы период государственного становления и, как ни странно, национально-религиозной идентификации по принципу выбора приоритетов развития в прошлом таких территорий – макрорегионов – молодых государственных образований.

Очевидно, в подобных условиях от позиции епархиального архиерея зависело многое в настроениях, церковно-канонической ориентации и практической деятельности паствы. Епархиальные архиереи как представители высшей церковной власти на местах разделяли ответственность за политические заявления церковного руководства, озвученные в период утверждения власти большевиков. Этим обстоятельством, ходом реализации советского «церковного» законодательства местной властью, а также настроением широких кругов церковной общественности (клира и мирян) и определялось положение каждого провинциального архиерея.

Стремясь сохранить устойчивость церковно-административного устройства в условиях гражданской войны, патриарх Тихон 7 ноября 1920 г. подписал принятый Священным Синодом и Высшим церковным советом Указ № 362 о временной автономии епархий на канонической территории РПЦ, связь которых с Патриархией прервана. Направленный на сохранение церковного единства, документ этот послужил обоснованием юрисдикционных прав Русской Православной Церкви Зарубежом и групп непоминающих, а для некоторых архиереев еще и обоснованием их личного выбора в течениях церковной жизни и во взаимоотношениях с властями в трудных обстоятельствах.

Особая ситуация сложилась летом 1922 г. в связи с арестом патриарха Тихона. В «Послании Патриаршего Заместителя, митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) о вступлении его во временное управление Православной Русской Церковью» от 5(18) июня 1922 г. он наказывал архиереям: «Лишенные на время высшего руководства, вы управляйтесь теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге...»[8]. В условиях всецерковной дезориентации, разрушения нормальной и привычной управленческой координации такая установка могла быть использована и толковаться весьма различно, что и произошло.

На фоне этих общецерковных условий особое положение сложилось в Белоруссии. Созданная 1 января 1919 г. Белорусская Советская Социалистическая Республика переживала период своего становления. В скором будущем – 30 декабря 1922 г. Беларусь в числе первых четырех республик подпишет Договор об образовании СССР. 27 февраля 1919 года ССРБ была расформирована: Смоленская, Витебская и Могилёвская губернии были включены в состав РСФСР, а остальные территории Советской Белоруссии объединились с Литовской Советской Республикой в Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (Литбел), лишь в июле 1920 г. после успехов советской армии в Минске вновь была провозглашена БССР, но и тогда территориальные перераспределения не закончились.

На этом динамичном этно-политическом поле, в противостоянии первоначально советских и германских, а затем советских и польских сил происходило становление

6. Мазырин А., свящ. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920—1930-х годах / Науч. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006; Он же. Проблема легализации Православной Церкви в СССР в середине 1920-х гг. // Российская история. 2012. № 3. С. 77-91; Он же. Юрисдикционные конфликты новейшего периода в Русской Православной Церкви: Программа специального курса. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.

7. Поляков А.Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви. Киров, 2009.

8. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 220.

церковной организации. Собственно, история православной церковной юрисдикции на территории современной Беларуси началась после второго раздела Польши. Тогда, в 1793 года учреждена Минская епархия. В 1833 года восстановлена Полоцкая, созданы Виленская (1840 г.) и Гродненская (1900 г.) епархии. В Бресте, Белостоке, Слуцке, Гомеле, Каунасе и Двинске существовали кафедры викарных епископов. Все епархии входили в состав Греко-российской церкви и находились под юрисдикцией Святейшего правящего Всероссийского Синода. До начала Первой мировой войны в 5 православных епархиях Беларуси было 3552 храмов и 35 монастырей, 3 духовные семинарии. Дальнейший период даже в официальных изданиях по истории в силу сложности трактовок обходят молчанием[9].

Вместе с тем, белорусские земли и епархии в 1920-е гг. требовали канонического управления и в этой связи особенно важен опыт их архипастырей. Безусловно, центральной фигурой в белорусской церковной истории 1920-х гг. является епископ Мелхиседек (Паевский, 1879-1931). Родился он на Холмщине в семье православного протоиерея. Образование получал в Санкт-Петербургской и Таврической семинариях, окончил Казанскую духовную академию и первое назначение получил в Могилевскую семинарию, служил настоятелем нескольких монастырей в Могилеве, Херсоне и ректором Тифлисской семинарии. В 1916 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, в 1917 г. – епископ Ладожский, с лета 1919 г. епископ Слуцкий, временно управляющий Минской епархией. Его предшественник архиепископ Минский Георгий (Ярошевский) эмигрировал и впоследствии, заигрывая с польскими властями участвовал в организации автономии Польской церкви при своем главенстве.

В непростом положении оказался и сам епископ Минский. Источники и апологеты епископа (впоследствии архиепископа) Малхиседека по-разному смотрят на его деятельность сегодня. Подготовка его научной биографии остается важной исследовательской задачей, которая позволила бы пролить свет как на первые страницы истории православия в Белоруссии советского периода, так и на объективные условия служения архипастырей в период испытаний единства церкви.

В источниках и историографии есть ряд мнений относительно участия Мелхиседека в обновленчестве. Мотивы всегда трактуются, но сам факт имел место. Более того, взаимоотношения с государственными органами у епископа сложились таким образом, что его в 1923 г. привлекали в качестве эксперта (по другим сведениям он должен был выступать свидетелем обвинения, изобличая антисоветские заявления и предписания патриарха) в рамках следственного дела патриарха Тихона, и он выезжал из епархии в Москву, где с ним контактировали органы ГПУ[10].

Известно, что весной 1922 г. он выступил с воззванием о добровольной сдаче церковных ценностей (в ту пору по всей стране происходили выступления против этой акции, осужденной патриархом). В мае-июне 1922 г. записки и шифрограммы ГПУ о положении религиозных групп в Белоруссии ложились на стол И.В. Сталину и И.С. Уншлихту. В одной из записок его деятельность характеризовалась так: «Нужно подойти к нему осторожно, ибо Мелхиседек большой дипломат, переживший все оккупации и ладивший со всеми правительствами. В данное время Мелхиседек старается везде подчеркнуть свою лойяльность по отношению к советской власти»[11]. Параллельно с участием Мелхиседека в подготовке процесса над патриархом развивалась история с провозглашением автокефалии Белорусской церкви путем образования митрополии во главе с Мелхиседеком. Едва ли эта идея принадлежала Мелхиседеку и зиждилась на его тщеславии. Об этом свидетельствует его доклад патриарху Тихону с попыткой обосновать необходимость этого шага общественно-политическими процессами в республике, отношениями с католиками[12]. Ту же гипотезу подтверждают и документы ЦК Компартии Белоруссии: «Группой (незначительной) Белорусских попов… поднят вопрос об автономии (не автокефалии) Белорусской церкви… выяснилось, что Мелхиседек особого значения этому вопросу не придает. Мы со своей стороны констатируем, что здесь для нас особого значения этот вопрос не имеет. Мы полагаем, что со священниками великоруссами и вообще с влиянием великорусским - нам будет легче бороться и скорее можно будет их держать на поводу, чем Белорусских Национальных попов…»[13].

Вероятно, Москва эту позицию несколько поправила. Торжественное провозглаше-

9. Шейкин Г.Н. Белорусский экзархат // Православная энциклопедия. Т.4. С.559-562.

10. Навіцкі У. Палітыка раско лу Рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.) // Беларускі гістарычны часопіс, 2003. № 2. С. 47.

11. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн 1. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. / Под ред. Н.Н. Покровского, С.Г. Петрова. М.-Новосибирск, 1997. С.231.

12. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л.23-26.

ние митрополии состоялось 10(23) июля 1922 г. в Минском кафедральном Свято-Петро-Павловском соборе. Собравшиеся-де «единодушно и единогласно просили» владыку принять отныне именование «Митрополита Белорусского и Минского, как видимое выражение возвещаемого ныне самоуправления Белорусской Церкви в делах внутреннего характера, а также просить озаботиться скорейшим восстановлением епископских кафедр в Белоруссии в г. Слуцке, древнем Турове, Бобруйске и Борисове»[14]. ГПУ же свидетельствовало: «19 июля при участии монархистов и старых царских чиновников состоялось собрание городских приходов. По докладам прот. Кульчицкаго провозглашена автономия Белорусской церкви. 7 августа епископ Мелхиседек возведен в сан митрополита»[15]

К началу 1924 г. положение радикально изменится и Мелхиседек (как и многие архиереи он написал вышедшему на свободу патриарху покаяние – документ отложился в фонде РГИА – и был принят в общение) будет считаться ГПУ, мониторившим развитие обновленчества, лидером тихоновцев: «Почти все духовенство принадлежит к Тихоновскому течению. Тихоновцы организовали при участии Минского духовенства и черносотенных пятерок свое Епархиальное управление и руководит им Мелхиседек, назначив своим заместителем епархии Мазырского епископа Иоанна (*Пашина, 1881-1938 – М.К.*), бывшего обновленца, перешедшего к Тихоновщине»[16].

Пограничные контакты в российско-белорусском пограничье той поры имели особое значение. Весной 1923 г. в Минск были приглашены два викария Смоленской епархии - епископы Вяземский Венедикт (Алентов) и Гжатский Феофан (Березкин) *(оба уклонялись в обновленчество – принесли покаяние и получили викариатства Смоленской кафедры – М.К.)*. В сослужении с мит рополит ом Мелхиседеком они и совершили в минском Петропавловском кафедральном соборе три епископские хиротонии, укрепившие позиции «тихоновцев» в Минской епархии: 24 марта во епископа Слуцкого был посвящен вдовый протоиерей Николай Шеметилло, настоятель Успенского собора Слуцка, а 25 марта во епископа Мозырского хиротонисали протоиерея Иоанна Пашина, также из вдовых. 29 марта епископом Борисовским стал священник Минской Александро-Невской церкви Феодосий Раменский. Он, как первый помощник митрополита Мелхиседека, должен был проживать в Минске. Хиротонии новых владык проходили в торжественной обстановке, при большом наплыве верующих.

Лавирование в быстро менявшейся обстановке было почти неизбежным. В 1925 г. в Минске состоялся показательный процесс по «делу Паевского», но он не сопровождался арестом. В конце 1925 г. Мелхиседек был арестован, находился под арестом в Москве. В 1926 г. примкнул к григорианству, но вскоре принес покаяние. С мая по сентябрь 1927 г. был под арестом. В 1928 г. стал архиепископом и был назначен на Ениссейскую кафедру. Умер, как немногие в ту эпоху архиереи, своей смертью в 1931 г.

Жизненный путь и служение епископа Мелхиседека на Минской кафедре, учреждение с его участием митрополии и автономии Белорусской церкви, неоднократная смена им юрисдикции и способность договариваться с властями (в отличие от многих из своих собратьев он не был осужден и не находился в лагерях и ссылках) свидетельствует о глубоком конфликте, который формировала репрессивная эпоха в государственно-церковных отношениях в советской России.

Не имея четких ориентиров и понимания сути внутрицерковных процессов, ГПУ и ЦК КПБ неоднократно вмешивались в естественный ход церковного развития, формируя подчас политически ангажированные и травматичные для верующих решения в церковном строительстве. Не будучи ни сепаратистом, ни явным сервилистом, епископ Мелхиседек, тем не менее, не раз оказывался в условиях, не позволявших в полной мере исполнить архиерейскую присягу. Едва ли в распоряжении историков православия появятся средства, позволяющие достоверно установить наличие корреляции между архипастырской стойкостью и устойчивостью религиозных взглядов паствы, но детально исследуемые реалии архипастырского служения довоенного периода раскрывают глубокие деформации, как форм исповедания веры, так и самоорганизации церковных структур.

13. Архивы Кремля… Кн. 1. С.232.
14. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 25 об.
15. Архивы Кремля… Кн. 2. С.325.
16. Архивы Кремля… Кн. 2. С. 375.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОСТИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА В НАЧАЛЕ XX В.(*)

IDENTITY OF THE POST-IMPERIAL SPACE IN THE EARLY 20TH CENTURY.

УДК 94(100)"1914/19"+94(47).084.3

Александр Дмитриевич Гронский
кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего Центром евразийских исследований филиала РГСУ в Минске. (Минск, Белоруссия)
Alexander Gronskii
Candidate of Historical Sciences, Docent, assistant manager Center for Eurasian Studies branch of Russian State Social University in Minsk. (Minsk, Belarus)

РЕЗЮМЕ: Статья раскрывает процессы формирования единой нации в Российской империи в начале XX в. Показывает патриотические настроения жителей окраин, население которых состояло из множества различных народов, часто не славян и не христиан. Также в статье анализируется состояние России после революции 1917 г., показывается слабость сепаратистских тенденций на примере деятельности сторонников белорусского национализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Первая мировая война, гражданская война в России, национализм, патриотизм, коллаборационизм.

SUMMARY: The article reveals the processes of formation of a single na on in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. It shows the patriotic senti ments of the inhabitants of the outskirts, whose population consisted of many di erent peoples, o en not Slavs or Christi ns. Also in the article the state of Russia a er the 1917 revolution is ana yzed, the weakness of separati t tendencies is shown on the example of the activity of supporters of Belarusian nationalism

KEYWORDS: Russia, World War I, civil war in Russia, nationalism, p trio sm, collaborationis .

Великая война для России стала определённым индикатором ощущения общего Отечества. Корни этого следует искать ещё в довоенном периоде, анализируя и логику внутренней политики Российской империи, и формирование взглядов и представлений российских подданных на бытовом уровне.

XIX век в Европе стал веком зарождения различных национализмов. Старые разновидности самосознания отходили в небытие и заменялись новыми, связанными с представлением об общем происхождении, общей крови небольшого количества людей. Нужно отметить, что в то время существовала серьёзная терминологическая путаница в национально-этническом вопросе. Этнос и цивилизация в некоторых случаях могли выступать как одно и то же. А термины «народ», «народность», племя» и «нация» даже учёные использовали, как хотели.

Серьёзные проблемы появление локальных национальных идей вызвало в Османской и Австро-Венгерской империях. В которых этнические группы интеллектуалов уже отошли от представлений прошлого в вопросе идентичностей. Например, Чехия в составе Австро-Венгрии была достаточно развитым регионом. У чехов существовали те люди, которые смогли начать формирование национальной мифологии. В России же ситуация была несколько иная.

Накануне войны Российская империя простиралась от Калишской губернии на Западе до Чукотской области на Востоке. На её территории жило множество этносов, находящихся на разных стадиях социально-экономического развития. Жёстких механизмов унификации подданных в России не существовало, поэтому о национальном угнетении как разработанном и запущенном механизме говорить не приходится. Как метко выразился В.П. Булдаков: «“национальный гнёт” – субъективно-психологическое ощущение, вводить которое в теоретический оборот столь же бессмысленно, как рассуждать о количестве счастья или несчастья, приходящегося на

(*). Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

душу среднего крепостного в каждый миг бытия»[1]. Вообще, академик В.А. Тишков предполагает, что Россия начала XX века представляла собой национализирующуюся империю – огромное государство, на бескрайних просторах которого формировалось представление о единстве не только в качестве подданных русского царя, но и единстве Отечества, становилось реальностью «существование в России представления об общности в рамках государства»[2]. Естественно, что этот процесс шёл не везде с одинаковой скоростью. Это зависело от многих факторов: от времени вхождения территорий в состав России, от уровня интеграции элиты и интеллектуальных слоёв местного населения в общеимперские процессы, от наличия или отсутствия альтернативных идей в конкретном регионе, наконец, от исторически сложившихся представлений об отношениях Центр-периферия. Например, Великое княжество Финляндское находилось в составе России с начала XIX в., но вплоть до распада страны оно не только имело автономию, но и отделялось от остальной России границей и таможней. Широкую автономию в первой половине XIX в. имело в составе России и Царство Польское. А, например, Туркестан вошёл в состав империи лишь в конце XIX в. Этот регион находился не на такой стадии общественного развития, чтобы его автохтоны смогли выработать национальную мифологию. Скорее, жители Туркестана мыслили совершенно другими категориями. Можно говорить о кавказских или прибалтийских национальных мифологических системах, но на начало XX в. они лишь формировались как цельные. Да и регионы эти не обладали большим количеством интеллектуалов определённого этнического происхождения. Лишь две национальных мифологии доросли до уровня национализма – финская и польская[3]. Другими словами, именно эти две идеи были заметны и претендовали на контроль над определённой «своей» территорией. Отдельно можно выделить еврейскую идею, но она отличалась тем, что еврейский национализм ориентировался на построение государства в Палестине, т.е. за пределами России. Внутри России еврейские партии боролись за равные права, но не претендовали на конкретные земли, как на свои собственные. Остальные идеи, претендующие на локально-национальную значимость, были лишь формами национально-культурных манифестаций[4]. Так что к началу Первой мировой Российская империя подошла без серьёзных межэтнических проблем. Более того, напомню, что Россия была национализирующейся империей, т.е. подданные в своём большинстве разделяли представление о некой общности, которая рассматривалась как своя. Вполне возможно, что наличие в паспорте подданного Российской империи графы «вероисповедание», но отсутствие графы «национальность», т.е. определение человека в первую очередь не по этническому, а по конфессиональному признаку также влияло на слабость попыток формирования локальных национальных дискурсов.

Великая война не была неожиданностью для читающей публики. Не в смысле того, что война начнётся в 1914 г., а в смысле того, что она всё-таки рано или поздно будет. Две Балканские войны рассматривались как предтеча общеевропейской, но бои на Балканах не моментально перетекли в Первую мировую, они лишь приблизили войну.

Война обострила ряд проблем, которые либо были неактуальны и находились в латентном состоянии, либо вообще не существовали ранее как проблемы. Российские подданные на начало войны отреагировали патриотично. В армию отправлялись не только мобилизованные, но и вольноопределяющиеся (добровольцы), на фронт бежали несовершеннолетние гимназисты и гимназистки. Первые, чтобы защищать Родину, вторые – для работы в качестве сестёр милосердия[5]. На фронт добровольно отправились даже те, кто должен был более-менее критически относится к России в силу своих политических убеждений и поддержки оппозиционных идей. Например, один из создателей белорусского «Музыкального драматического кружка в Вильне» отставной полковник К. Бернштейн или вольноопределяющийся[6]

1. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы России: пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007. С. 37.
2. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. май-июнь. С. 36.
3. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Профиль. 2008. № 24 (579). 23 июня. URL: http://www.profil.orc.ru/numbers/?=615 (дата обращения: 9.10.2014).
4. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. май-июнь. С. 34.
5. Наша ніва. № 36. 1914. 11 верэсьня. С. 2; № 39. 2 кастрычніка. С. 4.
6. Вольноопределяющийся – обозначение лиц рядового и унтер-офицерского состава, поступивших на военную службу добровольно. Вольноопределяющиеся, в отличие от призванных на службу или мобилизованных, носили на погонах чёрно-жёлто-белый кант.

П. Бобрик[7]. Добровольцами становились не только русские – основное население империи. За Россию воевали армянские добровольцы, которые жили в США и других странах[8], но во время войны они записывались в армянские части русской армии. Самыми боеспособными частями русской армии в Прибалтике в 1916 – начале 1917 гг. были латышские добровольцы[9]. На фронт шли даже те, кто по российскому законодательству вообще не призывался на службу в армию и, следовательно, не подпадал под мобилизацию. Например, 90 % Кавказской туземной конной дивизии, больше известной под названием Дикая дивизия, составляли кавказские добровольцы. Помимо кавказцев, в Дикой дивизии служили представители иных этнических групп. «Офицеры ее переливались, как цветами радуги, по крайней мере двумя десятками национальностей. Были французы – принц Наполеон Мюрат и полковник Бертрен; были двое итальянских маркизов – братья Альбици. Был поляк – князь Станислав Радзивилл и был персидский принц Фазула Мирза. А сколько еще было представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтийских баронов?»[10]. Так писал об этой части русской армии военный публицист Н.Н. Брешко-Брешковский в своём основанном на военных корреспонденциях романе. В боях Великой войны прославился и Текинский конный полк (с 1914 по 1916 – Туркменский конный полк), состоящий из жителей относительно недавно вошедших в состав империи территорий[11]. Белая эмиграция по достоинству оценила текинские подвиги Первой мировой и гражданской войн. Например, капитан А. Брагин написал следующие стихи:

Слава вам, текинские джигиты,
Вы России гордость сберегли.
Подвиг ваш отныне знаменитый
Вспомнит летопись родной земли[12]

А уже упомянутый Н.Н. Брешко-Брешковский подчёркивал, что «на мусульман всегда можно было вернее положиться, чем на христианские народы[13], влившиеся в состав Российского царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона»[14]. Даже такой последовательный критик Российской империи как В.И. Ленин признавал, что «армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил»[15].

Простые жители российско-австрийского пограничья также проявляли своё отношение к России. Известен случай, когда крестьянки из приграничного села, расположенного в полосе военных действий, задержали приземлившихся по причине поломки аэроплана австро-венгерских лётчиков и удерживали их до подхода русских казаков.[16]

Однако на фоне этого национального единства существовали силы, которые использовали его в своих целях. Этот вопрос поднимать сложно, поскольку проблема

7. Этих людей можно назвать белорусскими националистами или, как минимум, сторонниками белорусского наци-онализма. Белорусский национализм ставил под сомнение существование русского народа как совокупности ве-ликорусов, малорусов и белорусов, старался не акцентировать внимание на общих чертах и наоборот подчёрки-вал различия, иногда возводя их в ранг естественных признаков.
8. Базанов С. Полное презрение к смерти //История. 2006. № 5. URL: http://his.1september.ru/2006/05/22.htm (дата обращения: 7.10.2014).
9. Копылов Н.А. Латышские стрелки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: формирование и социально-этнический состав // Великая война. Сто лет. / Под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. М.; СПб. Нестор-История, 2014. С. 121.
10. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Роман в 2-х частях. Рига: Книгоиздательство «Мир», 1920. С. 9.
11. Некоторые сведения о текинцах можно найти в интернете, например: Арон. Текинцы // Эдеби Мирас. Электрон-ная библиотека туркменской литературы. URL: http://edebi-miras.blogspot.com/2006/04/blog-post_08.html (дата обращения 11.102014)
12. Текинский конный полк: впервые опубликована книга о его боевом пути // Новости Туркменистана. http://infoabad.com/obrazovanie-nauka-i-tehnika/tekinskii-konyi-polk-vpervye-opublikovana-kniga-o-ego-boevom-puti.html (дата обращения: 11.10.2014)
13. Видимо, в данном случае Н.Н. Брешко-Брешковский имел в виду проживающих в Российской империи поляков. Т.к. именно польское дворянство, будучи в своей массе католиками, дважды в XIX в. поднимались на восстания против центральной власти.
14. Брешко-Брешковский. Указ. соч. С. 8.
15. Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочи-нений. В 55 т. Т. 40. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 8.
16. Вайна у паветры // Наша ніва. № 33. 1914. 21 Жніўня. С. 2.

упирается в то, что позже стали называть коллаборационизмом. Обратимся к ситуации периода Первой мировой войны на белорусских землях. Термин «коллаборационизм» появился после Второй мировой войны для определения деятельности лиц, сотрудничавших с врагом. В массе отношение к коллаборантам периода Второй мировой войны отрицательное. Однако в Первой мировой войне также были люди, сотрудничавшие с оккупационными властями. Люди работали против той страны, в которой жили, но одновременно они представляли собой слой национально мыслящих интеллектуалов. В современной подаче материала по этой проблеме коллаборационизм не упоминается, поскольку эти люди фиксируются как национальные герои. Это серьёзная проблема современных представлений. Белорусская националистическая газета «Наша нива», выходившая в прифронтовой зоне, в начале войны заявила: «Одно мы все знать должны: чем бы война не кончилась, сколько бы людей не взяла себе в жертву, народы останутся [...]»[17]. В 1916 г. в Лозанне группа интеллигенции от лица всех белорусов представила документ под названием «Мэморыя»[18], в котором говорилось, что «сейчас [...] мы имеем возможность первый раз за 120 лет заявить цивилизованному миру о полном отсутствии у нас прав, от которого мы страдали в Государстве Российском» и далее: «какой бы не был конец войны, народы европейские помогут нам утвердить в Белоруссии все политические и культурные права»[19]. Летом 1917 г. в газете «Вольная Беларусь» белорусский националист Язэп Лёсика, написал: «Вильгельм воюет как раз за то, что необходимо людям: он хочет увеличить своё государство»[20]. В это время страна, в которой выходила газета, воевала с Германией, т.е. с тем самым Вильгельмом, которого упоминает Лёсик. Как нужно было относится российскому правительству к подобным заявлениям белорусских националистов? Тем более, что среди жителей белорусских губерний находилось немало людей, проявивших себя в деле защиты Родины[21].

И нужно учитывать, что когда ряд белорусских деятелей заявлял, что им всё равно, проиграет ли их Родина или нет, призывал к вмешательству во внутренние дела своей страны и вообще утверждал, что расширение Германии будет лишь на благо, огромное количество белорусов защищало свою большую Родину, погибало от немецких газовых атак, под обстрелами и бомбёжками. Как эти люди должны были относится к интеллектуалам, которые сотрудничали с противником?

Вопрос коллаборационизма периода Первой мировой войны является проблемным для преподавания в школе. Если современным школьникам говорить, что локально-национальные идеи важнее, чем защита страны от внешнего врага, тогда у школьника может закрасться мысль, что единством страны можно и пренебречь, если собственные политические идеи вступают в конфликт с представлениями о единстве. А это прямой путь к оправданию сепаратизма. Тем более, что часть белорусских интеллектуалов того времени не допускала мысли об отделении. Например, один из столпов белорусской поэзии Максим Богданович в 1915 г., когда прочитал о том, что некий человек «стоял за полную государственную самостоятельность Белоруссии. Кто же в молодости не стоял за нее?», ответил так: «Да никто не стоял!» и потребовал хотя бы один факт подтверждавший обратное. Так же Богданович не видел и в украинской пропаганде стремления к созданию самостоятельного государства[22]. Если учитывать, что белорусские организации поддерживались народом весьма и весьма слабо (например, за Белорусскую социалистическую громаду[23] на выборах в Учредительное собрание проголосовало лишь 12 тысяч человек)[24], при условии, что белорусов в период войны по разным данным насчитывали от 6 млн. до 10 млн. человек, то выступления лидеров этих организаций на конференциях угнетённых народов Рос-

17. а-на-а. Вайна пачалася // Наша ніва. № 29. 25 Ліпня. С. 1.
18. Слово «Мэморыя» можно перевести как «памятка».
19. Мэморыя прадстаўнікаў Беларусі на III-ей Канфэрэнцыі народаў / Падаў і на беларускую мову пераклаў Эпімах-Шыпілло. Мінск: Вольная Беларусь, 1917. С. 7.
20. Лёсік Я. Хто вінавайца вайны // Творы: Апавяданні. Казкі. Артыкулы / Уклад., прадм. і камент. А. Жынкіна. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. С. 150.
21. См. например: Самович А.Л. Патриотическое движение среди учащейся молодёжи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 29 – 38.
22. Богданович М. На белорусские темы // Багдановіч М. Поўны збор твораў. У 3 т. Т. 3. Выд. 2-е. Мінск: Белорусская наука, 2001. С. 133.
23. Белорусская социалистическая громада – партия белорусских националистов, образовалась в конце 1903 г. Сначала называлась Белорусская революционная громада. В 1905 г. распалась. После отречения императора Николая II от престола и появлении Временного правительства партия вновь образовалась. Эта была самая силь-ная партия белорусских националистов, однако она не играла никакой роли в политической жизни региона, т.к. белорусский национализм был явлением недееспособным без внешней поддержки.
24. Гигин В. Могли ли состояться БССР в 1917 г.? // Беларуская думка. 2009. № 12. С. 65.

сии с требованием полной белорусской независимости можно рассматривать как самопрезентацию, за которой вообще никакой массовой поддержки не стояло.

Дело в том, что, по мнению современной французской исследовательницы Э. Каррер д'Анкосс, белорусам «не хватало важного элемента: национального самосознания, объединявшего общество. Да, интеллигенция мечтала о создании собственно белорусской культуры, но в этой части империи смешалось множество народов – белорусы, поляки, евреи, литовцы, – и стремление определить собственно белорусскую культуру (речь о нации ещё не идёт!) формировалось в противовесе скорее с этими культурами, чем с российской»[25]. Даже после запрещения немецкими оккупационными властями русского языка как языка прессы, администрации и т.д. и признания официальных прав за польским, литовским и белорусским языками, белорусские активисты не смогли сами использовать ситуацию. Не белорусы, а немцы организовали в 1916 г. белорусскую учительскую семинарию[26]. Немцы же оплатили и вооружённые белорусские формирования, оказавшиеся полностью небоеспособными[27].

Солидарны в этом вопросе с француженкой и англичане. Белорусская провинция не пошла за своими «будителями». В частности, британский учёный Д. Ливен говорит, что в то время крестьянство белорусской провинции было более русским, чем белорусским, как с точки зрения политической лояльности, так и национальной идентичности. Даже у более национально сознательных украинских крестьян «чувство национальной [украинской – А.Г.] идентичности [...] оставалось довольно слабым, если только существовало вообще»[28], – пишет он.

После Февральской революции стало ясно, что страна постепенно дезинтегрируется. Наивные убеждения «февралистов», что люди оценят «свободу и равенство» и подчиняться Временному правительству не оправдались в принципе. Попытки военных укрепить единство страны (Корниловский поход на Петроград[29]) вызвали у Временного правительства страх потери власти. В итоге сила, способная хоть как-то стабилизировать ситуацию была воспринята негативно. Временное правительство против военных было вынуждено опереться на революционеров.

Октябрь 1917 г. полностью перекроил карту огромного пространства. Парад суверенитетов активно распространялся по России. Отделилась Финляндия. Возникли собственные государственные образования в других местах. Большинство из них было декларативно, но всё же они издавали от своего имени различные нормативные акты. В стране начиналась гражданская война. Пришедшие к власти большевики были новой силой с новым мировоззрением. Именно большевики контролировали столицу бывшей империи, поэтому они делали заявления от имени всей распадающейся страны. Большевики не боялись распада страны и были готовы дать отделяющимся регионам столько свободы, сколько они захотят.

Если после Февральской революции в России сменился государственный строй, но её целостность не подвергалась сомнению, то после Октябрьской революции целостность стала обузой для новой власти. Но нужно учитывать, что большевики право наций на самоопределение рассматривали лишь как право советских наций. Им было важно, что от имени народа говорят «представители народа», т.е. люди марксистско-большевистских взглядов. Прочие силы не рассматривались большевиками как представители угнетённых масс. Поэтому конфликты московских большевиков с самопровозглашёнными окраинными небольшевистскими, но небелогвардейскими правительствами крылись в идеологической сфере. Однако поставить во главе каждой этнической группы большевиков не было возможности. Национально-

25. Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. М.; РОССПЭН, 2007. С. 170.
26. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 415.
27. Там же. С. 418.
28. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007. С. 444.
29. Корниловское выступление (в советской историографии известно под названием корниловский мятеж, 27 – 31 августа 1917 г.) - попытка Верховного главнокомандующего Русской армией генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова установить военную диктатуру, отстранив от власти Временное правительство, чтобы спасти Россию от очередной назревавшей революции. Временное правительство, не имея сил для противодействия, обратилось к революционерам, которые были противниками Временного правительства, за поддержкой. Идущие на Петроград войска были распропагандированы и разоружены революционерами. Выступление Корнилова не уда-лось. Сам генерал и его ближайшие сторонники были арестованы. Поражение корниловского выступления укре-пило позиции революционных сил и серьёзно ослабило влияние Временного правительства.

большевистские силы были не такими массовыми, во многом не поддерживались местным населением, да и для определённой части жителей попросту не были известны. Но именно они получили право говорить от имени народа.

Большевики видели в конфликте большевистского центра против небольшевистских окраин не проблему национального самоопределения, а проблему власти, с помощью которой небольшевистские силы будут бороться с революцией. У большевиков не было возражений по национальным вопросам, у них были возражения по классовым вопросам на окраинах. И, видимо, это не было какой-то политической игрой большевиков, это было их искренним убеждением.

Позицию большевиков того периода можно рассмотреть на примере проблемы белорусской государственности. Так, нарком[30] по делам национальностей И.В. Сталин заявил, что белорусы могут захотеть или отделиться, или стать автономной территорией, «всё равно большевики организуют Союз республик и в нём Белоруссия займёт место самостоятельного советского государства»[31]. Сталин подчеркнул лишь единственный важный фактор – необходимость того, чтобы во главе нового образования были большевики. Это было сказано через несколько дней после Октябрьской революции. 2 ноября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов принял Декларацию прав народов России, в которой подчёркивалось «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»[32]. 12 декабря 1917 г. Сталин говорил: «Мы за самоопределение *народов*, но мы прот ив т ого, чт обы под флагом самоопределения прот аскивали контрабандой самодержавие Каледина[33], вчера еще ратовавшего за удушение Финляндии»[34]. Большевики были готовы признать независимость Белоруссии уже через несколько дней после революции, т.е. ещё до созыва Первого Всебелорусского съезда[35]. Этот съезд отказался признавать победу большевиков, поэтому большевики его распустили (то же самое произошло и с Учредительным Собранием). После роспуска съезда группа бывших делегатов - белорусских националистов объявила о создании в условиях немецкой оккупации Белорусской Народной Республики (БНР)[36]. Естественно, что БНР большевики не признали бы ни в коем случае, потому что её правительство не разделяло большевистские ценности во всей полноте и, следовательно, с точки зрения большевиков, не могло говорить от имени всей народной массы. Право говорить от имени народа большевики скромно оставили лишь за собой и своими близкими по идеологическому духу союзниками. Белорусская государственность на советской основе была объявлена в январе 1919 г., однако, в связи с польским наступлением, долго не просуществовала и в 1921 г. была объявлена снова[37]. Судя по

30. Нарком (сокращение, полное наименование должности – народный комиссар) – должность в советском правительстве, аналогичная должности министра. Правительство в Советской России и позже в Советском Союзе официально называлось Совет народных комиссаров (Совнарком). С 1946 г. Совнарком преобразован в Совет Министров СССР, а его члены вместо народных комиссаров стали называться министрами.

31. Гигин В. Указ. соч. С. 64.

32. Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Т. I. М., Государственное издательство полити -ческой литературы, 1957. С. 40.

33. Каледин Алексей Максимович (1861 – 1918). Генерал от кавалерии. Российский военачальник. Участник Первой мировой войны. После Октябрьской революции попытался организовать сопротивление большевикам в Области Войска Донского. Однако изначально казаки не отличались активностью. Каледин решил, что не добился резуль-татов в антибольшевистском сопротивлении и застрелился. По другой версии был убит.

34. Сталин И.В. Сочинения. В 18 т. Т. 4. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 8.

35. Первый Всебелорусский съезд – представительный орган, который в декабре 1917 г. должен был решить судьбу Белоруссии после Октябрьской революции 1917 г. Изначально поддерживался московскими большевиками, но после того, как отказался поддержать большевистские идеи, был распущен.

36. Белорусская Народная Республика (БНР) – формальное государство, объявленное белорусскими националистами на оккупированных немцами территориях в феврале-марте 1918 г. Юридически данные земли входили в состав России. БНР не имела большинства признаков государства, полностью зависела от немецких оккупантов и не имела международного признания. В ноябре 1918 г. в связи с наступлением большевиков, самопровозглашенное правительство БНР уехало в эмиграцию. БНР не имела никакого влияния, но современные белорусские националисты идеализируют существование БНР, усматривая в нём форму политического самоопределения белорусского народа. В реальности БНР была лишь формой самоопределения очень узкого круга белорусских националистов и не оставила следа в народном сознании и народной исторической памяти.

37. Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ) – первое формально независимое белорусское государственное образование. Объявлено за пределами Белоруссии с одобрения московского большевистского правительства. Буквально через несколько недель объединилось с советской Литвой в одно государство, чтобы эффективнее противостоять начавшемуся польскому наступлению. Но большая часть территории была быстро оккупирована поляками. Повторно советская Белоруссия объявлена в 1921 г. после заключения Рижского мирного договора между Советской Россией и Польшей. ССРБ была переименована и стала называться Белорусская Со-ветская Социалистическая Республика (БССР). В декабре 1922 г. вошла в состав СССР. В сентябре 1991 г. была переименована в Республику Беларусь, в декабре того же года вышла из состава СССР.

большевистской риторике, большевики не только не желали оставлять кого-то в составе России, но и помогали самоопределиться, поддерживая деньгами и советами. В настоящее время в белорусской версии истории существует уверенность, что если бы не была объявлена БНР, то советская власть не объявила бы советскую Белоруссию как формально самостоятельное государство. Этим утверждением белорусские историки хотят повысить значимость провозглашения БНР, но на самом деле факты говорят о том, большевики были готовы признать самостоятельность Белоруссии ещё до попыток белорусских националистов объявить Белорусскую Народную Республику.

Сил у национальных окраин для борьбы с большевиками не было. Большевики очень эффективно могли блокировать призывы к национальному единству призывами к единству классовому, снабжая их обещанием земли крестьянам, фабрик рабочим и мира народам. Жить зажиточно и счастливо или жить в отдельном государстве – вот такой выбор вставал перед людьми. И ясно, что в стоянии военных неурядиц и отсутствия какой-либо последовательной локальной национальной идеи люди выбирали первый вариант.

Белые армии также были эффективней любой национально ориентированной силы. Ведь белогвардейцы выступали за сильную страну, в которой в неспокойное время всё-таки жить спокойнее. Да и образ России как государства был намного более привычным практически каждому. Большинство генералов стало на сторону Белого движения, а это были люди, профессионально умевшие воевать и не раз побеждавшие противника. Лишь борьба красных и белых спасала национальные режимы. В частности, русский генерал А.И. Деникин[38] утверждал, что лишь одну треть своих сил большевики бросили против всех новых режимов от Финляндии до Украины, остальные силы были сосредоточены против Белых армий[39].

После распада единой России судьбы отдельных территорий оказались во власти не региональных элит, а стали разменной монетой в борьбе красных и белых. Так, Маннергейм[40] предлагал помочь Белым армиям в обмен на отделение Финляндии, Деникин вступал в переговоры с Пилсудским, большевики опирались на Махно и его анархические отряды... В этой круговерти каждый искал свою выгоду, но красная и белая идеи по определению были более эффективны, чем региональные. Ведь если дореволюционная Россия уже была национализирующимся государством, то, как минимум, инерция этого движения к единству у массы населения осталась. Восприятие единства было реальностью. Белое движение предлагало лозунг единой и неделимой России, что улавливалось людьми как некая ценность. Красные предлагали лозунг единства как союз советских республик или сосуществование в виде автономий, т.е. опять же призывов к полной национальной обособленности не было. К тому же в глазах населения и белые, и красные представляли собой Россию – страну, в которой все жили до революции, т.е. своё Отечество. Не случайно ведь, как утверждает польско-белорусский исследователь Е. Миронович, население Западной Белоруссии встречало в сентябре 1939 г. «русскую православную власть»[41], не смотря на то, что в то время русско-православная идея в СССР была, мягко говоря, непопулярна. Но сторонники локально-национальных образований всё же ориенти-

38. Антон Иванович Деникин (1872 – 1947). Российский военачальник. Генерал-лейтенант Генерального Штаба. Участник русско-японской, Первой мировой и гражданской войн. Во время гражданской войны являлся исполня-ющим обязанности Верховного правителя России, а также Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга Рос-сии. После гражданской войны эмигрировал во Францию, где занимался литературной и публицистической дея-тельностью. Во время Второй мировой войны находился в оккупированной Франции. Не принимая совет-ской вла-сти резко выступал против сотрудничества с немцами и поддерживал сражающийся СССР. По некото-рым данным направил в ССР вагон медикаментов, чем озадачил советское правительство. Отказался от со-трудничества с немцами. После окончания Второй мировой войны переехал в США, где и скончался. В 2005 г. прах генерала Де-никина вместе с прахом его жены, а также прахом русского философа-эмигранта Ильина и его жены перезахоро-нен в Москве.

39. Деникин А.И. Кто спас советскую власть от гибели // Деникин А.И., Лампе А.А. фон. Трагедия Белой армии. М.: Студия «ТРИТЭ» - «Российский архив», 1991. С. 4.

40. Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867 – 1951). Президент Финляндии. Фельдмаршал Финляндии. До этого гене-рал-лейтенант русской армии. Участник русско-японской и Первой мировой войн (на стороне России), между ко-торыми совершил разведывательные экспедиции в Китай и Японию. Участник гражданской войны в Финляндии (на стороне финских белых). Несмотря на то, что поддержал независимость Финляндии после Ок-тябрьской рево-люции 1917 г., до конца жизни оставался монархистом. Неудачно стремился договориться с русскими белогвар-дейцами о совместной деятельности против большевиков во время гражданской войны. Участник советско-финской войны (в качестве Верховного главнокомандующего финской армией), Второй ми-ровой войны (сначала как союзник Германии, потом как противник). Оставил мемуары.

41. В Минске состоялась международная научная конференция «Осень 1939 года в исторической судьбе Бела-руси» // URL: http://news.open.by/politics/9593 (дата обращения: 13.10.2014)

ровались на большевиков, поскольку большевики допускали право наций на самоопределение, т.е. возможность активных регионалов стать национальной элитой. В частности, если верить А.И. Деникину, тогда на примере Польши можно данный тезис проиллюстрировать. Ю. Пилсудский[42], понимая, что большевики несут угрозу небольшевистской Польше, всё равно вёл переговоры с советскими представителями, поскольку идеи Белой армии вызывали у начальника польской державы опасение за будущее Польши, при условии, что сам Деникин подтвердил независимость Польши[43]. Белые же оттягивали решение этого, как и многих других вопросов, до своей победы и созыва Учредительного собрания[44]. Т.е. белые ничего однозначно не обещали. Обещания и пропаганда красных была более эффективной. Красные обещали больше, чем белые, их обещания охватывали решения более широкого круга вопросов. Как писал один из активных участников Белого движения генерал А.А. фон Лампе: «Бичом белого тыла была красная пропаганда. В этом вопросе красные преобладали, так как он был поставлен у них лучше, чем у белых, да и надо признаться, что лозунги, проводившиеся ими в жизнь, были всегда бесконечно более заманчивыми для массы, чем то, что могли предложить ей пропагандисты белого фронта… Дальше чем “грабь награбленное”, “всё дозволено” и настоятельного обещания рая на земле, всё равно идти было невозможно!»[45]

Лишь отчаянная борьба красной и белой идеи спасли новые локально-национальные образования. И большевики, и белогвардейцы пытались использовать молодые режимы в целях поддержки своих войск, однако и национальные режимы пытались делать то же самое. В итоге история получилась такой, какой получилась. Большая часть осколков дореволюционной России была собрана в составе СССР. Основания этого объединения были иные, нежели в прошлом. В конце XX в. СССР распался, но на его бывшей территории снова появились интеграционные проекты. Они базируются уже не на имперских или советских основаниях, а на совершенно иных лозунгах. Ряд постсоветских государств понимает необходимость интеграции и ищет баланс между суверенитетом и интеграцией. Пока этот баланс находится с трудом, но процесс всё же идёт. Заложенное ранее представление о единстве до сих пор является самым эффективным проектом на евразийском пространстве. Вопрос лишь в том, на каких условиях будет проходить новая интеграция.

42. Юзеф Пилсудский (1867 – 1935). Первый глава восстановленного в 1918 г. польского государства. Маршал Польши. В Российской империи занимался революционной деятельностью, был в ссылке. Во время русско-японской войны ездил получал деньги от Японии. В Первую мировую войну организовал польские легионы, кото-рые воевали в составе австро-венгерской армии. Когда понял, что Германия и Австро-Венгрия проигрывают вой-ну, вступил в конфликт с австро-немецким командованием, был арестован. Освобождён в самом конце войны. Пер-вый руководитель польского государства. Командовал польскими частями в советско-польской войне. В 1923 г. ушёл из политики, в 1925 г. совершил государственный переворот и вновь вернулся в политику. От поста прези-дента отказался, но фактически управлял страной до своей смерти.

43. Деникин А.И. Кто спас советскую власть от гибели // Деникин А.И., Лампе А.А. фон. Трагедия Белой армии. М.: Студия «ТРИТЭ» - «Российский архив», 1991. С. 9.

44. Учредительное собрание – представительный орган, который должен был решить дальнейшую судьбу России. Избран в ноябре 1917 г., начал работу в январе 1918 г. Учредительное собрание отказалось поддержать больше-виков, несмотря на то, что большевики реально контролировали власть и среди членов Учредительного собрания также были большевики. Было ими распущено. Провело лишь одно заседание.

45. Лампе А.А. фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Деникин А.И., Лампе А.А. фон. Указ. соч. С. 22-23

Литература

1. а-на-а. Вайна пачалася // Наша ніва. № 29. 25 Ліпня. С. 1.
2. Арон. Текинцы // Эдеби Мирас. Электронная библиотека туркменской литературы. URL: http:/ edebi-miras.blogspot.com/2006/04/blog-post_08.html (дата обращения 11.102014)
3. Базанов С. Полное презрение к смерти // История. 2006. № 5. URL: http:/ his.1september.ru/2006/05/22.htm (дата обращения: 7.10.2014).
4. Богданович М. На белорусские темы // Багдановіч М. Поўны збор твораў. У 3 т. Т. 3. Выд. 2-е. Мінск: Белорусская наука, 2001. С. 128 – 134.
5. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Роман в 2-х частях. Рига: Книгоиздательство «Мир», 1920. С. 9.
6. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы России: пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007.

7. В Минске состоялась международная научная конференция «Осень 1939 года в исторической судьбе Беларуси» // URL: http:// ews.open.by/politi s/9593 (дата обращения: 13.10.2014)
8. Вайна у паветры // Наша ніва. № 33. 1914. 21 Жніўня. С. 2.
9. Гигин В. Могли ли состояться БССР в 1917 г.? // Беларуская думка. 2009. № 12. С. 65.
10. Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Т. I. М., Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 40.
11. Деникин А.И. Кто спас советскую власть от гибели // Деникин А.И., Лампе А.А. фон. Трагедия Белой армии. М.: Студия «ТРИТЭ» - «Российский архив», 1991. С. .
12. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
13. Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. М.; РОССПЭН, 2007.
14. Копылов Н.А. Латышские стрелки в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг.: формирование и социально-этнический состав // Великая война. Сто лет. / Под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. М.; СПб. Нестор-История, 2014.
15. Лампе А.А. фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Деникин А.И., Лампе А.А. фон. Трагедия Белой армии. М.: Студия «ТРИТЭ» - «Российский архив», 1991. С. .
16. Лёсік Я. Хто вінавайца вайны // Творы: Апавяданні. Казкі. Артыкулы / Уклад., прадм. і камент. А. Жынкіна. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994.
17. Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 40. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 1 – 24.
18. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007.
19. Мэморыя прадстаўнікаў Беларусі на III-ей Канфэрэнцыі народаў / Падаў і на беларускую мову пераклаў Эпімах-Шыпілло. Мінск: Вольная Беларусь, 1917.
20. Наша ніва. № 36. 1914. 11 верэсьня.
21. Наша ніва. № 39. 1914. 2 кастрычніка.
22. Самович А.Л. Патриотическое движение среди учащейся молодёжи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 29 – 38.
23. Сталин И.В. Сочинения. В 18 т. Т. 4. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947.
24. Текинский конный полк: впервые опубликована книга о его боевом пути // Новости Туркменистана. URL: http://i foabad.com/obrazovanie-nauka-i-tehnika/tekinskii-konyi-polk-vpervye-opublikovana-kniga-o-ego-boevom-puti html (дата обращения: 11.10.2014)
25. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Профиль. 2008. № 24 (579). 23 июня. URL: http://w w.profil.o c.ru/numbers/?=615 (дата обращения: 9.10.2014).
26. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. май-июнь. С. 21 –41.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИЯХ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО (ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА) В 1839 – 1918 ГГ.(*)

ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORIES OF THE KINGDOM OF POLAND IN 1939-1918

УДК – 94(476)

Антон Васильевич Миронович,
доктор исторических наук, профессор исторического факультета Белостокского университета(Белосток, Польша).

Anton Mironovich,
Ph.D., Professor, Belostok University,
(Belostok, Poland)

РЕЗЮМЕ: В статье описываются отношения между православными и греко-католиками на территории Польского королевства. 25 марта 1839 года во время Полоцкого собора униаты вошли в состав Русской Православной Церкви. Основной инициатор объединения униатов с православной церковью в Белоруссии и Литве Иосифа Семашко был возведен в сан архиепископа. Иная ситуация сложилась в австрийском секторе разделенной Польши, где можно было наблюдать дальнейшую деятельность греко-католической церкви. Только в 1872 году царь Александр II учредил Специальную комиссию по делам Холмской епархии. Окончательная переход униатов Холмской епархии в Православие состоялся 11 мая 1875 года. Верующие из района епископства Холма были включены в Варсово-Холмскую епархию. Изменения в религиозных отношениях были инициированы указом о веротерпимости Николая II, которая датируется 1905 годом. Некоторые из бывших униатов, в основном выходцы из епархий Седльце и Люблина, покинули Православие, а затем присоединились к римскому Католическая церковь. Следующая дезорганизация православной общины произошла во время Первой мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Польское королевство, Холмско-Люблинская епархия, Православие.

SUMMARY: The article describes the relationships between the Orthodox and the Greek Catholics on the territory of the Polish Kingdom. On 25 March 1839 during the ecumenical council in Polotsk the Uniats were incorporated into the Russian Orthodox Church. The situation looked different in the Austrian sector of partitioned Poland where huge development of the Greek Catholic faith could have been observed. It was only when in 1872 Tsar Alexis II established the Special Committee for the Matters of the Khelm Diocese, whose member was also an administrator of the Khelm Bishopric – Priest Martseli Popiel, that the influences on Uniats' convertion to the Orthodox Church were exerted increasingly. The final annexation of the Uniats from the Khelm Diocese to the Orthodoxy took place on 11 May 1875 by the ruling of the Russian Orthodox Church Synod. The faithful from the area of the Khelm Bishopric were incorporated into the Varsovian-Khelm Diocese.Some changes in religious relationships were initiated by the tolerant privilege (ukase) of Tsar Nicholas II, which dated back to 1905. Some of the former Uniats, mainly coming from the Dioceses in Siedlce and Lublin, left the Orthodoxy then and joined the Roman Catholic Church. The next disorganization of the Orthodox community took place during World War I.

KEYWORDS: the Kingdom of Poland, Kholmsk-Lublin diocese, Orthodoxy.

Позитивные результаты ликвидации унии в Белоруссии в 1839 г., январское восстание, увеличение антиправославных и антирусских настроений среди польского населения западных губерний Российской империи ускорило решение царскими и церковными властями вопроса о привлечении униатов в Православие на территории бывшего Польского королевства (Царства Польского в составе Российской империи). Реализация этой политики была нелегкой, так как религиозная ситуация на территории Польского королевства и белорусских землях была различна. После ликвидации унии в Российской империи под властью Романовых оставалась только одна униатская епархия – Холмская в королевстве Польском. Латинизация униатского обряда была здесь особенно сильна и исходила из последовательного введения на территории королевства постановлений Замойского синода 1720 г. Латинизация литургии и обрядности происходила при посредстве совершения тихих месс, произнесения молитвы с ружанца, использования органов и колокольчиков во время богослужений. Из униатских церквей стали исчезать иконостасы, одновременно появились боковые алтари, конфесионалы, лавки и т. д. Латинизация преимущественно сопровождалась введением польского языка в проповедях и молитвах. Униатскими священниками становились часто выпускники латинских школ, принятые из среды верных Католической Церкви. После Венского Конгресса в новых границах епархии оказались земли Польского королевства. Холмская епархия включала в себя территории трех воеводств (позднее губерний): Люблинского, Подлясского и Августовского. После посвящения в Холмского епископа Филиппа Фелициана

(*). Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

Шумборского (1828–1851) эта епархия в 1830 г. стала подчиняться непосредственно Риму [3, с. 23]. Вскоре после ликвидации унии в Российской империи в Петербург был приглашен тогдашний униатский Холмский епископ Филипп Фелициан Шумборский. Во время пребывания в Петербурге униатский владыка согласился на сотрудничество с царской администрацией в вопросе ликвидации латинских влияний в восточной литургии. С возвращением в свою епархию епископ Шумборский издал послание духовенству и верным (1841), в котором распорядился о введении в униатских храмах иконостасов и внедрении «некоторых обрядов Восточной Церкви во время совершения богослужений» [1, с. 23–24; 3, с. 237].

Послание вызвало различную реакцию среди духовенства и верующих. Часть приходов приняла Православие (Бабице, Горный Поток), другие «очищали богослужение от латинских влияний». Папа Григорий XVI потребовал отмены послания. Под давлением Рима холмский владыка в 1841 г. отменил свое послание, что привело к конфликту с царской администрацией. В результате царь Николай I в течение многих лет препятствовал занятию пустующих епископств – Подлясского и Варшавского [5, с. 10–12]. Преемником Шумборского стал викарный епископ Холмской епархии Ян Терашкевич (1851–1863), человек компромиссный в отношении правительства и хорошо расположенный к Православию. Тогда в первый раз выпускников семинарии из Холмской епархии послали на учебу в православные духовные академии в Москве и Киеве и одновременно реорганизовали униатскую духовную семинарию в Холме, подчиняя ее обер-прокурору. В духовных школах владыка ввел православные катехизисы. Рим долго затягивал с признанием его как епископа, опасаясь его чрезмерной податливости в отношении российских властей. Папа Пий IX (1846–1878) утвердил владыку только в год его смерти. В 1863 г. Холмская епархия насчитывала 23 благочиния, 270 приходов и 223 тысячи верующих. Епископство включало территории католической епархии Люблинской, Подлясской и Сейненской. Духовенство и верующие оставались под сильным влиянием польской культуры. После смерти епископа Яна Терашкевича Холмской епархией управлял епископ, номинант Холмский, Ян Калинский, горячий сторонник унии. Царские власти ограничили его юрисдикцию и ликвидировали четыре базилианских монастыря на территории епархии. В 1866 г. епископ был арестован и сослан в Вятку [6, с. 361]. Борьбу с латинским влиянием предпринял его преемник, администратор Холмской епархии Иосиф Войчицкий (1866–1868), который стремился к ликвидации унии и присоединению униатов к Православию. Войчицкий знал об оппозиции духовенства в отношении подобных перемен. По этой причине он начал приводить духовенство из Галиции, которое было негативно настроено ко всем формам латинизации и полонизации униатского обряда. Уже с середины XVIII века среди греко-католических священников развивалось движение, называемое «москалофильским».

Наиболее активным среди них были представители униатского духовенства, которое сгруппировалось вокруг кафедры св. Юрия во Львове [4, с. 3–4]. В общей сложности в Холмскую епархию приехали 51 священник и 60 студентов, которые высказались за возвращение в Православную Церковь [3, с. 239]. Иосиф Войчицкий издал множество циркуляров для духовенства и верующих, запрещающих использование в униатских церквах польского языка, органов, пения часов, произнесения молитв с ружанца, горьких скорбей. Ограничение епископской власти в управлении духовной семинарией, запрещение высылки униатских выпускников в Римско-католическую академию в Варшаве и распоряжения направлять их в православные академии в Империи не вызвали в среде верующих такого сопротивления, как рутенизация обряда. Распоряжения администратора епархии не были выполняемы духовенством и верными. Большая заинтересованность Петербурга делами униатской церкви наступила после 1868 г., когда униатов подчинили власти обер-прокурора Святейшего правительствующего Синода Русской Православной Церкви в Петербурге Дмитрия Толстого (1823–1889) [9, с. 504]. В то же время царские власти решились на поставление лояльного в отношении к ним Холмского епископа, который обладал бы авторитетом со стороны верующих. После акцептации Папы Пия IX им стал официал униатской епархии в Львове ксендз Михал Куземский (1868–1871). Куземский был известен своей неприязнью по отношению к полякам и принадлежал к ведущим лидерам «москалофильского» движения. После посвящения во Львове в 1868 г. он приехал в Холм. Приезд владыки повлек за собой освобождение из заключения униатских священников и сотрудничество иерарха с царской администрацией. Епископ утвердил все постановления Иосифа Войчитского

и запретил униатским священникам участвовать в латинских богослужениях. Нарушение его постановлений грозило служебными санкциями и денежными штрафами. Вскоре холмский владыка запретил все контакты с латинским духовенством и поручил подчинявшимся ему настоятелям составление списков униатов, которые приняли римско-католический обряд. Епископ Куземский стремился вернуть в свою юрисдикцию всех потомков униатов. Постановления владыки совпадали с политикой российских властей. Куземский не хотел покидать унии и по этому поводу сам отказался от должности холмского епископа в 1871 г. Позиция главы Холмской епархии была осуждена папой Пием IX [2, с. 502; 9, с. 509; 6, с. 362]. Отказ Куземского от епископского достоинства в Петербурге был встречен с удовлетворением. Царь Александр II в 1872 г. основал Специальный Комитет по делам Холмской епархии, в состав которого входил приехавший из Галиции священник Марцелий Попел. Он стал администратором Холмского епископства и по распоряжению комитета издал циркуляр к униатскому духовенству, в котором распоряжался о совершении с 1874 г. литургии согласно с правилами Восточной Церкви.

Циркуляр должен был привести к полной ликвидации тех изменений, которые были введены Замойским синодом. Циркуляр, очищающий литургию от латинских влияний, реализовывался на практике при содействии гражданских властей. Деятельность Попела вызвала конфликты в среде духовенства и верующих униатского обряда. Доходило до столкновения верующих с царской полицией и увольнения священников с приходов, противящихся постановлениям циркуляра. Было интернировано 69 священников, стоящих в оппозиции, 63 эмигрировало в Галицию. В Дрелове и Пратулине, в Подляшье, более десятка униатов погибло при защите существующих традиций и церковных обрядов [3, с. 113–150, 158–174; 6, с. 362]. Реализация циркуляра в жизнь была вступительной частью к присоединению униатов к Православию в 1875 г. В феврале 1875 г. собранное в Бялей Подласской униатское духовенство Холмской епархии обратилось с просьбой к Александру II о позволении их присоединения к Православной Церкви. Делегация духовенства была принята монархом, который выразил согласие на ликвидацию унии 25 марта того же года. Одновременно весной 1875 г. в Бялей Подласской, Янове Подласским, Холме, Грубешове и Замошче были совершены торжественные богослужения, на которых была объявлена воля униатского духовенства. В церковных торжествах принял участие варшавский православный архиепископ Иоанникий. Возвращение униатов в Православие как вере отцов, архиепископ считал естественным, однако не поддерживал используемые при этом государством методы. Из-за этого ликвидация унии происходила без активного участия православного духовенства [7, с. 258–259]. Окончательно присоединение униатов Холмской епархии к Православию произошло с постановлением Святейшего Синода 11 мая 1875 г. Православие приняло 240 униатских священников, в том числе 40 приехавших из Галиции [9, с. 258–259]. Верующих, проживавших на территории Холмской епархии, включили в юрисдикцию Варшавско-Холмской епархии. Викарий Варшавского архиепископа с титулом епископа Люблинского должен был иметь постоянную резиденцию в Холме, а греко-католическую семинарию заменили православной семинарией. Холмским епископом, по решению Святейшего Синода, был поставлен администратор Холмской епархии священник Марцеллий Попел.

Решение Синода было утверждено царем Александром II. Таким образом, Русская Православная Церковь на территории Варшавско-Холмской епархии, насчитывавшая в 1875 г. 60 приходов и 41 тысячу верующих, увеличила свою юрисдикцию до 236 приходов и 234 тысячи верующих. Их численность увеличилась и в последующие годы [18, с. 346]. Новая религиозная ситуация потребовала необходимости организационных изменений в Русской Православной Церкви на территории Привисленского края. 1 мая 1875 г. решением Синода было образовано викарное епископство Люблинское с резиденцией в Холме, а 7 мая Варшавско-Новогеоргиевская епархия была преобразована в Холмско-Варшавскую. Это решение было принято с вниманием к исторической роли Холма в истории Православной Церкви и функционированию в 1223–1596 годах Холмско-Бельской епархии. Новым архиепископом Холмско-Варшавской епархии стал Леонтий (Лебединский) – возглавлявший епархию Херсонскую и Одесскую. Целью нового архиепископа Холмско-Варшавского было проведение реорганизации церковной структуры на территории епархии и завершение процесса принятия униатов в Православную Церковь. В реализации этой миссии архиепископу Леонтию помогал находившийся в

Холме викарный епископ вместе с самостоятельной консисторией. Несмотря на то, что такое положение вещей было не до конца согласно с каноническим правом, присутствие полной церковной администрации, принадлежащей самостоятельному епископу, находит свое обоснование [11, с. 112–125]. По инициативе архиепископа Леонтия в 1877 г. началось издание «Холмско-Варшавского Епархиального Вестника». В виде приложений к этому журналу издавались источниковедческие материалы по истории Православия на территории епархии. В 1877 г. была издана первая историко-статистическая работа о Холмско-Варшавской епархии. С 1884 г. существующее в Холме церковное братство начало издание ежегодного «Холмского Народного Календаря». Архиепископ Леонтий продолжал строительство новых церквей. Проводить эту деятельность ему позволяли указы царя Александра II. Императорский указ от 1877 г. «Правила для устройства церковных зданий в Привисленском крае» дал церковным властям правовые основания стараться получить материальную поддержку в Министерстве Внутренних Дел. Принятые новые принципы строительства церковных объектов позволили основать новые православные храмы в Люблине, Хрубешове, Калише, Ломже, Янове, Млаве, Слупцах, Лодзи, Лукове, Августове, Плонске, Коле, Томашове и в иных населенных пунктах. Были также построены церкви на территории военных гарнизонов, в том числе в Щучине, Остролейке. Чтобы усовершенствовать управление епархией, было принято решение о новом разграничении благочиний. Число благочиний возросло с двух до восемнадцати. Архиепископ Леонтий предпринимал действия в целях присоединения униатов к Православной Церкви. Благоприятствовал ему в этом изданный в 1875 г. монарший указ, запрещающий латинскому духовенству удовлетворение духовных нужд для униатов [9, с. 510].

В 70–80-х годах XIX века в Православие каждый год возвращалось по несколько сотен греко-католиков. Приобщению униатов к Православию не помогали административные методы введения великорусской церковной традиции. Этот факт вызывал протесты не только униатского населения, но и частично православного. Архиепископ Евлогий (Георгиевский), находившийся на территории Холмской епархии в 1905–1912 годах, признал, что в процессе объединения было допущено много ошибок. Использование при принятии в Православие административного воздействия нанесло ущерб репутации Церкви. Православным епископам и священникам не только не хватало миссионерских способностей, но и также понимания местных церковных обрядов и обычаев. В результате решения о присоединении униатов к Православию часто имели формальный характер. В жизни большинство греко-католиков оставалась при своем прежнем вероисповедании [18, с. 347]. Согласно данным Святейшего Синода Русской Православной Церкви, среди 276 приходов, которые присоединились к Православию, только 35 реально изменили вероисповедание. В целях преодоления этой ситуации только лишь в 90-х годах церковные власти предприняли миссионерскую деятельность в среде униатов, в том числе при посредстве организации для них выездов в знаменитые православные духовные центры (Киево-Печерскую Лавру, Почаевскую Лавру), а также с помощью финансовой поддержки при ремонте старинных церквей [19]. В 1891 г. архиепископ Леонтий стал митрополитом Московским. Его место на Варшавской кафедре занял викарный Люблинский епископ Флавиан Городецкий (1891–1892), а после него епископ Гедеон Покровский (1892–1896). Во время их управления интенсивно продолжалось строительство церквей. В этот период были построены новые церкви в Любартове, Венгрове, Мехове, Томашове, Рыпине, Раве Мазовецкой, Ленчице, Соколове, Серпце, Лукове, Влодаве и многих других местах. В Варшаве в 1894–1912 годах была построена гарнизонная церковь св. Александра Невского. При приходах возникали церковные школы. Архиепископ Флавиан, так же как и его предшественник, не принимал униатских обрядов и церковной традиции. При помощи административного воздействия он стремился к унификации церковной обрядности по великорусскому примеру. Такая политика привела к возвращению части верующих в унию и их многочисленным протестам против изменения религиозных обычаев и обрядов. Дошло до трагических событий в Дрелове, Пратулине (1874) и Кодне (1894) [3, с. 158–190]. В то же время на территории Волынской епархии с широким размахом проводилась православная миссионерская акция. Одной из ее форм было открытие приходских библиотек, школ и организация чтений на темы богословия и истории Православной Церкви. В 1892 г. торжественно отмечали 900 лет христианства на Волыни, в 1893 г. – столетие присоединения Волыни к России, а в 1889 г. – 50 лет ликвидации унии в Белоруссии. В результате

миссионерской деятельности в восьмидесятых годах XIX века Православие приняло более 7 тысяч католиков восточного обряда. Миссионерская деятельность на Волыни ослабла в начале XX века. В течение всего этого периода православная иерархия боролась с революционными тенденциями [13, с. 115, 135–154; 7, с. 262–263]. Вероятно, возникновение религиозных конфликтов на территории Варшавской епархии привело в 1898 г. к переводу архиепископа Флавиана на Картолинскую и Кахетинскую кафедру. Архиепископ Флавиан был назначен на должность экзарха Грузии. Новым предстоятелем Холмско-Варшавской епархии стал архиепископ Иероним Экземплярский (1898–1905), ранее выполнявший обязанности архиепископа Виленского и Литовского. Во время управления епархией архиепископом Иеронимом было построено множество приходских и гарнизонных церквей. Новые приходские церкви возникли в том числе в Лапах, Велах, Пшасныше, Острове, Радоме, Люблине, Опатове, Колне, а военные – в Варшаве, Мариамполе, Холме, Щедльцах, Скерневичах, Коньске, Миньске Мазовецком, Сташове и Остролейке. Инвестиции были переведены на основании изданной в 1899 г. «Инструкции Временного Комитета Строительства Православных Церквей в Холмско-Варшавской Епархии» и распоряжения императора Николая II от 1901 г. о строительстве за счет военного министерства воинских гарнизонных церквей. Новый предстоятель епархии сумел лучше сориентироваться в сложной религиозной ситуации и уладить отношения с верующими. Архиепископ Иероним мирным путем разрешил конфликты с униатским населением. В смягчении конфликтов ему помогло новое религиозное законодательство. Лица, которые административным путем были записаны в Православную Церковь, имели право возвращения в Католическую Церковь. Подобные решения по их просьбе были принимаемы индивидуально епископом.

Издание в 1905 г. царского указа о веротерпимости существенным образом повлияло на религиозную ситуацию на территории Холмско-Варшавской и Литовско-Виленской епархий. Только на территории Холмско-Варшавской епархии в 1905–1907 годах из Православия в Католическую Церковь перешло 6 590 бывших униатов. Согласно оценке царских властей, в 1905–1909 годах в западных епархиях Российской Православной Церкви около 230 тыс. бывших униатов в Российской империи и Польском королевстве покинуло Православную Церковь и приняло Римско-католический обряд [6, с. 444]. В этой ситуации Святейший Синод предпринял усилия по противостоянию этим тенденциям, популяризируя идею Святой Руси и придавая юбилею 300-летия царствования династии Романовых характер церковных торжеств. Большие заслуги в развитии духовной жизни на территории Холмской епархии внес молодой тогда епископ, позднее Патриарх Московский Тихон (Беллавин). Епископ Тихон управлял епархией в 1897–1898 годах. Его преемниками на Холмской кафедре были епископы Герман (Иванов) (1898–1902) и Евлогий (Георгиевский) (1905–1912). Епископы прилагали усилия к исключению Холмщины из Польского королевства и созданию самостоятельной губернии в составе Российской Империи. Это должно было предотвратить полонизацию русинов и их отход от Православия. Эта губерния окончательно возникла в 1912 г. Несмотря на эти усилия, ситуация в Холмско-Люблинской епархии была по-прежнему напряженной. Архиепископ Евлогий вместе с обер-прокурором Святейшего Синода Константином Победоносцевым старались успокоить возмущение униатов, возникшее вследствие деятельности царской администрации. Архиепископ Евлогий лично управлял Холмской епархией и хорошо знал господствующие в Холмщине настроения. По его мнению, «чиновники разрешали религиозные проблемы согласно с буквой закона, не считаясь с народом, чтобы только выслать в Петербург отчет, что с Православием на Холмщине все в порядке. После 1905 г. около 100 тысяч человек покинуло Православие» [12, с. 95–96].

На территории Волынской епархии Святейший Синод основал Губернско-Церковное Строительное Товарищество, которое в 1874 г. построило 44 новых церковных объекта, а 272 церкви отремонтировало. Число приходских церквей в последующие годы возросло. В начале XX века Волынское епископство имело 1 999 церквей и 207 часовен. В 1914 году количество церквей увеличилось до 2 150, а число верующих достигло 2,7 миллиона человек [20, с. 66; 13, с. 16–17]. На одну общину приходилось около 1 250 верующих. В епархиальном центре в Житомире число православных церквей увеличилась с 14 (в 1888 г.) до 27 (1912 г.). Материальное положение духовенства Волынской епархии было стабилизировано указом Александра II от 1872 г. о материальном обеспечении духовенства. Согласно

этому указу, духовенство получало из государственного бюджета ежегодные денежные пособия [Там же, с. 108–111, 129–135]. Представленные выше изменения повлияли на постановление Святейшего Синода Российской Церкви от 16 июня 1905 г. об установлении новой епархиальной структуры. Холмско-Варшавская епархия была поделена на две: Холмско-Люблинскую, в состав которой вошли территории Люблинской и Седльской губерний и Варшавско-Привислинскую, которая включила оставшуюся территорию Привислинского края. Первым иерархом, носящим титул Варшавско-Привислинского епископа стал архиепископ Иероним (Экземплярский). Свои полномочия он исполнял с 16 июня 1905 г. по 2 ноября 1905 г. После него эту должность занимал в 1905–1908 годах архиепископ Никанор (Каменский) [18, с. 558], а после его отъезда в Казанскую епархию должность Варшавского епископа в 1908–1915 годах исполнял архиепископ Николай (Зеров). Ранее, в 1899 г., была установлена Гродненско-Брестская епархия, а в епархии Волынской основано два викарных епископства – Владимирско-Волынское (1891) и Кременецкое (1902). В 1910 г. на территории Волынской епархии было основано третье викарное епископство в Остроге. Острожское викарное епископство ранее функционировало в 1840–1902 годах [13, с. 14]. В 1907 году на территории Гродненской епархии было основано викарное епископство в Белостоке. Дальнейшие изменения произошли в 1912 г., когда на территории Варшавской епархии установили викарное Новогеоргиевское епископство, а на территории Минско-Туровской епархии – викарное епископство в Слуцке. Среди перечисленных епископств наибольшее количество православных верующих находилось на территории Волынской епархии. В 1912 г. эта епархия насчитывала 2 698 377 верующих, находящихся в 1 321 приходе, входящем в состав 12 благочиний [14, с. 54–65; 13, с. 166–168]. Волынское епископство было наиболее богатым в материальном плане. Почаевская Лавра в 1913 г. принесла епархиальным властям 25 тысяч рублей доход [15, с. 314, 364]. Существенные изменения в религиозной ситуации на территории Варшавско-Привислинской, Холмско-Люблинской, Волынской, Литовско-Виленской и Гродненско-Брестской епархий произошли после начала Первой мировой войны. Территории Варшавско-Привислинской и Холмско-Люблинской епархий были заняты германскими и австро-венгерскими войсками. Большинство духовенства и верующих этих епархий были эвакуированы вместе с российской администрацией в глубь России в 1915 г. Архиепископ Николай (Зеров) также был вынужден покинуть Варшаву. Вместе с духовенством было вывезено церковное убранство и богослужебные предметы. Смерть архиепископа Николая, наступившая 20 декабря 1915 г., и занятие территорий Варшавской и Холмско-Люблинской епархий войсками, явилось причиной того, что Святейший Синод никого не назначил на кафедру в Варшаве. Временное исполнение обязанностей Варшавского епископа было поручено владыке Иоасафу (Каллистову) только в апреле 1917 г., однако и он был вынужден отказаться от должности в 1918 г. в связи с отсутствием реальных перспектив управления уже немногочисленными на территории Варшавской епархии православными приходами. Иная ситуация была на территории Волынской епархии. В 1914–1919 годах этой епархией управлял архиепископ Евлогий (Георгиевский). После начала войны архиепископ Евлогий возглавил в Житомире епархиальный комитет помощи нуждающимся в военное время. В результате его усилий возникли санитарные пункты, больницы, лазареты. В первый период войны, после занятия Львова русскими войсками, в город вместе с духовенством приехал архиепископ Евлогий и начал склонять греко-католиков к принятию Православия. Часть униатских настоятелей выехала в глубь России либо в Австрию. На пустующие униатские приходы прибыло более 200 православных священников. 19 сентября 1914 г. был арестован и заключен в монастыре в Суздале униатский митрополит Андрей (Щептицкий). Митрополит Щептицкий пребывал там до революции 1917 г. [16, с. 445; 13, с. 127–128]. Акция перехода униатов в Православие закончилась в июне 1915 г., после вхождения немецких войск в Галицию и занятия Львова и части Волыни. В ответ на переход в Православие и благожелательность к русским около 300 униатских священников было арестовано австрийскими властями [9, с. 649]. В это время архиепископ Евлогий руководил эвакуацией, в результате которой в Россию с территории Волынской епархии было вывезено православное духовенство и движимое имущество Церкви. Библиотека, архив, богослужебная утварь и мощи святых Почаевской Лавры оказались в Харькове.

После повторного занятия русскими войсками Волыни в апреле 1916 г. архиепископ Евлогий распорядился подчиняющемуся ему духовенству возвращаться

на свои приходы. Не все храмы были пригодны к использованию. Большинство храмов было разрушено (13), повреждено (41), ограблено (14) и осквернено (75) [10, с. 97]. В этой ситуации предстоятель Волынской епархии предпринял ряд усилий, направленных на возрождение приходской жизни. Викарные епископы посещали с визитами приходы, школы и монастыри и одновременно обновляли миссионерскую деятельность [13, с. 129; 7, с. 267–268]. В 1916–1917 годах архиепископу Евлогию удалось достичь возрождения всей епархиальной структуры и приспособить ее функционирование к военным условиям. Прочность этой структуры не была поколеблена военными действиями, большевицкой революцией и нахождением епархии в новых государственно-правовых условиях в 1918 г. Накануне завершения Первой мировой войны на территории так называемого Привислинского и Северо-Западного края осталось только 10 священников и два епископа: владыка Виленский Тихон (Беллавин), будущий Московский Патриарх, и владыка Кременецкий Дионисий, будущий митрополит Варшавский. В 1917 г. в Гродно вернулся викарий Гродненской епархии, Белостокский епископ Владимир (Тихоницкий). Виленский епископ Тихон отправился в 1917 г. в Москву на Поместный Собор Православной Российской Церкви. По пути в Москву ему сопутствовал Белостокский владыка [17, с. 92; 8, с. 58–60].

Возможность реэвакуации с 1918 г. и преследования Церкви после большевистской революции вызвали массовое возвращение православного населения и духовенства в оставленные приходы. Свержение российской монархии и возникновение Второй Речи Посполитой и привело к тому, что Православная Церковь оказалась в совершенно новой общественно-политической ситуации. Польские власти прилагали усилия к тому, чтобы задержать возвращение униатов в Православие на территории украинских земель, входивших в состав Второй Речи Посполитой. Миссия привлечения униатов в Православие, начатая Иосифом Семашко и Марцеллием Попелом, была реализована на территории украинских земель отцом Гавриилом Костельником.

Литература

1. Bojarski J. Czasy Nerona w XIX wieku pod rządem Moskiewskim, czyli prawdziwe neronowskie prześladowanie unii w diecezji chełmskiej, cz. I, Lwyw 1885.

2. Boudou A. Stolica Święta a Rosja, t. II, Krak yw 1930.

3. Dylągowa H. Unia Brzeska i unici w Krylestwie Polskim, Warszawa 1989.

4. Himka J. P. The Greek Catholic Church and Natio -Building in Galicia 1772-1918, „Harvard Ukrainian Studies", 1984, vol. 8.

5. Kossowski A. Filip Felicjan Szumborski (1771-1851. Biskup chełmski unicki, Lublin 1937.

6. Kumor B. Historia Kościoła, t. VII, Lublin 2002.

7. Mironowicz A. Kościół prawosławny na ziemiach polskich w latach 1795-1918, [w;] Prawosławie. Światło wiary i zdryj doświadczenia, pod red. K. Leśniewskiego i J. Leśniewskiej, Lublin 1999.

8. Mironowicz A. Kościół Prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku, Białystok 2005. 9. Śliwa T. Kościół greckokatolicki na „ziemiach zabranych" (1815-1839) i Kościół greckokatolicki w Krylestwie Polskim (1815-1875, [w:] Historia Kościoła w Polsce, t. II, cz. 1, pod red. B. Kumora i Z Obertyńskiego, Poznań 1979.

10. Антонович И. Страшные цифры // Волынские епархиальные ведомости. 1916. №9. С. 97.

11. Барсов Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковногражданских постановлений по Ведомству православного исповедания, т. I. Санкт-Петербург 1885.

12. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.... Париж, 1947.

13. Жилук С. И. Росийска Церква на Волыни (1793–1917). Житомир, 1996.

14. Памятная книжка Волынской Губернии на 1913 год. Житомир, 1912.

15. Покровский И.М. Русские епархии в XVI-XIX веках, их открытие, состав и переделы. Т. II. Казань, 1913.

16. Полоньска-Василенко Н. История Украины. Т. II. Киев, 1992.

17. Свитич А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия, Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917–1950 гг. Москва, 1997.

18. Смолич И. К. История Русской Церкви. Т. VIII, ч. 2. Москва 1997.

19. Список церквей, часовен, приходов и священнослужителей Холмско-Варшавской епархии, с показанием местностей, составляющих приходы, числа прихожан и количества церковно-приходских земель. Варшава, 1882.

20. Теодорович Н.И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. I. Почаев, 1888.

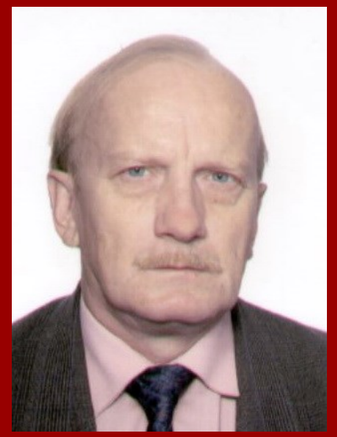
КАРОЛЬ ТОМКОВИЧ КАВАЛЕР ОРДЕНА «VIRTUTI MILITARI» ЗА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКУЮ ВОЙНУ(*)

KAROL TOMKOVICH IS A CAVALIER OF THE ORDER "VIRTUTI MILITARI" FOR THE SOVIET-POLISH WAR.

УДК 94

Андрей Юрьевич Каркотко, магистр политических наук, научный сотрудник Государственного учреждения Вилейский краеведческий музей (Вилейка, Белоруссия).

Andrey Karkotko, master of poli cal science, staff cienti t of Historical Museum of Vileika (Vileika, Belarus).



Леон Михайлович Куксинович, магистр педагогики и культуроведения (Вилейка, Белоруссия).

Leon Kuksinovich, Master of Pedagogy and Cultural Studies (Vileika, Belarus).

РЕЗЮМЕ: Статья посвящена нелегкому жизненному пути Карла (Кароля) Томковича, кавалера ордена «Virtuti Militari» 5-го класса за Советско-польскую войну. Он прошел две войны, был ранен, а в итоге стал жертвой Политических репрессий в СССР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, Советско-польская война, Польская армия, Военный орден «Virtuti Militari», Политические репрессии в СССР.

SUMMARY: The article is devoted to the diffi lt life path of Karl (Karol) Tomkovich, the cavalier of the Order «Virtuti Militari» of the 5th class for the Soviet-Polish war. He went through two wars, was wounded and eventually became a victim of poli cal repression in the USSR.

KEYWORDS: World War I, Soviet-Polish war, The Polish Army, Order Virtuti Mili ari, Politi al repression in the USSR.

Орден «Virtuti Militari» — польский военный орден, вручаемый за выдающиеся боевые заслуги. Его латинское название можно перевести как «Воинская доблесть». Это одна из самых старых и почетных военных наград Польского государства. Орден вручается только во время войны или в пятилетний срок после её окончания президентом республики по представлению капитула ордена. Среди кавалеров этого ордена много славных имен, были среди них и уроженцы Вилейской земли, об одном из них и пойдет рассказ в этой статье.

Кароль Томкович (на польском языке Karol Tomkowicz), родился 4 ноября 1888 года на хуторе Горбачево Княгининской волости Вилейского уезда Виленской губернии. В русских документах он проходит под именем Карла Иосифовича Томковича.

Кароль был первым ребенком в семье Юзефа (Иосифа) Томковича (1866-1940) и Франтишки Томкович (1863-1908) урожденной Шупенько. Позже отец женился повторно на вдове Дзядзело которая к этому времени уже имела 4 детей. Всего у Юзефа Томковича было 9 детей: 6 сыновей (Болеслав, Станислав, Антоний, Юлиан, Никодим и Казимир) и 3 дочери (Мальвина, Анна Хелена).

Отец Кароля был хорошим хозяином имел большой участок собственной земли. Он прекрасно понимал, чтобы обеспечить своим детям будущее, должен озаботиться о хорошем образовании для них. Поэтому Юзеф Томкович выбрал для старшего сына кадетский корпус Москве.

Карл, как его записали в списках, учился во втором Московском Императора Николая I кадетском корпусе, который он закончил в 1910 году. Хорошие оценки в аттестате об окончания корпуса и желание получения дальнейшего образования привели Карла на медицинский факультет Московского университета, где он в качестве вольнослушателя прослушал курс лекций. После удачной сдачи экзаменов на

(*). Текст доклада на международной научно-практической конференции «Февраль 1917 года в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви». https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/1917fr/1646-1917frri.html

Фармакологическом отделе он получил степень помощника провизора. Учась в Москве Кароль принимал активное участие в деятельности польских национальных организаций.

Получив образование он переезжает в Гродно и работает в частной аптеке в качестве помощника провизора. Его привлекал город Гродно своей польской культурой. С июня 1914 года он работал в аптеке Эдварда Степневского, будущего мэра Гродно. Карьеру аптекаря прервала Первая мировая война.

Карл Томкович получил повестку на призыв в Русскую Императорскую армию и 19 июля 1914 года был зачислен в 365-ю пешую Гродненскую дружину государственного ополчения. Вскоре он был замечен как интеллигентный и грамотный солдат и ему 12 марта 1915 года было присвоено звание младшего унтер-офицера. Очередное звание старшего унтер-офицера ему было присвоено уже 23 мая 1915 года. 1 февраля 1916 года Карл Томкович откомандирован в 94-ю бригаду государственного ополчения.

13 февраля 1916 года Карл Томкович был направлен в Псковскую школу прапорщиков. 28 февраля 1916 года зачислен юнкером воинской школы в Пскове, которую окончил по 1 разряду. Главнокомандующим армиями Западного фронта 1 июля 1916 года произведен в прапорщики армейской пехоты, производство утверждено Высочайшим приказом от 30 октября 1916 года. [2] Откомандирован в распоряжение дежурного генерала 10 армии.

Молодой офицер сначала направляется служить в 374-й пешую Минскую дружину. С 1 по 27 июля 1916 года младший офицер в 1-й роте. С 27 июля по 17 декабря 1916 года командует 3-й ротой 374-й пешей Минской дружины. С 17 декабря 1916 года по 23 мая 1917 года адъютант 374-й пешей Минской дружины. С 23 мая по 22 ноября 1917 года младший офицер роты в 374-й пешей Минской дружине. 2 августа 1917 года назначен присяжным судьей 1-го Сибирского корпуса. 24 августа 1917 года присвоено звание подпоручика. 22 ноября 1917 года назначен младшим офицером 4 -й роты 374-й пешей Минской дружины.

Во время службы в царской армии он вступил в Польский войсковой союз. Активно принимал участи в рекрутских наборах новых бойцов в создающиеся в поль-

2. Капитан Кароль Томкович. Фото до 1925 года.

1. Подпаручик Кароль Томкович. Фото времен Советско-польской войны.

3. Офицеры 24-го пехотного полка. Кароль Томкович сидит в первом ряду третьим слева.

4. Капитан запаса Кароль Томкович. Фото после 1929 года.

ские формирования в составе Русской армии.

3 декабря 1917 года Карл Томкович становиться офицером 1-го Польского Корпуса в России, которым руководил генерал Юзеф Довбор-Мусницкий. 4 декабря 1917 года принят в 1-й Польский корпус и направлен 3-й роту. 18 февраля 1918 года назначен в командиром пулемётной команды 2-го Рыцарского легиона. 24 июня 1918 года в чине подпоручика был командиром 3-й роты 2-го Рыцарского легиона 1-го Польского корпуса. В составе 1-го Польского Корпуса принимал участия в сражениях с большевиками, в том числе за крепость Бобруйск, под Ясенем, Татаркой и Осиповичами. Во время этих сражений был два раза ранен. После возрождения Польского государства и демобилизации 1-го Польского корпуса, 29 мая 1918 года Кароль возвратился на свою малую родину на хутор Горбачево на Вилейщине.

Но пробыл дома он не долго, на следующий год отправился в Варшаву, где 2 июля 1919 года вступил добровольцем в формирующуюся Войско Польское, чтобы защищать страну в том числе и от большевицкой России мечтающей о мировой революции. 13 сентября 1919 года Кароль Томкович направлен из запасного батальона в 10-ю роту 3-го батальона 24-го пехотного полка. Здесь он в чине подпоручика занял должность младшего офицера роты.

В полковой истории 24-го пехотного полка, есть описание подвигов совершенных солдатами под руководством Томковича. Первый его подвиг на берегах реки Березина описывается так:

«Днем 1 февраля 1920 года патруль под руководством подпоручика Томковича после упорного столкновения в деревне Зортайка уничтожает 16 большевицких солдат и берет в плен командира, трех красноармейцев, несколько карабинов и телефонный аппарат». [3 с. 23]

Второй подвиг Томкович совершил в мае месяце:

«В связи с неясным положением на левом фланге командование полка отдало приказ на отступление подразделений с восточного на западный берег реки, с одновременным прикрытием переправы, загибая одновременно крыло фронтом на север. 9 и 10 рота были переброшены за Березину для разведки неприятельских сил. 9-я рота под напором неприятеля занимающего в это время берег Березины отступила на западный берег реки, в это же время 10-я рота в тылу российских была окружена превосходящими силами неприятеля. Командир роты поручик Томкович, используя местность, два дня сражается в тылу неприятеля, наконец 19 мая с большими потерями удается пробиться к полку на правый берег Березины.» [3 с. 25]

Эти его боевые заслуги в 1922 году были отмечены двумя Крестами Храбрых.

Третий подвиг совершенный на территории современной Польши в его послужном листе записан коротко: *«под Яблонной - Костельной около Ломжы за проведение атаки и спасение полевой артиллерии Войска Польского»,* за этот подвиг он 28 февраля 1921 года был награжден орденом «Virtuti Militari» 5-го класса.

Нужно заметить, что 24-й пехотный полк воевал хорошо о чем свидетельствуют высокие награды полученные офицерами и солдатами полка. Так орденом «Virtu Militari» 5-го класса наградили 25 человек, а Крест Храбрых получили около 200 военнослужащих полка.

Военную службу в Польской армии проходил в 10-й роте 24-го пехотного полка. Интерес представляет характеристика которая была дана Каролю Томковичу его непосредственными командирами.

Характеристика командира батальона.

«Томкович Кароль является хорошим командиром роты, хорошо поддерживает дисциплину, очень заботлив о своих подчиненных, но требователен по службе».

5.Кароль Томкович в кругу семьи.

Характеристика командира полка

«Не могу полностью согласиться с командиром батальона. Очень хороший боевой офицер, однако очень мало знающий, что происходит вне службы и слишком доверяющий своим подчиненным особенно старшим.

Это является результатом не его злого умысла, а сложного и противоречи-

вого характера этого офицера.

Был подвергнут наказанию: Строгий выговор за недавнее употребление большого количества алкоголя в Минске–Литовском к тому же в компании унтер-офицеров. Наказание наложено командиром 2-ой пехотой дивизии Легионеров 17.02.1920 года.

4 марта 1920 года командир полка подполковник Янушевский.»

3 марта 1927 году Кароль выходит в запас в звании капитана.

Каролю в начале удалось получить пособие по безработице, так как по профессии фармацевта не было вакансий. Потом он стал получать пенсию в размере 127 злотых, что вполне хватало на скромную жизнь и помощь младшему брату Казимиру, который решил стать священником и поступил в духовную семинарию.

Семью от так и не завел. Как доброволец он получил землю, где то около 17 гектаров. Земля была низкого качества и он передал ее отцу. Начало Второй мировой войны застало 51 летнего капитана дома.

Немцы не дошли до Вилейки, на зато на основе пакта Молотова-Риббентропа 17 сентября 1939 года в город вошла Рабоче-крестьянская Красная Армия и на Вилейщине установилась Советская власть. Начались аресты участников войны за независимость Польши и представителей польской администрации.

Кароль знал, что его будут считать врагом новой власти, и он решил укрыться от сотрудников НКВД у младшего брата. Брат Казимир был в это время ксендзом, настоятелем прихода в местности Опса на Браславщизне.

Кто-то донес новым властям на «работника» при костеле, которого ксёндз садил вместе с собой за обеденный стол. 19 мая 1940 года Кароль Томкович был схвачен и посажен в тюрьму в Вилейке. Как вспоминала мать нашего героя и его сестра Хелена, там его жестоко пытали сотрудники НКВД, пытаясь выбить нужные им показания. Интересно то, что в документах НКВД он проходит под двойным именем Карл-Король Иосифович Томкович. В это время в тюрьме оказалась практически вся большая семья Томковичей. Большинству из них удалось остаться в живых и впоследствии они оказались в эмиграции.

6. Надгробие на символичной могиле на кладбище в деревне Костеневичи.

Что касается Кароля Томковича, то его как военного осадника, обвинили в антисоветской деятельности и 24 декабря 1940 года осудили по статье 74 и 145 Уголовного Кодекса БССР к 8 годам исправительно-трудовых лагерей с местом отбывания в КАРЛАГе, от куда он уже не вернулся.

Родственникам Кароля Томковича удалось получить ответ из Исполнительного Комитета Красного Креста и Полумесяца СССР в нем приводятся сведения, что он умер 19 августа 1941 года в лагере и был похоронен на кладбище Серептского отдела Карагандинского лагеря в общей могиле под номером А-20.

26 декабря 1989 года прокуратура Минской области посмертно его реабилитировала. На 60 летие со дня смерти Кароля, его родственники на семейном кладбище

в Костеневичах установили символическое надгробие.

За службу Кароль Томкович был награжден многими наградами, среди них:

- Орден «Virtuti Militari» 5-го класса №2229 (приказ по персональным делам № 12/21 от 28 февраля 1921 года);

- Крест Независимости с мечами (после 1931);

- Крест Храбрых с планкой повторного награждения (1922);

- Памятная медаль «Участнику войны 1918 – 1921» (1929);

- Медаль «10-летие обретения независимости» (1929);

- Французской версией Межсоюзнической медали Победы (1925);

- Лента за раны и травмы с отметкой о 2-х ранениях;

- Наградной знак Литовско-Белорусский фронт;

- Наградной знак 1-й польский корпус.

Что касается близких родственников, братьев и сестер, Кароля то их судьба сложилась по разному.

Брат Болеслав Томкович (1890-?). В годы Первой мировой войны служил в русской армии, умер от болезни, предположительно от воспаления легких,

Мальвина Томкович (1892-?) выехала перед Первой мировой войной в Канаду, там умерла и похоронена.

Хенрик Томкович (1895 –?). Погиб в годы Второй мировой войны, в немецком лагере.

Анна Томкович в замужестве Иваньская (1899-1942). Была убита бандитами (партизанами). Ее дети проживали после войны в Польше.

Хелена Томкович (1902-1989). Всю жизнь прожила на Вилейщине, помогала, воспитывала детей репрессированных родственников.

Юлиан Томкович (1905-195?). После сентября 1939 года был арестован, осужден и выслан в лагерь, а его семья депортирована в Сибирь. Он сражался в армии Андерса, принимал участие в битве при Монте-Кассино. После войны поселился в Канаде, где и умер в 50 годах XX века.

Брат Казимир Томкович (1910-1984) был от второго брака. В 1922-1932 учился в Вилейской гимназии. В 1932 году поступил в Высшую Духовную Семинарию в Вильно. Настоятель прихода Опса, Браславского деканата. В конце 1949 года арестован НКВД и приговорен к 25 годам заключения. В 1953 году освобожден по амнистии, позже был ксендзом в Волколатах. 47 лет отдал служению богу. Умер и похоронен в Кривичах.

Никодим Томкович (1913-?). От второго брака, умер в детстве от скарлатины.

Антоний Томкович (1917-?) от второго брака. В сентябре 1939 года был арестован, осужден и выслан в лагерь, а его семья в 1940 году депортирована в Сибирь. Юлиан Томкович сражался в армии Андерса. Принимал участие в битве при Монте-Кассино. После войны поселился в Канаде, работал в шахте по добыче золота. Умер и похоронен в Канаде.

Список использованных источников.

Фотографии и документы из семейного архива Круплевичей и Томковичей, представил Тадеуш Круплевич.

Высочайший приказ о чинах военных 30 октября 1916 г.

Porucznik Józef Pałac. Zarys historii wojennej pułków Polskich 1918-1920. 24 pułk piechoty. Warszawa, 1930.

Rocznik ofic rski 1923. Warszawa, 1923.

Rocznik ofic rski 1924. Warszawa, 1924.

http://ri 1914.info/index.php?title Томкович_Карл_Иосифович

htt s://ru.openlist.wiki/Томкович_Карл-Король_Иосифович_(1888)

http://z adniemna.pl/10409/dziadek-w-polskim-mundurze-karol-tomkowicz/

KANONIZACJA NOWOMĘCZENNIKÓW OKRESU NIEWOLI TURECKIEJ W CERKWI PRAWOSŁAWNEJ

ПРОСЛАВЛЕНИЕ НОВОМУЧЕНИКОВ ОСМАНСКОГО ПЕРИОДА В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

CANONIZATION OF THE NEW-MARTYRS OF THE OTTOMAN PERIOD IN THE ORTHODOX CHURCH

УДК – 272.5

Jarosław Charkiewicz, Doktor teologii, z wykształcenie prawnik i rusycysta.Sekretarz Wydawnictwa Polskiej Cerkwi Prawosławnej. Autor około 30 książek poświęconych prawosławnej hagiografii, hagiologii, ikonografii współczesnej historii Prawosławia w Polsce (Białystok, Polska).

Ярослав Харкевич, кандидат богословия, юрист и русист. Остетственный секретарь Издательства Польской Православной Церкви. Автор около 30 книг по православной агиографии, агиологии, иконописанию, современной история православия в Польше (Белосток, Польша).

Jarosław Charkiewicz, Doctor of theology, graduated law faculty and Russian language and literature faculty. Secretary of the Publishing Department of the Polish Orthodox Church. Author of ca. 30 books devoted to Orthodox hagiography, hagiology, iconography, contemporary history of Orthodoxy in Poland (Bialystok, Poland).

STRESZCZENIE: Artykuł poświęcony jest kwestii kanonizacji tzw. nowomęczenników bałkańskich w Cerkwi prawosławnej, która nie była dotychczas w języku polskim przedmiotem badań. Dotyczy on zatem świętych, którzy ponieśli śmierć za Chrystusa po zdobyciu Konstantynopola przez Turków w 1453 roku. Zasadnicze rozważania na ten temat poprzedza krótki wstęp dotyczący roli męczenników w Cerkwi. Artykuł odnosi się również do kwestii nazewnictwa, tj. zdefiniowania terminu „nowomęczennik" oraz jego pojawiania się w chrześcijaństwie.

Z imienia znanych jest blisko 300 nowomęczenników okresu niewoli tureckiej na Bałkanach, wśród których są osoby różnych grup społecznych: hierarchowie, władcy, mnisi, żonaci kapłani i osoby świeckie. Jest to zapewne jedynie nieduża część osób, które poniosły w tym okresie śmierć w obronie Prawosławia. Badacze dzielą ich na cztery grupy, które też autor omawia. Ich kult przez długie wieki miał ograniczony charakter ze względu na obawy przed konsekwencjami ze strony władz tureckich. Tylko część spośród nich została kanonizowana po 1821 r., gdy w wyniku powstania niepodległościowego Grecja odzyskała niepodległość.

SŁOWA KLUCZOWE: kanonizacja, święci, Cerkiew prawosławna, męczennicy, nowomęczennicy, Cesarstwo Osmańskie

РЕЗЮМЕ: Статья посвящена вопросу причисления к лику святых так называемых новомучеников Балкан в Православной Церкви. Это вопрос, который еще не изучался на польском языке. Это касается святых, которые мученически умерли за Христа после завоевания Константинополя турками в 1453 году. Представлению этого вопроса предшествует введение о роли мучеников в Церкви. Статья также касается вопроса определения термина «новомученик» и его появления в христианстве.

По имени известно около 300 новомучеников периода оттоманского рабства. В эту группу входят люди разных социальных групп: иерархия, правители, монахи, женатые священники и миряне. Вероятно, это лишь малая часть людей, которые в этот период мученически пострадали за Христа, защияая Православие. Исследователи разделили их на четыре группы, которые, автор представляет. Их почитание на протяжении веков было ограничено из-за страха перед последствиями со стороны турецких властей. Только часть из них была причислена к лику святых после 1821 г., когда в результате восстания была провозглашена независимость Греции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прославление, святые, Православная церковь, мученики, новомученики, Османская империя

SUMMARY: Article is devoted to the issue of the canonization of the so-called new-martyrs of the Balkans in the Orthodox Church, the issue that has not been in the Polish language studied yet. It concerns the saints who died for Christ after the conquest of Constantinople by the Turks in 1453. The considerations on the subject is preceded by a short introduction on the role of the martyrs in the Church. Article also refers to the issue of nomenclature, i.e. the definition of the term "new-martyr", and its appearance in Christianity.

Nearly 300 of the new-martyrs of the period of Ottoman slavery are known by the name. This group includes people of different social groups: the hierarchy, the rulers, the monks, married priests and lay people. It is probably only a small part of people who have suffered the death during this period in defense of Orthodoxy. The researchers divided them into four groups, which, the author presents. Their cult for centuries was limited because of the fear of consequences from the Turkish authorities. Only part of them was canonized after 1821, when as a result of uprising the independence of the Greece was proclaimed.

KEYWORDS: canonization, saints, Orthodox Church, martyrs, new-martyrs, Ottoman Empire

Kwestia kanonizacji nowomęczenników w Cerkwi prawosławnej nie była dotychczas w języku polskim przedmiotem szerszych opracowań[1]. Do tej pory znajdowała się ona w sferze zainteresowań przede wszystkim zagranicznych historyków, a w mniejszym stopniu również teologów, przy czym głównie greckich, rosyjskich, serbskich i bułgarskich. O ile polski czytelnik, szczególnie prawosławny, może posiadać pewną wiedzę na temat nowomęczenników, którzy ponieśli śmierć za Chrystusa w Związku Radzieckim w okresie władzy komunistycznej[2], to z pewnością znacznie mniejsza jest jego wiedza o innych

1. Kwestię tę wzmiankowałem ogólnie w jednym ze swych opracowań: J. Charkiewicz, Kanonizacja świętych w prawosławiu, Warszawa 2014.

2. Patrz m.in.: Деяние о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века, [в:] Собрание документов Русской Православной Церкви, т. 2, ч. 1. Деятельность Русской Православной Церкви, Москва 2014, с. 47. Por. K. Leśniewski, Kanonizacja świętych w tradycji Rosyjskiego Kościoła Prawosławnego, „Roczniki Teologiczne. Teologia Ekumeniczna", t. LV, z. 7, Lublin 2008, s. 96-97.

nowomęczennikach Cerkwi prawosławnej, choćby 222 nowomęczennikach chińskich, którzy ponieśli śmierć za wiarę w 1900 r. w okresie powstania bokserów[3] czy nowomęczennikach serbskich okresu II wojny światowej, zaliczonych do grona świętych przez Serbską Cerkiew Prawosławną w latach 1998-2005[4]. Na marginesie zauważyć należy, że nowomęczennikami można również nazwać św. męczenników Ziemi Chełmskiej i Podlaskiej, kanonizowanych przez Cerkiew prawosławną w Polsce w 2003 r. czy św. Maksyma Sandowicza, zaliczonego do grona świętych w 1992 r.). Jak się wydaje, najmniej znani polskiemu czytelnikowi są nowomęczennicy, którzy ponieśli śmierć za wiarę w okresie niewoli tureckiej na Bałkanach.

Rozważania na temat kanonizacji nowomęczenników bałkańskich (tak ich umownie można nazwać) poprzedzić należy przybliżeniem idei męczeństwa w Cerkwi, jak również zdefini wania terminu „nowomęczennik" oraz jego pojawiania się w chrześcijaństwie.

W niezliczonym gronie zastępów świętych, którym Cerkiew prawosławna oddaje cześć, których prosi o wstawiennictwo przed Bogiem i których stawia wiernym za wzory do naśladowania, znajdują się m.in. męczennicy (gr. *Μάρτυρες,* cs. *мученики*). To jedna z najstarszych kategorii świętości, a jednocześnie cieszących się największą czcią. W świadomości chrześcijan pierwszych wieków upowszechniła się nawet opinia, że dusze męczenników są jedynymi, które już teraz, przed nastaniem końca świata i Sądem Ostatecznym, znajdują się w niebie. Powszechnie wierzono, że męczeństwo gładzi wszystkie grzechy popełnione po chrzcie, a zatem, stanowi jakby drugą (po chrzcie) pokutę, że przez swoją śmierć męczennicy uczestniczą w tajemnicy Śmierci i Zmartwychwstania Jezusa Chrystusa, a tym samym otrzymują odpuszczenie grzechów[5]. Św. Cyprian z Kartaginy prawdę tę zawarł obrazowo w kilku słowach: „W chrzcie wody otrzymuje się odpuszczenie grzechów, w chrzcie krwi – koronę cnót"[6]. „Według najstarszej tradycji – pisze Paul Evdokimov – męczennik bezpośrednio wchodzi do Królestwa"[7].

Od pierwszych wieków chrześcijaństwa męczeństwo postrzegane było w świetle życia Chrystusa. Traktowano je jako ofia ę najwyższą, która w sposób najczystszy urzeczywistniała miłość do Boga i bliźniego. Augustyn z Hippony w jednej ze swych mów mówił, że męczennicy „Nie bali się ani umierać, ani cierpieć. Zwyciężył w nich Ten, kto w nich żył; [...] żyli nie dla siebie, lecz dla Niego"[8], zaś w kazaniu na cześć męczenników Gerwazego i Protazego akcentował, że „Lepiej wspomagali Chrystusa martwi niż żywi. Dzisiaj wspomagają: dzisiaj głoszą: milczy język, brzmią czyny"[9]. Męczeństwo stawało się dopełnieniem chrześcijańskiego życia, najbardziej doskonałym naśladownictwem

3. Patrz m.in.: Прот. Димитрий Поздняев, Церковь на крови мучеников, http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb3/Martyrs2.htm [dostęp 3.01.2014], a w języku polskim: J. Charkiewicz, Prawosławie w Chinach, „Arche. Wiadomości Bractwa", 1999, nr 3, s. 30-33.

4. Ich łączna liczba jest bliska 50. Patrz m.in.: J. Charkiewicz, Nowi męczennicy serbscy, „Cerkiewny Wiestnik", 2001, nr 3, s. 38-44.

5. Męczennicy, oprac., wstęp i wybór tekstów E. Wipszycka i ks. M. Starowieyski, OŻ, t. 9, Kraków 1991, s. 126.

6. Św. Cyprian z Kartaginy, Do Fortunata wstęp, cyt. za: Św. Cyprian, Pisma, t. 1, Traktaty, przekł. i komentarz J. Czuj, Poznań 1937, s. 277.

7. P. Evdokimov, Prawosławie, przekł. ks. J. Klinger, Warszawa 1986, s. 27. Por. interesujące rozważania Nicholasa Contasa o poglądach Orygenesa na temat dusz świętych, które „idą do razu do raju", jak też poglądach o tym późniejszych badaczy: N. Constas, „To Sleep, Perchance to Dream": The Middle State of Souls in Patristic and Byzantine Literature, „Dumbarton Oaks Papers", 2001, nr 55, ed. A.-M. Talbot, s. 96-104.

8. Św. Augustyn, Mowa 280,4, [w:] Św. Augustyn, Wybór mów (kazania świąteczne i okolicznościowe), tł. J. Jaworski, wstęp i oprac. E. Stranula, Warszawa 1973, s. 185.

9. Augustyn z Hippony, Kazanie 286,3, przekł. R. Wiśniewski; cyt. za: Początki kultu relikwii na Zachodzie, dz.cyt., s. 121.

Chrystusa i wypełnieniem Jego przykazań. Realizowane w praktyce mogło być przy tym w pełnej jedności z Cerkwią. „Nie może być męczennikiem, kto nie jest w Kościele”[10] – pisał św. Cyprian z Kartaginy.

To właśnie męczennikom św. Ojcowie poświęcili większość swoich homilii. „Ile mowa czynom, tyle nasze słowa ustępują nauce, którą dają ci Święci”[11] – nauczał św. Jan Chryzostom, nazywając męczenników „duchowymi lekarzami”[12] i „Chrystusowymi bohaterami”[13], którzy „myśleli o dobrach z wysoka i – gardząc ziemskimi – szukali niebieskich”[14], „porzuciwszy wszystkie rzeczy ziemskie, spoglądali oczyma wiary na Króla niebieskiego i na stojące przed Nimi zastępy aniołów”[15]. Tenże święty porównywał śmierć męczenników do chrztu, w którym umiera się dla świata[16], a św. Cyprian z Kartaginy nazywał męczenników „prawdziwymi świadkami Ewangelii i prawdziwymi męczennikami Chrystusa”[17]. Używał też wobec nich wielu innych górnolotnych określeń[18]. Stawiał ich, jak i inni św. Ojcowie, za wzór do naśladowania dla chrześcijan: „Na was powinny wzorować się obyczaje, życie i czyny wszystkich”[19] – pisał. Święci Ojcowie podkreślali równocześnie dwa ważne aspekty teologiczne męczeństwa. Po pierwsze, że dla chrześcijan męczennicy nadal żyją. „Męczennicy, którzy tak zasłużyli się dla naszej Cerkwi i stali się jego upiększeniem, są żywi przed Bogiem” – nauczał św. Grzegorz z Nyssy[20]. Po drugie, że wychwalając męczenników, chwałę oddajemy samemu Chrystusowi: „Czcząc męczenników, którzy wycierpieli za Chrystusa, oddajemy chwałę Chrystusowi, Który wycierpiał za wszystkich”[21] – nauczał św. Jan Chryzostom.

W pierwszych wiekach chrześcijaństwa męczeństwo w największym stopniu sprzyjało rozwojowi Cerkwi i było swojego rodzaju kontynuacją służby apostolskiej. Męczeństwo za Chrystusa i wiarę nie jest jednak fenomenem, który przeszedł do historii. Świadczą o tym choćby obecne prześladowania chrześcijan, w tym prawosławnych, w różnych częściach świata, aby wspomnieć choćby o Bliskim Wschodzie. Ta kategoria świętych pozostaje więc niezmiennie żywa i zapewne każdego dnia ubogaca się imionami kolejnych męczenników.

Jeśli dokonamy podziału wszystkich świętych na pewne typy czy kategorie[22], to jedną z najważniejszych spośród nich w pewnością będą męczennicy. Męczenników, z kolei, podzielić można na cztery grupy: męczenników świeckich (gr. *Μάρτυρες,* cs. *мученики*), męczenników będących hierarchami lub kapłanami /bez diakonów/ (gr. *Ἱερομάρτυρες,* cs.

10. Św. Cyprian z Kartaginy, O jedności Kościoła katolickiego 14, [w:] Św. Cyprian. Pisma, t. 1: Traktaty, tł. i komentarz J. Czuj, Poznań 1937, s. 183.
11. Św. Jan Chryzostom, Katecheza 7,2; cyt. za: Św. Jan Chryzostom, Katechezy chrzcielne, (Homilie katechetyczne do tych, którzy mają być oświeceni, oraz do neofitów), przeł. ks. W. Kania, wstęp i oprac. ks. M. Starowieyski, Lublin 1993, s. 97.
12. Św. Jan Chryzostom, Katecheza 7,5; cyt. za: tamże, s. 98.
13. Św. Jan Chryzostom, Katecheza 7,8; cyt. za: tamże, s. 99.
14. Św. Jan Chryzostom, Katecheza 7,17; cyt. za: tamże, s. 102.
15. Św. Jan Chryzostom, Katecheza 7,18; cyt. za: tamże, s. 102.
16. Św. Jan Chryzostom, Katecheza 7,20-23; cyt. za: tamże, s. 102.
17. Św. Cyprian z Kartaginy, List 37,4, [w:] Św. Cyprian, Listy, dz.cyt., s. 110.
18. M. Wysocki, ks., Model doskonałego chrześcijanina w pismach św. Cypriana z Kartaginy, „Vox Patrum” 30 (2010), t. 55, s. 710.
19. Św. Cyprian z Kartaginy, List 13,3, [w:] Św. Cyprian, Listy, dz.cyt., s. 59.
20. Św. Grzegorz z Nyssy, Mowa pochwalna świętym 40 męczennikom, 3, cyt. za: Свт. Григорий Нисский, Творения, т. 8, Москва 1871, с. 253.
21. Św. Jan Chryzostom, Homilia w dniu pamięci męczenników, cyt. za: Свт. Иоанн Златоуст, Творения, т. 3, Санкт-Петербург 1897, с. 896.
22. J. Charkiewicz, Typologia świętych w Kościele prawosławnym: próba systematyki, „Elpis”, 2009, XI (XXII), 19-20 (32-33), s. 323-380.

священномученики), mnichów-męczenników / mniszki-męczennice (gr. *Ὁσιομάρτυρες*, cs. *преподобномученики*)[23] oraz cierpiętników (gr. *Ἀθλοφόροι*, cs. *страстотерпцы*). Niektórym spośród męczenników Cerkiew prawosławna nadaje ponadto szczególne tytuły, jak: pierwszomęczennik, wielkomęczennik czy nowomęczennik.

Termin „nowomęczennik" (gr. *Νεομάρτυς*, cs. *новомученик*) jest określeniem używanym w Prawosławiu wobec męczenników, którzy ponieśli śmierć z rąk wyznawców innych religii lub ateistów w czasach stosunkowo nieodległych. Pojawił się on na Bałkanach w XV w. w odniesieniu do męczenników, którzy ponieśli śmierć za wiarę po upadku Konstantynopola (1453), jednak w późniejszym czasie uległ rozszerzeniu. Kilka lat temu Patriarchat Konstantynopolitański zaliczył do grona świętych mnicha-męczennika Efrema Nowego (+1427), zamęczonego przez Turków jeszcze przed upadkiem Konstantynopola, który również tytułowany jest nowomęczennikiem. O przesunięciu nazewnictwa jeszcze dalej w przeszłość (ale i przyszłość) mogą też świadczyć choćby tytuły dwóch książek prezentujących żywoty nowomęczenników bałkańskich – „Synaksarionu Nowomęczenników. 1400-1900 po Chr.", który został opublikowany w Tesalonikach w 1989 roku[24], oraz wydanego w 2000 r. obszernego opracowania Nomikosa Vaporisa pt. „Witness for Christ. Orthodox Christian eomartyrs of the Otoman Period 1437-1860"[25].

Jak się wydaje, pierwszymi męczennikami prawosławnymi tytułowanymi „nowomęczennikami" byli dwaj bułgarscy święci: Jerzy Nowy (tzw. Kratowski) (+1515) i Mikołaj Nowy (tzw. Sofi ski) (+1555), którzy ponieśli śmierć z rąk Turków za swoje przekonania religijne[26]. Termin „nowomęczennik" pojawił się w ich żywotach powstałych już w pierwszej połowie i w połowie XVI wieku[27]. Wcześniej, przed Cerkwią prawosławną, termin ten był jednak stosowany przez Cerkwie orientalne – koptyjską i ormiańską – wobec swoich świętych. Używano go w „Koptyjskim Synaksarionie" (XIII-XIV w.) m.in. wobec św. Jana Fanidżoita, zamęczonego przez wyznawców islamu w 1210 r.[28], oraz od XIII w. w ormiańskich żywotach świętych, szczególnie tych, którzy ponieśli męczeńską śmierć za wiarę w XIV-XV w., gdy męczeństwo Ormian nabrało masowego charakteru[29].

Termin „nowomęczennik" w prawosławiu początkowo dotyczył męczenników, którzy ponieśli śmierć za wiarę w okresie niewoli tureckiej do greckiego powstania wyzwoleńczego 1821 roku. Z czasem – jak już powiedziałem – uległ on jednak rozszerzeniu o niedużą grupę męczenników sprzed 1453 roku. Okazało się jednak, że przypadki męczeństwa za Chrystusa w Cerkwi prawosławnej zaczęły mieć miejsce również po

23. G. Skowrońska-Płaczynta proponuje zamienny szyk obu wyrazów, tj. „męczennik-mnich", który również jest zrozumiały, jakkolwiek narusza chronologię, tj. „mnich-męczennik" najpierw został mnichem, a dopiero później poniósł męczeńską śmierć (podobnie jest z hierarchą-męczennikiem oraz kapłanem-męczennikiem); patrz: G. Skowrońska-Płaczynta, O kategoriach świętych…, dz.cyt., s. 182.
24. Μακαρίου Κορινθίου, Νικοδήμου Αγιορείτου, Νικηφόρου Χίου και Διδασκάλου Αθανασίου Παρίου, Συναξαριστής Νεομαρτύρων, 1400-1900 μ.Χ., Θεσσαλονίκη 1989.
25. N.M. Vaporis, Witness for Christ. Orthodox Christian Neomartyrs of the Otoman Period 1437-1860, Crestwood 2000.
26. A. Kawecka, Święci, świętość, błogosławieni w starych słowiańskich księgach liturgicznych i hagiograficznych, [w:] Święci i świętość u korzeni tworzenia się kultury narodów słowiańskich, red. W. Stępniak-Minczewa, Z.J. Kijas OFM Conv, Kraków 2000, s. 65.
27. К. Иванова, (энциклопедическая статья) Житейная литература, [в:] Православная энциклопедия, т. 19, Москва 2008, с. 301.
28. А.В. Муравьёв, (энциклопедическая статья) Житейная литература, [в:] Православная энциклопедия, т. 19, Москва 2008, с. 292.
29. К. Тер-Давтян, (энциклопедическая статья) Житейная литература, [в:] Православная энциклопедия, т. 19, Москва 2008, с. 293.

1821 r., a z biegiem lat nastąpiły kolejne fale męczeństwa za wiarę, by przywołać choćby czasy II wojny światowej na Bałkanach czy okres władzy komunistycznej w Związku Radzieckim. Dlatego też nie jest nadużyciem używanie tytułu „nowomęczennik" również wobec wszystkich męczenników, którzy oddali swoje życie za Chrystusa stosunkowo niedawno, aż po czasy współczesne[30].

Wraz z upadkiem Konstantynopola sytuacja chrześcijan na terenach zajmowanych przez Turków stawała się coraz bardziej złożona. Nakładano na nich wciąż nowe ograniczenia i obciążenia. Aby uzmysłowić sobie, jak wyglądało życie chrześcijan pod niewolą turecką, zacytujmy fragment notatek archimandryty Tryfona. Pisze on: „Chrześcijanie nie mogli w sposób jawny wyznawać swojej wiary, nie mogli organizować procesji, uderzać w dzwony, gromadzić się w miejscach swojego zamieszkiwania na modlitwę, budować kaplic czy cerkwi, nosić broni czy takiego samego ubrania jak muzułmanie. Przemieszczać się mogli jedynie na ośle, przy czym przejeżdżając obok muzułmanina mieli obowiązek zejść na ziemię. Domy chrześcijan były specjalnie znakowane, aby uniknąć sytuacji, by jakiś ubogi muzułmanin przez przypadek nie prosił w nim o datek..."[31]. Co jeszcze gorsze, chrześcijan zmuszano do przechodzenia na islam, przy czym często czyniono to również w stosunku do najmłodszych. Z chrześcijańskich domów Turcy zabierali dzieci w wieku 6-14 lat, aby usługiwały na dworze sułtana w Konstantynopolu lub Adrianopolu, a młodzieńców w wieku 14-20 lat przymusowo wcielano do tureckiego wojska. Według historyków, w tym celu w ciągu dwóch pierwszych wieków niewoli Turcy odebrali chrześcijanom od pół miliona do miliona dzieci[32].

Wraz z nieustannie powiększającym się terytorium Cesarstwa Osmańskiego prześladowania chrześcijan zaczynały dotyczyć coraz szerszych grup ludności, coraz większej liczby narodów, które znalazły się pod panowaniem tureckim. Spośród wszystkich narodów głównym był, oczywiście, grecki, jednak nowomęczennicy byli również wśród innych narodów – przede wszystkim wśród Serbów, Bułgarów i Rumunów, ale również Turków (nawróconych na chrześcijaństwo), Albańczyków[33], Rosjan[34] czy Gruzinów[35], którzy zamieszkiwali tereny tureckie lub znajdujące się pod turecką okupacją czy też znaleźli się na tych terenach z różnych powodów (np. wzięcia do niewoli, prowadzenia handlu itp.).

Z imienia znanych jest blisko 300 nowomęczenników tego okresu[36], wśród których są osoby różnych grup społecznych: hierarchowie, władcy, mnisi, żonaci kapłani i osoby świeckie. O mnogości nowomęczenników okresu niewoli tureckiej może świadczyć obszerny (liczący kilkadziesiąt stron) list arcybiskupa Chersonu Eugeniusza (Bulgarisa/Vulgarisa) (+1806) do jansenisty Pierre Leclerca noszący tytuł „O świętych Cerkwi prawosławnej po rozłamie i dokonujących się z nimi cudach". Wymieniając na kilku

30. Por. Константин Каварнос, Значение новых мучеников в жизни Православной Церкви, „Православная жизнь", № 2 (590), февраль 1999, с. 4.
31. Архимандрит Трифон, О положении христиан в мусульманском государстве согласно шариату, http://www.pravoslavie-i-islam.ru/trifon.htm [dostęp 19.01.2015].
32. Π.Φ.Δ. Μεταλληνος, Τουρκοκρατια, Αθήναι 1989, Σ. 79-81. Patrz też: Будь верен до смерти. Судьбы Православия в Османской империи XV-XX вв., Москва 2005, с. 10, oraz D. Constantelos, The 'Neomartyrs' as Evidence for Methods and Motives Leading to Conversion and Martyrdom in the Ottoman Empire, "Greek Orthodox Theological Review", 1978, No 23, p. 216-234.
33. Np. Chrestos Albańczyk (+1748), http://www.holytrinityorthodox.com/calendar/los/February/12-08.htm [19.01.2015].
34. Patrz głównie: Будь верен до смерти…, dz.cyt., N.M. Vaporis, Witness for Christ…, dz.cyt. W „Nowym Martyrologionie" św. Nikodem Hagioryta poza nowomęczennikami-Grekami, znalazły się również żywoty nowomęczenników Cerkwi serbskiej, bułgarskiej, rumuńskiej, jak też rosyjskiej: męczennik Paweł (+1683) i mnich-męczennik Konstanty (+1743), patrz np. http://www.saints.ru/p/Pave_russkii.html i http://www.saints.ru/k/8_svschmKonstantsiyaRusskogo.html [dostęp 18.01.2015], którzy będąc Rosjanami ponieśli śmierć za wiarę na terenie Cesarstwa Osmańskiego. Najbardziej znanym spośród nowomęczenników rosyjskich z okresu niewoli tureckiej na Bałkanach jest Jan Ruski (+1730).
35. Mowa o męczenniku Antimie Iwerskim, metropolicie Wołoszczyzny, zamordowanym przez Turków w 1716 roku. Jego krótki żywot w języku polskim patrz: J. Charkiewicz, E. Kocój, Rumuńscy święci, Hajnówka 2012, s. 127-132.
36. И.И. Соколов, Константинопольская церковь. Опыт исторического исследования, т. 1, Санкт-Петербург 1904, с. 22.

stronach najbardziej znanych nowomęczenników XV-XVIII w., pisze on: „Oto tylko nieduża liczba niedawno objawionych wśród nas świętych […], a jest jeszcze wielu innych[37]". Nie ulega wątpliwości, że znani z imienia nowomęczennicy okresu niewoli stanowią jedynie wycinek męczeństwa prawosławnych wiernych w Cesarstwie Osmańskim, o czym świadczyć mogą dane podawane przez greckie źródła: „od zdobycia Konstantynopola do ostatniej fazy greckiej wojny o niepodległość, osmańscy Turcy doprowadzili do śmierci 11 patriarchów ekumenicznych, blisko 100 biskupów, kilku tysięcy księży, diakonów i mnichów"[38]. Wykaz ten, jak widać, nie obejmuje osób świeckich, uwzględnienie których w znacznym stopniu podniosłoby dane statystyczne dotyczące rzeczywistej liczby nowomęczenników. Nie należy przy tym zapominać, że wielu prawosławnych ugięło się pod tureckim naciskiem, przyjmując islam[39], a śmierć części nowomęczenników wynikała z „ignorancji znajomości prawa islamskiego, zwyczajów, obyczajów, języka i tradycji", co doprowadzało do stawiania chrześcijan przed tureckim sądem, przed którym mieli tylko jedną alternatywę: albo wyrzec się Chrystusa i przyjąć islam, albo ponieść śmierć[40].

W okresie niewoli tureckiej (trwającym do 1821 r.) osoby, które oddały swe życie za Chrystusa, uznawane były przez Cerkiew za święte już z powodu samego faktu swojej męczeńskiej śmierci, bez względu na ich przynależność społeczną czy też to, czy związane były z ich osobami jakiekolwiek cudowne zdarzenia (w przypadku niemęczenników cuda pozostawały nieodzownym warunkiem kanonizacji). Kult nowomęczenników wśród wiernych zaczął pojawiać się samorzutnie, natomiast oficjalna reakcja Cerkwi w tej kwestii musiała być bardziej złożona. Z reguły wobec nowomęczenników nie była przeprowadzana żadna oficja na kanonizacja (w okresie niewoli tureckiej patriarchowie konstantynopolitańscy dokonywali jedynie nielicznych kanonizacji osób żyjących przed i po 1453 r., których życie nie było związane z prześladowaniami ze strony Turków), a jeśli już nawet do nich dochodziło, to nie tytułowano ich „nowomęczennikami" czy nawet „męczennikami", lecz po prostu „świętymi" (np. Filotea z Aten, +1589), aby tym samym uchronić Cerkiew przed dodatkowymi prześladowaniami ze strony okupanta. Pamięć nowomęczenników Cerkiew grecka pod panowaniem Turków w swych nabożeństwach zaczęła obchodzić – jak pisze metropolita Kallistos Ware – „niezwłocznie", chociaż „dla zmylenia uwagi Turków odbywało to się zwykle bez oficjaln go aktu ogłoszenia świętości"[41]. Na dokonywanie uroczystych kanonizacji nie pozwalała sytuacja polityczna, co nie stało w sprzeczności z tym, że patriarchowie konstantynopolitańscy udzielali błogosławieństwa na oddawanie czci nowomęczennikom, sporządzanie na ich cześć nabożeństw oraz zanoszenie do nich prywatnych modlitw. Zasadniczo, zatem, oddawanie czci zamęczonym za wiarę pozostawiano indywidualnej gorliwości wiernych, czego głównym powodem była obawa Cerkwi przed nowymi prześladowaniami ze strony władz

37. Cyt. za: Константин Каварнос, Значение новых мучеников…, dz.cyt., c. 2.
38. D. Constantelos, Altruistic Suicide or Altruistic Martyrdom? Christian Greek orthodox Neomartyrs: A Case Study, "Archives of Suicide Research", 2004, vol. 8, No 1, p. 60.
39. Analizując tego przyczyny Demetrios Constatelos wyszczególnia i omawia przyczyny natury politycznej, ekonomicznej i społecznej; tamże, s. 61-65.
40. Demetrios Constatelos wymienia 172 przypadki nowomęczenników, którzy nie wyparli się Chrystusa i ponieśli śmierć; tamże s. 65. Por. również: D. Constantelos, The 'Neomartyrs'…, dz.cyt. Turecki punkt widzenia tego problemu prezentuje np. Stanford J. Shaw, History of the Ottoman empire and modern Turkey, vols. 1-2, Cambridge 1976.
41. K. Ware, Kościół prawosławny, przekł. ks. W. Misijuk, Białystok 2002, s. 283.

tureckich.

Wśród nowomęczenników bałkańskich, którzy ponieśli śmierć z rąk Turków, badacze zwykle wyodrębniają cztery grupy[42]:

(1) chrześcijanie, którzy z różnych pobudek wyrzekli się wiary chrześcijańskiej i przyjęli islam, lecz na znak pokuty przyjęli śmierć w imię Chrystusa, np. Michał ze Smyrny (+1772), Jerzy z Chios (+1907);

(2) tzw. „narodowi męczennicy" (cs. *народные мученики*) – chrześcijanie, którzy zginęli w wyniku represji politycznych ze strony władz tureckich, szczególnie w okresie powstania wyzwoleńczego 1821 roku, np. patriarcha konstantynopolitański Grzegorz V (+1821);

(3) muzułmanie, którzy przeszli na chrześcijaństwo i w związku z tym zostali straceni jako zdrajcy, np. Achmed Kalfas (+1682), Jan z Konicy (+1814), Konstantyn Agaranin (+1819);

(4) tzw. „samopowołani męczennicy" (cs. *самопризванные мученики*) chrześcijanie, którzy w porywie gorliwości i pragnieniu wycierpienia za Chrystusa, poddawali krytyce islam, konsekwencją czego było stawianie ich przed sądem i skazywanie na śmierć, o ile nie wyrzekną się swojej wiary, np. Dukas Krawiec (+1564), Mikołaj Sprzedawca (+1672), Michał Ogrodnik (+1770)[43]; do tej grypy należałoby również zaliczyć św. Antoniego Supraskiego[44].

Świętość nowomęczenników ostatniej grupy była niekiedy podważana. Czynił tak np. znany grecki historyk metropolita Gedeon, który nazywał takich męczenników „pozbawionymi rozumu", a ich nauczycieli czy inspiratorów „fanatykami". Jednak zdecydowana większość osób, które oceniały takiego typu zachowania, uważała, że męczenników takich należy uważać za świętych. Takie poglądy wyrażali w swych dziełach m.in. św. Nikodem Hagioryta (+1809), św. Makary (Notara), metropolita Koryntu (+1805), czy św. Atanazy z Paros (+1813). Ostatni z nich napisał nawet traktat o jednoznacznym tytule: „O tym, że nowi męczennicy są świętymi i powinni być za takich uważani bez działań kanonizacyjnych Wielkiej Cerkwi"[45]. Również patriarcha konstantynopolitański Grzegorz V wraz z soborem biskupów swojej Cerkwi „uroczyście potwierdził powszechnie przyjętą opinię na temat tych męczenników jako o doskonałych męczennikach"[46].

Istniał pewien „schemat zachowań" poprzedzający męczeństwo tej grupy nowomęczenników. Otóż, osoba, która zdecydowała się na męczeństwo za wiarę, musiała najpierw udać się do swojego ojca duchowego bądź innego doświadczonego kapłana, przystąpić do sakramentu spowiedzi i ujawnić przed nim swój zamiar. Otrzymywała wówczas z rąk spowiednika sakrament namaszczenia świętym olejem, po czym udawała się w ustronne miejsce, gdzie, poszcząc i modląc się, upraszała Boga o wybaczenie

42. Por. nieco inną klasyfikację: Будь верен до смерти…, dz.cyt., s. 14.
43. Por. H. Delehaye, Greek Neo-Martyrs, [w:] Melanges d'hagiographie grecque et latine, Bruxelles 1966, p. 246-255.
44. A. i M. Mironowicz, Święty Antoni Supraski, Białystok 2014.
45. Е.В. Ткачов, (эициклопедическая статья) Канонизация, [в:] Православная энциклопедия, т. 30, Москва 2012, с. 283.
46. Е.Е. Голубинский, История канонизации святых Русской Церкви, Москва 1903, с. 27. Por. Е.В. Ткачов, (эициклопедическая статья) Канонизация, dz.cyt., с. 283.

grzechów i duchowe umocnienie wytrwania w podjętym zamiarze. Przygotowanie to kończyło przyjęcie przez tę osobę św. Eucharystii. Następnie udawała się ona w jakieś publiczne miejsce muzułmanów i tam przed zebranymi ogłaszała, że wyznaje wiarę w Chrystusa, za którego pragnie przyjąć śmierć[47]. Wszystko kończyło się sądem i skazaniem takiej osoby na śmierć przez ścięcie mieczem.

Skomplikowana sytuacja związana z czcią oddawaną nowomęczennikom sprawiła, że gdy pod koniec XVIII w. w Grecji możliwe stało się gromadzenie dotyczących ich materiałów i próbowano usystematyzować wiadomości na ich temat, to w niewielu przypadkach możliwe było ustalenie inicjatorów kultu oraz tego, od kiedy miał on miejsce. Pracą tą zajmował się głównie ruch kolliwadów[48], przede wszystkim zaś wspomniani święci: Nikodem Hagioryta, Makary Notara i Atanazy z Paros. W 1799 r. w Wenecji wydano „Nowy Martyrologion”[49] autorstwa św. Nikodema, w którym znalazły się żywoty 86 nowomęczenników, żyjących w latach 1492-1794, jak też nabożeństwa na cześć części z nich[50]. Z kolei w „Nowym Limonarionie” (1819) ułożonym przez świętych Makarego, Atanazego z Paros i Nicefora z Chios (+1821), poza żywotami nowomęczenników, znalazły się nabożeństwa do wielu spośród nich.

Żywoty nowomęczenników i ich wykazy, które powstawały u schyłku XVIII i na początku XIX w. sporządzane były nie tylko z błogosławieństwa patriarchów konstantynopolitańskich Cyryla VI (1813-1818) i Grzegorza V (1797-1798, 1806-1808, 1818-1821), ale też przy ich udziale. Chociaż wówczas nie mogły temu jeszcze towarzyszyć uroczyste akty kanonizacyjne, to stanowiło to wyraźną zachętę do kierowania do tych świętych indywidualnych modlitw przez wiernych. W tym okresie św. Nikodem Hagioryta napisał szereg nabożeństw ku czci niektórych nowomęczenników, jak też nabożeństwo ku czci Soboru Świętych Nowomęczenników (w którym wymienionych zostało 88 świętych), którzy ponieśli śmierć po upadku Konstantynopola. Na początku XIX w. św. Nicefor w Chios napisał też tzw. nabożeństwo na cześć bezimiennego nowomęczennika[51].

Po odzyskaniu niepodległości przez Grecję, w wyniku zwycięskiego powstania 1821 r., w Cerkwi prawosławnej na tych terenach pojawiła się możliwość swobodnego wyrażania opinii o chrześcijanach, którzy stracili życie w okresie niewoli tureckiej. O ile wcześniej kwestia czci oddawanej nowomęczennikom pozostawała przede wszystkim kwestią prywatną wiernych, opierająca się na (zwykle nieoficjaln) błogosławieństwach ze strony

47. Будь верен до смерти..., dz.cyt., s. 14.

48. Patrz np. interesujący artykuł: Движение колливадов, http:/ www.pravoslavie.ru/archiv/kollibades.htm [dostęp 17.01.2015].

49. W 1961 r. w Atenach ukazało się znacznie poszerzone trzecie wydanie tego martyrologionu. Zawarte w nim żywoty w przekładzie na język rosyjski ukazały się w dwóch pracach: Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Св. Афонской горе просиявших, Москва 1897, т. 2 (żywoty 16 nowomęczenników Atosu) oraz П.А. Соловьев, свящ., Христианские мученики, пострадавшие на Востоке со времени завоевания Константинополя турками, СПб. 1862 (żywoty 70 innych nowomęczenników). Wartym podkreślenia jest, że św. Nikodem jest również autorem m.in. napisanego bardzo przystępnym językiem trzytomowego Synaksarionu, zawierającego około 650 żywotów świętych, w którym wzmiankowanych zostało około 60 tys. świętych. Dzieło to napisał w ciągu zaledwie dwóch lat, a ukazało się ono również w Wenecji, już po jego śmierci w 1819 roku; Иеромонах Илия (Читтерио), Преподобный Никодим Святогорец – учитель духовной жизни и маяк Церкви, перевод Ирина Волкова, „Православная община” 2000, № 60, с. 88.

50. Por. interesujący artykuł: N. Vaporis, The Price of Faith: Some Reflectio on Nicodemos Hagiorites and His Struggle against Islam, Together with a Translati n of the ‘Introductio ’ to His ‘New Martyrologion’, “Greek Orthodox Theological Review”, 1978, No 23, p. 185-215.

51. Е.Е. Голубинский, История канонизации святых Русской Церкви, dz.cyt. с. 27. Por. Е.В. Ткачов, (эициклопедическая статья) Канонизация, dz.cyt., с. 281-282.

patriarchy, które można byłoby nazwać „nieformalną kanonizacją", to obecnie sytuacja uległa diametralnej zmianie. O ich kulcie i kanonizacji mogły mówić szerokie kręgi cerkiewne. Z czasem zaczęły też pojawiać się poważne opracowania naukowe, które mogły być pomocne przy kanonizacjach. W 1934 r. ukazało się pierwsze wydanie książki pt. „Nowomęczennicy"[52] autorstwa arcybiskupa Aten Chryzostoma I (Papadopoulosa), która zawiera nie tylko szereg informacji biograficz ych na temat nowomęczenników, ale również cenne myśli dotyczące ich roli w prawosławiu. Praca ta zawiera żywoty 130 nowomęczenników z okresu od 1453 r. do połowy XIX wieku.

Duża fala zainteresowania nowomęczennikami, związana z 160. rocznicą odzyskania niepodległości, miała miejsce w Grecji w latach 80. i 90. XX wieku. Zorganizowano wówczas kilka konferencji naukowych poświęconych tej tematyce, ukazało się też szereg monografii poświęconych nowomęczennikom. W latach 80. XX w. dwóch wydań (1986 i 1989) doczekał się m.in. obszerny „Synaksarion Nowomęczenników", w którym znalazły się wcześniej publikowane żywoty oraz nowe materiały[53]. Interesujące wydają się zawarte w nim dane statystyczne. Synaksarion ten prezentuje żywoty nowomęczenników odpowiednio: z XV w. – 9, z XVI w. – 22, z XVII w. – 38, z XVIII w. – 50, a XIX w. – 58. Dane te mogłyby sugerować wzrost liczby męczenników w kolejnych wiekach, podczas gdy w rzeczywistości świadczą one bardziej o większej liczbie zachowanych informacji na temat tych, którzy żyli stosunkowo niedawno, w porównaniu z żyjącymi w początkowym okresie niewoli tureckiej[54]. Również w latach 80. ukazał się przekład z języka greckiego na angielski książki pt. „New Martyrs on the Turkish Yoke", w której w układzie kalendarzowym (od stycznia do grudnia) prezentowane są żywoty około 100 nowomęczenników okresu niewoli tureckiej[55]. Również w USA w 2000 r. ukazało się solidne opracowanie żywotów nowomęczenników w ujęciu chronologicznym autorstwa amerykańskiego duchownego Greka Nomikosa Vaporisa[56]. Zawiera ono około 200 biogramów.

Pomimo, jak się wydaje, znacznej liczby zgromadzonych materiałów na temat życia (a głównie jego końcowego etapu) nowomęczenników okresu niewoli tureckiej na Bałkanach, kwes a ich kanonizacji została do tej pory rozwiązana jedynie częściowo. Związane jest to, jak się wydaje, przede wszystkim z faktem, że siedziba Patriarchatu Konstantynopolitańskiego – Stambuł – znajduje się na terenie Turcji, a patriarcha konstantynopolitański zobowiązany jest do lojalności względem państwa tureckiego, którego musi też być obywatelem. Dlatego też, zdaniem rosyjskiego historyka Eugeniusza Tkaczowa (i nie sposób nie przyznać mu racji), „nadal otwarta pozostaje kwestia uroczystej ogólnocerkiewnej kanonizacji nowomęczenników, którzy świadczyli swoją wiarę w Chrystusa w okresie panowania osmańskiego"[57]. Kult liturgiczny nowomęczenników czasów niewoli tureckiej odbywa się, zatem, w znacznym stopniu bez formalnego aktu

52. Αρχιεπίσκοπος Χρυσόστομος Παπαδόπουλος, Νεομαρτύρων, Αθήναι 1970.
53. Μακαρίου Κορινθίου, Νικοδήμου Αγιορείτου, Νικηφόρου Χίου και Διδασκάλου Αθανασίου Παρίου, Συναξαριστής Νεομαρτύρων, dz.cyt.
54. Por. Новомученики балканские, Москва 2000, s. 9.
55. New Martyrs on the Turkish Yoke, trans. by Leonidas J. Papadopoulos, Georgia Lizardos and others, Washington 1985.
56. N.M. Vaporis, Witness for Christ..., dz.cyt.
57. Е.В Ткачов, (эициклопедическая статья) Канонизация..., dz.cyt., с. 283.

kanonizacji, co jest dopuszczalne – jak pisze metropolita Kallistos Ware – „w wyjątkowych okolicznościach”[58]. Pamięć niektórych z nich obchodzona jest osobno, z reguły w rocznicę ich śmierci, a zbiorowo (soborowo) w trzecią niedzielę po Pięćdziesiątnicy.

Decyzją św. Synodu Patriarchatu Konstantynopolitańskiego kanonizowano do tej pory stosunkowo niewielu nowomęczenników, przy czym informacje na ten temat są w dużym stopniu nieusystematyzowane. W tym miejscu warto przypomnieć, że organem podejmującym decyzje w sprawie kanonizacji ogólnocerkiewnej w Patriarchacie Konstantynopolitańskim jest właśnie św. Synod. Do kompetencji patriarchy konstantynopolitańskiego należy zaś dokonywanie kanonizacji ogólnocerkiewnej wobec świętych lokalnych, tj. takich, którzy zostali zaliczeni do grona świętych lokalnych wcześniej, z błogosławieństwa patriarchy, a po inicjatywie miejscowego biskupa. Takie „podnoszenie rangi” świętego było popularne szczególnie w okresie między rokiem 1821 a II wojną światową. Po II wojnie światowej wzrosła z kolei liczba kanonizacji ogólnocerkiewnych dokonywanych przez św. Synod. Kanonizacje te dotyczyły przy tym zarówno świętych odległych czasów (XIV-XV w.), okresu nowomęczenników (poł. XV – pocz. XIX w.), jak i świętych żyjących w wieku XIX czy XX. Natomiast zgodnie ze statutem Greckiej Cerkwi Prawosławnej (w którego jurysdykcji znajduje się znaczna część Grecji) kanonizacja ogólnocerkiewna odbywa się po uprzednim błogosławieństwie patriarchy konstantynopolitańskiego[59].

Przechodząc do szczegółów, wymienić można imiona tych bałkańskich nowomęczenników, którzy doczekali się oficjalnej kanonizacji ze strony Cerkwi prawosławnej. W Patriarchacie Konstantynopolitańskim w 1839 r. kanonizowano męczennika Jerzego z Janiny (+1838) (z urodzenia Albańczyka); w 1921 r. męczennika-patriarchę konstantynopolitańskiego Grzegorza V (+1821); w 1961 r. równego apostołom mnicha-męczennika Kosmę z Etoli (+1779); w 1970 r. męczenników z Lesbos: ihumena Rafaela, diakona Mikołaja, dziewicy Ireny i innych (+1463); w 1977 r. męczenników-krewnych Jerzego, Angelisa, Manuela i Mikołaja ze wsi Melambes na Krecie (+1824); w 1985 r. męczenników Manuela, Teodora, Jerzego, Jana, Michała i Lamprosa z Samotraki (+1835), w 2000 r. Nowomęczenników Kreteńskich (+1821-1822); w 2003 r. 5 mnichów-męczenników (po dwóch Neofi ow i Jonaszów oraz Parteniusza) żyjących w XVI-XVII w. na wyspie Lipsi; w 2011 r. (na prośbę Cerkwi greckiej) mnicha-męczennika Efrema Nowego (+1427), który poniósł śmierć z rąk muzułmanów jeszcze przed upadkiem Konstantynopola, oraz 1241 bezimiennych męczenników z Naussy (+1822)[60].

Patriarcha antioc eński Makary III kanonizował męczennika Dawida z Aleppo (+1660) następnego dnia po jego śmierci z rąk Turków. Kolejna kanonizacja w Patriarchacie Antioch ńskim miała miejsce dopiero w 1993 r., a dotyczyła kapłana-męczennika Józefa z Damaszku (+1860)[61]. Jeszcze jedna kanonizacja, już późniejszych nowomęczenników, w

58. K. Ware, Kościół prawosławny, przekł. ks. W. Misijuk, Białystok 2002, s. 283.
59. E.B Ткачов, (эициклопедическая статья) Канонизация…, dz.cyt., c. 283. Na temat obecności greckich nowomęczenników w kalendarzach cerkiewnych patrz: A. Rigo; N. Russel, Neomartyrs of the greek calendar, “Sobornost, incorpora ng Eastern Churches Review”, 1983, No 5, p. 36-62.
60. E.B Ткачов, (эициклопедическая статья) Канонизация…, dz.cyt., c. 283-286.
61. Jego żywot patrz: Жития святых составленные на Святой Горе Афон. Синаксарь, т. VI, июль-август, Москва 2011, с. 143-144.

tym patriarchacie miała miejsce w 2008 r., kiedy do grona świętych zaliczono kapłanów-męczenników Haszków – ojca Mikołaja (+1917) i syna Habiba (+1948)[62]. Z kolei Patriarchat Jerozolimski w 2009 r. dokonał kanonizacji archimandryty Filemona (Chasapisa) (+1979), który został besti lsko zamordowany przez fanatycznych Żydów[63]. On również tytułowany jest nowomęczennikiem.

Kończąc rozważania, pragnę zauważyć, że rzeczywista liczba świętych (a nie tylko tych kanonizowanych, objawionych świadomości Cerkwi) nie jest znana człowiekowi, a jedynie Bogu. Ponieważ imiona wielu świętych pozostają nieznane, Cerkiew prawosławna wspomina ich (wraz z tymi znanymi) podczas święta Wszystkich Świętych, obchodzonego w pierwszą niedzielę po Pięćdziesiątnicy. Wtedy, zatem, wspominani są również nieznani nam z imienia nowomęczennicy bałkańscy. Być może kiedyś niektórzy spośród nich zostaną wysławieni przez Cerkiew, będą wskazywać drogę żyjącym, oświetlając ją nie swoim światłem, lecz Chrystusowym, światłem Boskiej Miłości. Dlatego też głęboki sens ma modlitewna prośba, którą nasza Cerkiew kieruje do wszystkich świętych, zarówno tych znanych, jak i nieznanych: „O, wielcy nasi krewni, imienni i bezimienni, objawieni i nieobjawieni, którzyście dosięgli niebiańskiego Syjonu i od Boga chwałę wielką przyjęliście, pocieszenia dla nas w smutkach wypraszajcie…”[64].

62. Архимандрит Фома (Петар), Священномученик Николай Хашех, перевела с арабского Надежда Семенова, http:/ www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41541.htm [dostęp 19.01.2015].
63. E.B Ткачов, (эициклопедическая статья) Канонизация…, dz.cyt., c. 287.
64. Nabożeństwo ku czci wszystkich świętych, którzy zajaśnieli na ziemi ruskiej, pieśń 9, kanon 2, troparion 6, cyt. za: K.E. Скурат, Святость Руси, т. 4, Яхрома 2011, c. 712.

СТАРООБРЯДЦЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ: РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЗГОИ, ПРЕДАННЫЕ РОССИИ.

OLD-BELIEVERS OF THE NORTH-WESTERN TERRITORY: RELIGIOUS ISSUES PREPARED BY RUSSIA.

УДК – 94(476)

Александр Юрьевич Бендин
доктор исторических наук, профессор кафедры богословия Института теологии Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия)

Alexandr Bendin, PROF., PH.D. Ins tute of teology, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

РЕЗЮМЕ: В статье рассматриваются вопросы правового положения старообрядцев в Российской империи в XIX - начале XX в. Особое внимание уделяется религиозно-правовым проблемам старообрядцев Северо-Западного края. Для решения этой исследовательской задачи привлекаются источники, которые дают представление о поведении старообрядцев в условиях нетерпимости и веротерпимости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Северо-Западный край Российской империи, Православная церковь, старообрядцы, «раскол», религиозная нетерпимость, дискриминация, веротерпимость.

RESUME: The articl deals with the legal status of the Old Believers in the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. Particul r a ention is paid o the religious and legal problems of the Old Believers of the North-Western Territory. To solve this research problem, sources that provide an idea of the behavior of the Old Believers in conditions f intolerance and tolerance are att acti e.

KEY WORDS: North-Western region of the Russian Empire, the Orthodox Church, Old Believers, "schism," religious intolerance, discrimination, olerance.

На территории Речи Посполитой великорусские старообрядцы появились в конце XVII - середине XVIII вв. (Земли, на которых они поселились, впоследствии стали неофициально называться Северо-Западным краем Российской империи[1]). Причиной появления старообрядцев на землях польского государства стали религиозные гонения, которым «раскол» подвергался в Московском царстве и в Российской империи[2]. С присоединение этих земель к Российскому государству для старообрядческих общин настали трудные времена. Уже с начала 20-х годов XIX в. правительство вступило на путь запрещения «публичных проявлений раскола»[3].

Под этим термином понималось: «как старообрядчество, отделившееся от законной иерархической власти, при полном сохранении всех существенных обрядов, а тем более догматов веры, так и разные направления, выродившиеся от него около половины XVII века и образовавшие, кроме двух главных ветвей раскола *поповщины* и *беспоповщины,* множество толков и сект обрядового раскола, а в связи с ними, под иностранным воздействием, не малое также количество еретических сект *мистического* (скопцы, хлыст ы и др.) и *рационалистического* характ ера (молокане, духоборцы, штундисты и др.[4])».

Затем, в период правления Николая I (1825-1855 гг.) последовали меры, которые законодательным образом ограничивали гражданские и религиозные права старообрядцев, полученные ими во времена правления Екатерины II и Александра I[5].

1.Таково было неофициальное название территориально-административной единицы, в состав которой в начале 60-х гг. XIX в. входило шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Ви¬тебская, Минская и Могилевская. Северо-Западный край находился в подчинении генерал-губернатора, резиденцией которого был г. Вильна.

2. Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и Стародубье XVII – XVIII вв. Вып. 1. – Киев, 1895. С. 206-215. Поташенко Г. П. Русские старообрядцы в Великом княжестве Литовском: становление древлеправославной традиции. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http:/ library.by/portalus/modules/religion/readme.php?subacti n=showfull&id=1096464045&archive=&start_from=&ucat=1&

3. «Расколом называется отделение от законной иерархической власти при сохранении всех существенных обрядов и тем более догматов веры». Суворов Н. Учебник церковного права. 2-е изд. – М., 1902. – С. 522; Национальный исторический архив Беларуси. Далее: НИАБ. – Ф. 295. – Оп.1. – Д. 226. – Л. 8-9, 24.

4. Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. – Киев, 1896. – С. 3.

5. Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Выпуск первый. – Лондон. 1860. – С. 185-187; Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. 2-е изд. – СПб., 1895. – С. 217-221.

К дискриминационным мерам в области гражданских прав старообрядцев относились запреты на выдачу паспортов для передвижения внутри империи, на вступление в иконописные цехи и деятельность на общественных должностях. Были введены ограничения на занятия торговлей и промыслами[6]. В области религиозной наиболее «стеснительными» для старообрядцев были дискриминационные решения правительства относительно храмового строительства и общественного богослужения. Старообрядцам было запрещено строительство новых церквей и ремонт старых. Легальными считались лишь те церкви, которые были построены до 1826 г. С действовавших церквей снимались кресты и запрещался колокольный звон как «публичное оказательство раскола».

Законы Российской империи признавали право верить только за старообрядцами *«по рождению»* (т. е., не перешедшими из православия). Однако законы не признавали право этих старообрядцев исповедовать свою веру *публичным* порядком. Проведение богослужений разрешалось в церковных зданиях, без проявления веры вне стен этих зданий[7]. Реальным правовым выражением нетерпимости явилось непризнание религиозных общин старообрядцев в качестве юридических лиц[8]. Духовенство и монашество старообрядцев не признавалось законом в качестве особого сословия. Не признавались законными и браки, заключенные старообрядцами в своих храмах.[9]

«Раскол» признавался государством только как явление административно терпимое, за исключением сект, именуемых «изуверскими»[10]. По отношению к «раскольникам» российское законодательство дозволяло лишь *внутреннюю* «свободу веры», проявления которой были возможны только в стенах частного дома или церковных зданиях, без «публичного оказательства раскола»[11].

Следует отметить, что в Российской империи представители «иностранных» конфессий и общин (немцы, поляки, финны, татары, калмыки, иудеи и др.) пользовались правом свободно исповедовать свою веру в частном порядке и публично. Монархия, признав «иностранные» исповедания в качестве легальных, брала на себя обязательство соблюдения гражданских прав их духовенства и паствы. Эта часть населения являлась, согласно общему правилу, полноправными подданными Российской империи.[12]

К великорусским подданным империи – старообрядцам, Российское государство проявляло религиозную нетерпимость в форме действующего дискриминационного законодательства, представленного как «особые административные постановления»[13]. Это законодательство ставило «раскол», к которому причисляли старообрядцев, принципиально ниже в правовом отношении, нежели общины нехристианских

6.Ивановский Н. И. По поводу новых законов относительно раскольников // Православный собеседник. – 1883. – № 9. – С. 29.

7. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. – СПб., 1842. – Т. 14. – Ст. 60.

8. «Государственный закон не признает раскольников в качестве отдельного вероисповедания, как не имеющих законного духовного начальства, а только впадшими в заблуждение и непослушание Православной церкви, к которой от предков принадлежали». См: Собрание постановлений по части раскола. – СПб., 1858. – С. 684; «Под именем раскольников разумеется ряд сект, отлучившихся в свое время от Православия, не признаваемых государством и отчасти нетерпимых». См: Градовский А. Д. Начала русского государственного права. / Собр. соч. – СПб., 1901. – Т. 7. – С. 338.

9. Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. 2-е изд. – СПб., 1895. – С. 221-223.

10. Уголовному наказанию подвергались «раскольники, которые принадлежат к ересям, соединенным со свирепым изуверством и фанатическим посягательствам на жизнь свою или других, или же с противонравственными, гнусными действиями». См: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. – Т. 15. – СПб., 1857. – Ст. 223.

11. «Под публичным оказательством раскола должно разуметь: крестные ходы, пение вне молелен и такое пение внутри молелен, которое было бы слышно вне оных, торжественное совершение крещения и брака; сопровождение тел умерших на кладбище в мантиях, клобуках и иных раскольнических особенных одеяниях, с пением; ношение раскольниками монашеского одеяния; открытие вновь раскольнических молелен; поставление над молельнями новых крестов или возобновление старых и употребление в моленных или при оных колоколов». См: Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае и Александре II, пополненные запиской Мельникова. – Лейпциг, 1882. – С. 57–58.

12. Суворов Н. Учебник церковного права. – С. 591; Российский государственный исторический архив. Далее: РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 7. – Л. 36.

13. Михайлов А. По вопросу о веротерпимости к расколу // Вестник Европы. – 1882. – № 3. – С. 70-92; Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. – Вып. 1. – Лондон. 1860. – С. 185–187; Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. – С. 217–223.

«иностранных» исповеданий – мусульман, иудеев, ламаистов и язычников.[14]

По словам профессора Павлова, «Наше гражданское законодательство смотрит на «раскольников» как отпадших от господствующей Церкви, которые должны с ней воссоединиться: вот почему они до сих пор не получили ещё той степени свободы, какой пользуются у нас последователи других христианских и даже нехристианских вероисповеданий[15].

Для старообрядчества наиболее трудным периодом во взаимоотношениях с Российским государством и Православной церковью было правление императора Николая I. Конфессиональная политика императора была направлена на «полное уничтожение раскола». Характерными чертами этой политики стала практика административного закрытия храмов, скитов и монастырей, конфискации церковной собственности, икон, богослужебных книг, аресты и ссылки старообрядцев и принудительный перевод их в единоверие.[16]

Указанные меры применялись правительством и в отношении старообрядцев Северо-Западного края. Как отмечал Г. В. Поташенко: «Были запечатаны и разрушены сотни молитвенных домов, некоторые из них переданы синодальной Церкви, много церковных колоколов было конфисковано. В Ковенской и Виленской губерниях тогда было закрыто не менее 13 из 33 действовавших староверческих храмов; восемь из них разрушены»[17].

Государственная нетерпимость к «расколу», принявшая радикальные формы в Николаевскую эпоху, была продиктована причинами религиозного и политического характера. В основе правовой дискриминации старообрядцев лежал законодательно закрепленный союз «господствующей» Православной церкви и монархического государства. «Господствующий» статус Православной церкви свидетельствовал о том, что российское государство признавало ее исключительную роль не только в религиозном, но и в историческом, политическом и этническом отношении[18].
Наделяя Православную церковь особыми преимуществами государство видело в ней и «единую истинную на земле религию», и «национальную веру» русских государей и русского народа.[19] Представления о православии как одном из «главных устоев русской государственности» позволяли официально именовать «терпимые исповедания» «иностранными», несмотря на то, что некоторые из них имели долгую историю пребывания в составе России. [20]

Существовала жесткая правовая зависимость между «господствующим» статусом Православной церкви и государственной дискриминацией «раскола». По отношению к лицам, отпавшим от православия в «раскол», светское законодательство империи придерживалось норм канонического права «господствующей» Православной церкви. По словам Н. Суворова, Церковь «смотрит на всякое отделение от неё как на преступное нарушение её порядка». В свою очередь, и «государство не допускает образования раскольнических и еретических сект в смысле признанных религиозных обществ»[21]. Старообрядцы рассматривались правительством в качестве «церковных мятежников», вышедших из повиновения архиереям Русской церкви. А это влекло за собой выводы о политической неблагонадежности и даже опасности «раскола» для устоев государства, на чем особенно настаивал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев.[22]

Однако во время польского восстания 1863 г. старообрядцы Северо-Западного крае выступили на стороне России, приняв активное участие в борьбе правитель-

14. Ивановский Н. И. По поводу новых законов относительно раскольников // Православный собеседник. – 1883. – № 9. – С. 9-11; Реформы веротерпимости на пороге XX века и состояние государственной церкви России. / Сост. Г. М. Калинин. – Н. Новгород, 1905. – С.11.
15. Павлов А. С. Курс церковного права. – СПб., 2002. – С. 371.
16. Смолич И. К. История Русской церкви. 1700-1917. Часть вторая. М., 1997. – С. 147; Поташенко Гр. М. Муравьев, «польский вопрос» и старообрядцы Литвы: зигзаги конфессиональной политики в 1863-1865 гг. // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metrašti . XXVI. – Vilnius. 2005. – С. 350-353; Гарбацкі А. А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст.ст. – Брест, 1999. – С. 97-107; НИАБ. – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 13611. – Л. 8; Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31375 – Л. 4-5; Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31678. – Л. 11.
17. Поташенко Г. В. Староверы Литвы: вехи истории (вторая половина XVII - начало XXI в.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http:/ www.an -raskol.ru/pages/1023.
18. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 7. – Л. 238.
19. Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. – К., 1896. – С. 88–90.
20. Рейснер М. А. Государство и верующая личность. С. 193; Кудрина Т. А., Пинкевич В. К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века. – М., 2003. – С. 20.
21. Суворов Н. Учебник церковного права. – С. 522.
22. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 1. – Л. 7.

ственных войск с мятежниками.[23] Открытое проявление политической лояльности в сложный для империи час позволило правительству приступить к улучшению социально-экономического положения старообрядцев.

В частности, Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев принял меры по защите их экономических интересов от «произвола помещиков польского происхождения». 17 июня 1863 г. был издан циркуляр губернаторам края, согласно которому польским помещикам запрещалось самовольно лишать старообрядцев арендуемых участков земли и повышать арендную плату выше указанной нормы[24]. Это решение, принятое М.Н. Муравьевым в качестве временной меры, было подтверждено затем его преемником К.П. фон Кауфманом в циркуляре губернаторам от 7 мая 1865 г.[25] Однако в религиозно-правовом положении старообрядцев существенных перемен так и не произошло.[26]

Об этом свидетельствуют обращение старообрядцев Витебской губернии к представителям власти, в котором они просят администрацию позволить им открыть запечатанную моленную, а также прошение виленских старообрядцев о возвращении колоколов, снятых по приказанию губернатора **(документы:1, 2).**

К началу XX в. среди поликонфессионального населения Северо-Западного края, принадлежавшего к «господствующему» православию и терпимым «иностранным» конфессиям – католичеству, протестантизму, иудаизму и исламу, великорусские старообрядцы по-прежнему представляли собой дискриминируемое религиозное меньшинство.

12 декабря 1904 г. был издан высочайший указ, 6 пункт которого предписывал правительству «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, подлежащих к инославным и иноверным исповеданиям»[27]. На этом основании Комитет министров начал разработку законопроекта «об укреплении начал веротерпимости».

Указ о веротерпимости, изданный 17 апреля 1905 г. впервые предоставил старообрядцам легальный статус терпимых религиозных организаций. Приведенные документы **(3, 4)** свидетельствуют о реакции старообрядцев Северо-Западного края на позитивные перемены, которые произошли в их религиозно-правовом положении. В связи с выходом указа у ряда старообрядческих общин появилась возможность приступить к решению вопросов возвращения конфискованной у них собственности, икон, церковной утвари и богослужебных книг **(документ 5).** В новых правовых условиях содействие старообрядцам начал оказывать Департамент общих дел МВД и местная губернская администрация.[28]

Однако реальные перспективы возвращения конфискованной церковной собственности старообрядческих общин были ограничены действием имущественных прав «господствующей» Православной церкви[29]. Вместе с тем, обретение нового правового статуса «терпимых» религиозных общин позволило старообрядцам начать процесс легализации своей религиозной деятельности и восстановления церковной

23. Бендин А. Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2011. – № 1. – С. 77–92

24. Цылов Н. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863-1864. – Вильна, 1866. – С. 18-19; НИАБ. – Ф.1430. – Оп.1. – Д. 31318. – Л.1-2.

25. РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 59-60.

26. Леклер И. «Литовский парадокс»: российская конфессиональная политика по отношению к старообрядцам в Северо-Западном крае с 1863 по 1883 год // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraš s. XXVI. – Vilnius. 2005. – С. 370-376.

27 Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. “О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // Журнал министерства юстиции. – 1905. – № 5. – С. 42.

28. НИАБ. – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 13611. – Л. 1; Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 13813. – Л. 1-22; Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 14139. – Л. 1-47; Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 47162. – Л. 1-5; Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 47382. – Л. 19-20; Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 47162. – Л. 1-22, 47-48.

29. В церковном имуществе различаются вещи священные (res sacrae) в обширном смысле и вещи церковные в тесном смысле. … Вещи священные по их назначению подразделяются на священные в тесном смысле слова и освященные. Вещь становится в тесном смысле слова священной через совершение над ней особого акта религиозного освящения или через само употребление её по назначению, вследствие чего она уже навсегда получает характер священной и изымается из обыкновенного гражданского оборота. См: Павлов А. С. Курс церковного права. – СПб., 2002. – С. 316. На этом каноническом основании богослужебные предметы, конфискованные у старообрядцев и освященные в Православной церкви, не подлежали изъятию, а, следовательно, и возвращению прежним владельцам. Возможность возвращения старообрядцам конфискованных предметов богослужебного характера появлялась в том случае, когда иконы и книги находились в собственности различных гражданских ведомств.

жизни там, где она была прервана в период религиозных гонений (**документ 5**).
В результате издания указов от 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. общины старообрядцев и сектантов получили правовой статус «терпимых», позволивший им юридически приблизиться к положению «иностранных» христианских конфессий. Правовая дискриминация по религиозным мотивам была существенным образом сокращена[30]. Однако общинам легализованных старообрядцев так и не удалось получить равный правовой статус с «иностранными» христианскими конфессиями. Этому препятствовали сохранявшиеся в Российской империи правовые преимущества «господствовавшей» Православной церкви.[31]

Документ 1.

Михаилу Николаевичу Муравьеву[32]
раскольников Витебской губернии, Невельского уезда, прихода Репища.

Покорнейшее прошение.

Чувствуя себя истинными сынами Отечества и убедившись в безграничном милосердии возлюбленного нашего монарха и благих исполнителей воли его, не теряя в этом надежды, решившись со слезами пасть к стопам Вашего Высокопревосходительства, как единственному представителю и ходатаю за верноподданных вверенного попечению вашему края, нуждающихся в этом.

Милосердный начальник! Мы раскольники, но мы выполнители древней веры нашей, завещанной нам древними потомками нашими, и мы ей преданы; посему в пылу самонадеянности на изливаемые милости и решились послать через почту 3 февраля прошлого 1864 года покорнейшую просьбу нашу. Ныне древняя наша молельная по распоряжению начальства опечатана, и средства к молитве вкупе прекращены.

Со слезами вновь умоляем не лишить нас единственного утешения в принесении теплых молитв о благих наших и снять печати с моленной, где молились предки наши.

Февраль 1865 года.

НИАБ. – Ф. 295. – Ф.1430. – Оп.1. – Д. 31747. – Л. 58 б.

Документ 2.

Его Сиятельству господину Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернатору[33]

Старообрядцев Виленского старообрядческого общества

Прошение

Для более вящей памяти увековечения чудесного дня избавления 2 апреля 1879 года от покушения на драгоценную жизнь в Бозе почившего государя императо-

30. Согласно новому законодательству, преследованию подвергались только «последователи изуверных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке». См: Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. – 3-е изд., пересмотр. и доп. по 1 сентября 1908 г. / Под ред. Н. И. Лазаревского. – СПб., 1909. – С. 35–36.

31. Сафонов А. А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства. – Тамбов, 2007. – С. 125–126; Ершова О. П. Старообрядчество и власть. – М., 1999. – С. 182–184. 185–186.

32. Граф М.Н. Муравьев, генерал-губернатор Северо-Западного края (1863-1865). Подавил польское восстание и провел ряд глубоких, системных реформ в социально-экономической и культурно-образовательной сфере. Рассматривал старообрядцев края как надежную опору монархии, но в отношении их религиозных прав твердо стоял на страже дискриминационного законодательства. Старообрядцы, пользуясь ослаблением правительственного надзора, вызванного польским восстанием, начали несанкционированное строительство моленных домов, в которых испытывали острую нужду. После подавления восстания администрация, побуждаемая православными духовными консисториями, начала закрывать моленные, построенные в нарушение действовавших правил. Поэтому прошение старообрядцев прихода Репище было отклонено. Инициатором закрытия моленной была Полоцкая духовная консистория. См: Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 496; НИАБ. – Ф. 295. – Ф.1430. – Оп.1. – Д. 31747. – Л. 18, 58; Ф. 1430. – Оп.1. – Д. 31974. – Л. 1-2.

33. В 1882 г. генерал-губернатором Северо-Западного края был Э. И. Тотлебен.

ра Александра II[34], мы старообрядцы единодушно постановили запечатлеть эту память постановкой в нашей моленной колоколов со следующей надписью «г. Вильна, 2 апреля 1879 года, пожертвованы Виленским старообрядческим обществом в память избавления от покушения на жизнь драгоценного императора нашего Александра Николаевича» и эти колокола были уже повешены в моленной и долгое время возвещали час молитвы, но с приездом в г. Вильну вновь назначенного

виленского губернатора, колокола приказано снять, и со снятием колоколов вместе с тем прекращены и благовест на молитву, что нас крайне осиротило и не дает возможности утвердить нашу память в потомстве о том чудесном дне, о котором упоминается в сем нашем прошении[35].

Повергая настоящее наше прошение на высокогуманное усмотрение вашего сиятельства, мы смеем надеяться, что задуманному и уже совершившемуся факту доброй памяти, будет дан желаемый исход.[36]

2 ноября 1882 года.

Литовский государственный исторический архив. Далее: ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1883. – Д. 330. – Л. 4.

Документ 3.

Всеподданнейший адрес наставников и представителей старообрядческих общин Новоалександровского уезда Ковенской губернии императору Николаю II.

Великий государь.

Наставники и представители старообрядческих общин Новоалександровского уезда Ковенской губернии, собравшись в городской моленной помолиться о здравии и благоденствии твоём и всего твоего семейства, постановили повергнуть к стопам твоим чувства безграничной любви и благодарности по поводу незабвенной милости, дарованной нам 17 апреля.[37]

Со слезами радости прочли мы Высочайший указ твой, самодержавный русский царь, известивший о дарованных нам равных правах в делах веры со всеми русскими людьми. Здесь, на Западной окраине, мы, носители русских начал, верные интересам нашей русской родины, готовы жертвовать всем на защиту интересов нашей отчизны. Денно и нощно молим Бога. Да поможет тебе Всевышний Создатель победить врага.

10 мая 1905 года. г. Новоалександровск

ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1905. – Д. 352. – Л. 55.

34. Покушение на Александра II совершил А. К. Соловьев, повешенный позднее по приговору суда.

35. К этому времени вместо прежнего виленского губернатора Е. П. Стеблин-Каменского был назначен А.М. Жемчужников.

36. МВД в августе 1883 г. отклонило ходатайство виленских старообрядцев, ссылаясь на то, что в п. 8 указа от 3 мая 1883г. содержался строгий запрет на устройство колоколов при раскольничьих молитвенных зданиях. Колокола были сняты новым губернатором по требованию обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. См: ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1883. – Д. 330. – Л. 32, 37.

37. Речь идет об указе «Об укреплении начал веротерпимости», принятом 17 апреля 1905 г. Как уже отмечалось выше, конфессии и общины старообрядцев и сектантов, отколовшихся от «господствовавшего» православия, находились вне действия института веротерпимости. Они не признавались законом и подвергались правовой дискриминации. В результате издания указа от 17 апреля 1905 г. границы веротерпимости изменились. Религиозные сообщества, не признаваемые ранее законом, получили правовой статус «терпимых». До издания указа от 17 апреля 1905 г. понятие «веротерпимость» уместно употреблять в узком смысле слова, так как ее объектом традиционно являлись только «иностранные исповедания». После легализации общин старообрядцев и сектантов веротерпимость следует понимать уже в широком смысле слова. Признание государством религиозных прав дискриминируемых ранее религиозных сообществ придало этому понятию универсальный характер.

Документ 4.

«Челобитная» государю Николаю II старообрядцев Бобтовской волости Ковенского уезда Ковенской губернии.

Из текста челобитной

Миновало более 200 лет как мы старообрядцы в родном Отечестве и между родного своего племени тяжёлое несли на своих плечах бремя, заключающееся в гонениях духовной жизни и других угнетениях по духовным требам и таким путём по истечении многих трудных для нас лет мы увидели на горизонте восход солнца при царствовании Царя Освободителя.

Царство Небесное Царю Освободителю Александру II и Царство небесное ныне покойному Государю Александру III за столь человеческое к нам измягчение и внимательно-приятный взгляд[38].

Вслед за минувшим горем мы, старообрядцы, удостоились дожиться столь драгоценного для нас милосердия от царствующего ныне самодержца Государя Императора, за каковое милосердие мы все совокупно старообрядцы напрягаем силы вообразить себе, как выразить свою неизречённую искренность и принести свою благодарность за дарованные нам щедроты

Не смотря на то, что были гонимы, в минуту печальной памяти польского восстания, но все-таки и тогда не согласились наговору польских помещиков в 1863г, дабы быть на стороне их, а напротив – все силы употребляя, двинулись дружинами и помогали с огнестрельным оружием скорейшему подавлению польского мятежа....[39]

Мы старообрядцы, возлагаем надежду на Бога, а потому то мы все готовы миром помолиться Богу и выступить в ряды вооружённой дружины, дабы стереть злодеев и твоих врагов с лица земли для скорейшего успокоения в нашем Отечестве смут и волнений, дабы доступно исправить по-прежнему свободно пространный путь для дальнейшей жизни православных христиан и для свободного Вашему Величеству самодержавного правления.

13 января 1906 г.

ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1905. – Д. 352. – Л. 92-94.

38. При императоре Александре II, религиозные гонения на старообрядцев, проводимые в период правления Николая I, были прекращены. В пореформенный период началась постепенное упразднение действия «специальных административных постановлений о раскольниках». В результате, нормы административной терпимости начали трансформироваться в нормы положительного права, действие которых распространялось на «раскольников от рождения» . Первые позитивные перемены в положение «раскола» внесли указы Александра II от 19 апреля 1874 г., и Александра III от 3 мая 1883 г . По словам Ар. Попова: «Только закон 3 мая 1883 года, дозволивший раскольникам богомоление, implicite признал раскол за особое, юридически существующее исповедание». Однако вплоть до издания указа от 17 апреля 1905 г. действовавшее российское законодательство не признавало легальный статус религиозных общин «раскольников», выводя их за пределы веротерпимости, установленные для «иностранных исповеданий». См: Законы о раскольниках и сектантах. – 2-е изд., исправ. и доп. – М., 1903. – С. 12–13; Вестник Европы. – 1874. – № 12. – С. 866-875; Попов Ар. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. – Казань, 1904. – С. 473.

39. Старообрядцы Витебской губернии в апреле 1863 г. участвовали в разгроме отряда польских мятежников графа Л. Плятера. В мае того же года старообрядцы обратились к М. Н. Муравьеву с просьбой сформировать из добровольцев сотню конной милиции для борьбы с мятежными поляками. К началу июня сотня старообрядцев, вооруженная и снабженная из ресурсов Динабургской крепости, во главе с казачьим офицером приступила к несению службы в Витебской губернии. В Ковенской губернии более 600 старообрядцев явились к представителям администрации с просьбой о выдаче им оружия. Добровольцам было выдано около 300 ружей и вскоре 23 мятежника были арестованы и доставлены властям. В ответ мятежники осенью 1863 г. в местечке Ибяны Ковенской губернии после жестоких истязаний повесили 11 старообрядцев. Российская славянофильская и патриотическая печать сочувственно отозвалась о жертвах, понесенных старообрядцами в борьбе с мятежниками. Вот как об этом писала газета И. С. Аксакова «День». «Заброшенные на чужбину, среди чужого им жмудского племени, … – эти люди сохранили свою русскую народность и свою ненависть ко всему враждебному этой народности. Они старообрядцы, враги господствующей церкви, – от них ждали участия себе «паны из лясу» и, оказалось, что они такая же Москва, да ещё и похуже Москвы в своей ненависти к латинству. Вечная память вам, страдальцы! Вы погибли за то, что не изменили Русской земле, и Русская земля вас не забудет!». См: День. – 1863. –№ 40. – С. 19; Брежго Б. Р. Очерки истории крестьянских движений в Латгалии. 1577-1907 гг. – Рига, 1956. – С.114-115; Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. – М., 2005. – С. 80; Катков. М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной летописи. Выпуск первый. – М., 1887. – С. 518; Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863-1865 гг. (Муравьёвское время). – СПб., 1898. – С. 112; ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 1393. – Л. 1, 4-5, 10.

Документ 5.

Возлюбленные братья во Христе!

В первой половине восемнадцатого столетия, когда особенно сильны были гонения на православных христиан старой веры, на Литве возник старообрядческий скит, получивший название по ближайшему селению «Дегуцкий»[40]. При ските существовала большая молельня с особой колокольней; при молельне был приют для бедных престарелых мужчин и женщин, а также гостиница для приезжавших и приходивших многочисленных паломников… Дегуцкий скит весьма чтился всем старообрядческим миром и к 1 октября, в день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, туда стекалось несколько тысяч богомольцев из всех старообрядческих центров и главным образом из городов Риги и Москвы, так как в молельне была весьма почитавшаяся Икона Божией Матери и праздник Покрова считался храмовым праздником.

Необходимые на содержание скита расходы с излишком покрывались богомольцами. Молельня была богато обставлена церковной утварью, старинными богослужебными книгами и иконами, а в ризнице хранилась священническая риза со времени царствования Царя Алексея Михайловича, т. е. до отступления никонианцев от церкви. Жившие при ските монахи, а также наставники похоронены на Дегуцком кладбище и в настоящее время знатнейшие из старообрядцев, стариков всего уезда, пред смертью завещают своим детям хоронить их на Дегуцком кладбище. Скит был закрыт по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению в 40-х годах, а бывшая при нем молельня обращена в никонианскую церковь, 6-го декабря 1850 года освящена во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и считалась приписною к Антолептской приходской церкви. В последнюю были переданы, после закрытия скита, иконы, богослужебные книги и прочее церковное имущество…[41]

В настоящее время при деревне Дегуцях сохранилось старинное старообрядческое кладбище с часовней при нем, а земля, вследствие ходатайства Новоалександровских старообрядцев, встретивших сильную поддержку в лице Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора генерал-лейтенанта К. Ф. Кршивицкого, возвращена по распоряжению Архиепископа Литовского, старообрядческой общине…[42].

40. Ныне пос. Дягучай Утенского уезда Литвы. Основанный в середине XVIII в. Дегуцкий скит (1756-1851 гг.) был духовным центром старообрядцев-беспоповцев федосеевского согласия на территории Литвы и Курляндии. Здесь был создан «Дегуцкий летописец», «оригинальный памятник крестьянско-старообрядческой литературной и историографической традиции». См: Маркелов Г. В. Дегуцкий летописец. [Электронный ресурс] – Режим доступа: h p://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/markelov_gv_deguckij_letopisec_chast_2/52-1-0-1660; Гонения на старообрядцев во времена правления Николая I привели к разорению знаменитого старообрядческого скита.

41. Так, по имени патриарха Никона называли старообрядцы духовенство и мирян «Господствующей Православной Кафолической Восточной Церкви».

42 . Это характерный пример принципиально нового отношения администрации Северо-Западного края к религиозным нуждам старообрядцев, которое было вызвано не только изданием указа от 17 апреля 1905 г., но и региональными политическими интересами. Еще более важными представляются перемены в поведении никониан, как именовали старообрядцы православное духовенство. Причт соседней с Дегуцями Ракишской церкви, который более полувека владел конфискованными у старообрядцев землями, согласился уступить им эту землю (более двух десятин) безвозмездно. По словам архиепископа Литовского Никандра (Молчанова) местное духовенство приняло во внимание: «Особую моральную ценность этого участка земли для старообрядцев и их постоянную преданность Государю и Отечеству». См: ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1905. – Д. 392. – Л. 31. Указ о веротерпимости позволил православному духовенству пойти навстречу интересам бывших религиозных изгоев. Межцерковные различия оставались непреодолимыми, но в условиях Северо-Западного края они отходили на второй план. В Ковенской губернии старообрядцы и православные представляли собой религиозно-этническое русское меньшинство, проживавшее в окружении литовцев-католиков, которые проявляли открытую враждебность к русским во время революционных событий 1905 г. См: За первый год вероисповедной свободы в России. – СПб., 1907. – С. 159. В связи с этим на первый план выходили задачи взаимного соблюдения интересов друг друга, вызванные общей угрозой, которую представляли собой революционный террор, воинствующий национализм и католическая нетерпимость. События 1905 г. вновь подтвердили верность старообрядцев монарху и своему российскому Отечеству. Об этом свидетельствуют представители администрации края, которые заявляли, что местные старообрядцы по-прежнему стоят «на страже русских интересов среди местного инородческого населения, являя с этой стороны неоценимые заслуги правительству в смысле надежного оплота русской гражданственности в Северо-Западном крае». См: ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1905. – Д. 392. – Л. 57-58. Народный монархизм и патриотизм старообрядцев стали тем решающим фактором, благодаря которому практика правоприменения указа о веротерпимости в отношении «православных христиан старой веры» в этом неспокойном регионе империи выходила за рамки формальных требований закона.

Так как Дегуцкое кладбище и по настоящее время служит местом паломничества старообрядцев Северо-Западного и Прибалтийского края, то местная старообрядческая община решила возобновить на старом месте Молитвенный Храм. Средств у местных старообрядцев немного, а потому они обращаются за посильной помощью ко всем православным христианам старой веры. Возлюбленные братия во Христе! Помогите святому делу возобновить почитаемый скит в «Дегуцях» Новоалександровского уезда Ковенской губернии.

По поручению старообрядцев Новоалександровского уезда, их уполномоченный Садофей Александрович Киселев.

Июль 1906 г.

ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1905. – Д. 392. – Л. 36-37.

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX В.

THE INSTITUTE OF SOCIAL MEDIATORS AND THE ORTHODOX CHURCH IN THE BELARUSIAN PROVINCES IN THE 2ND HALF OF THE XIX CENTURY

УДК – 433

Артем Сергеевич Середа, магистр истотрических наук, аспирант Республиканского института высшей школы (Минск, Белоруссия).
Artiom Sereda. Master of Historical Sciences, a graduate student of the Nation l Ins tute for Higher Educa on (Minsk, Belarus)

РЕЗЮМЕ: Статья посвящена взаимоотношениям Института мировых посредников и Православной церкви на территории белорусских губерний Российской империи. Показаны действия мировых посредников по возрождению и укреплению конфессии, итоги деятельности института в возрождении православия в Белорусских губерниях.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Воспоминания, мировые посредники, Православная церковь, Белорусские губернии

RESUME: The articl is devoted to the relations f the Institu e of social mediators and the Orthodox Church on the territory of Belarusian provinces of the Russian Empire. Shows the actions f global facilitators for the rebirth and strengthening of the denomina on, the results of the ac vi es of the Institu e in the revival of Orthodoxy in the Belarusian provinces.
KEY WORDS: memoirs, social mediators, Orthodox church, Belarusian provinces

Положение православной церкви на территории Белорусских губерний во второй половине XIX столетия – весьма специфическая тема, позволяющая лучше понять причины и ход тех или иных процессов на пограничье Русского мира. В связи с этим вызывает большой интерес взаимодействие церкви, как социального института, с представителями Института мировых посредников – своеобразного учреждения, созданного как для реализации крестьянской реформы 1861 года, так и для решения широкого спектра задач.

Особый интерес при изучении данной проблематики представляет такой вид источников, как мемуары. С одной стороны такой тип источника весьма субъективен и страдает определёнными недостатками. С другой стороны – это очень ценный источник, позволяющий с иного ракурса взглянуть на ход исторических процессов. Мемуары великорусских мировых посредников, впервые попавших из центра на периферию Русского мира, не замешанные в местных региональных процессах, являются весьма ценным источником при изучении проблемы.

Статья во многом строится на информации, взятой из воспоминаний мировых посредников – российских чиновников, присланных из Великорусских губерний на земли нынешней Белоруссии для проведения аграрной реформы после Польского восстания 1863 – 1864 гг. Великорусские мировые посредники – это люди, прибывшие из другого региона, незнакомые с местной региональной ситуацией, с местными людьми и бытом, не втянутые в местные интриги, а посему интересно описывающие многие обыденные явления, в том числе и положение православной церкви. Можно резко возразить о том, что русский мировой посредник не может объективно описывать положение православной церкви, поскольку сам, как русский человек XIX столетия, должен исповедовать православие, всячески разделять и поддерживать позицию своей церкви в регионе. На это стоит возразить следующим образом: 1) мировые посредники прибыли в регион, где межконфессиональные противоречия были гораздо сильнее чем в Великорусских губерниях, противостояние между конфессиями здесь было тесно переплетено с национальным и цивилизационным противостоянием [3,4], что было необычно для посредника, проведшего жизнь в регионах, где такового не наблюдалось 2) элита XIX века (к коей принадлежали и мировые посредники) во многом уже была носителем светского гуманизма (мировоззрения, ставившего религию в жизни человека на второстепенные позиции) – а потому информация, почерпнутая из их воспоминаний, является ценным дополнением к получению комплексной картины противостояния двух конфессий на пограничье Русской и Западной цивилизаций.

Первые впечатления у мировых посредников о религиозной ситуации возникают

сразу же по прибытию в регион. Описание региона и местных жителей часто переплетается с описанием культовых сооружений.

«В селениях, где были православные церкви, я шёл, обыкновенно, в дом священника и знакомился. Духовенство это жило бедно и приниженно; во время восстания оно натерпелось немало страху от повстанцев; несколько священников Минской губернии было даже повешено за свою преданность русскому правительству. Деревянные церкви в селениях были тоже очень бедны и ветхи… Даже в Борисове, городе большом и населённом, православный собор был деревянный и очень бедный; единственное украшение его снаружи состояло из старых, громадных, пирамидальных тополей. Как бы в противоположность православным, всегда поблизости их стоял грандиозный польский костёл, непременно красивый, каменный, просторный, с каменными же постройками для ксендзов (плебанством), с роскошным садом»[1].

Таким образом, уже при первом, беглом взгляде, посредники отмечали крайнюю нищету и приниженность православной церкви, и в то же время шикарное преобладание католической конфессии.

Вступив в должность и, по долгу службы, более пристально взглянув на ситуацию в регионе, мировые посредники не только убеждались в правдивости первых впечатлений, но и лицезрели более масштабную картину в этом.

В. П. Березин так описывает свои ощущения от вида православной церквушки в той волости, в которой он должен был работать:

«Против окон…стояла небольшая и старая постройка вроде амбара, но с двумя-тремя маленькими окнами из мелких стёкол и маленьким деревянным крестом на ветхой, поросшей мохом тесовой крыше. Этот крест на покривившейся от старости постройке и рядом стоявшая не то вышка, не то голубятня из на четырёх покривившихся столбах с двумя-тремя колокольчиками наверху – вызвали у меня вопрос: неужели эти полуразвалины – православная церковь с колокольней? Две-три могилки около церкви убеждали, что я вижу действительно церковь, но изумление было так велико, что я не хотел этому верить.

– Неужели же в ней служат? Ведь она когда-нибудь задавит священника и народ!

– Звестное когда и задавить может, але все служат; да у нас в округе везде такие[2].

А вот его же описание сельского костёла:

«Я посмотрел в указанном направлении и увидел громадный костёл, вблизи каменных построек, «плебаний»; напротив величаво высился на горе дворец в четыре этажа.

– Хотя бы в столицу такой костёл – заметил я невольно, любуясь красотою и грандиозностью здания.

– Да, вон какую громаду выстроил пан, а для крестьян, шельма, даже простой деревянной церкви не выстроил, хотя по закону и должен был»[3].

Причины такого превосходства католического вероисповедания над православным заключаются в следующих моментах.

Во-первых: наследие Речи Посполитой – некогда пришлая польская и местная ополяченная шляхта, составляя местную элиту общества, всеми правдами-неправдами поддерживали католичество и униатство, мешая при этом возрождению и укреплению православной веры

Во-вторых: существующий в российской империи закон о свободе вероисповедания не позволял прямо притеснять католичество и насаждать православи[4]. Так В.П. Березин вспоминал, что, несмотря на некоторые докладные записки сельских старшин, которые требовали перехода католиков в православие, он не мог ничего поменять, «зная основной государственный закон о свободе вероисповеданий и понимая, что к православию возможно только путём нравственных убеждений духовенства, а ни никак не посредством требования волостного правления»[5].

1. Березин, В. П. Восемь лет в Северо-западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т.242. – №№1, 3 ,4, 7 ,11, с.153

2. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.,с.151

3. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.,с.153

4. Основные государственный законы // Свод законов Российской империи. Т.1, ч.1 СПб., 1857.Ст.44 – 45; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных// Свод законов Российской империи. Т.11. Ч.1. СПб., 1857.

5. Березин, В. П. Восемь лет в Северо-западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т.242. – №№1, 3 ,4, 7 ,11.,с.170-171

В-третьих: местная шляхта и чиновничество до Польского восстания 1863–1864гг. проворачивали немало преступных афер и спекуляций с целью принижения православных верующих и священников, шантажируя и вымогая, спекулируя с документацией, завышая сумму средств, необходимых для содержания католических храмов.

Обратимся к воспоминаниям:

«..Паны и экономы внушали крестьянам, что «ксендза плебана потшеба для пана, а попа для жаднэго хлопа» («плебания ксендза – нужна пану, а поп – для жадного холопа» – изысканное оправдание как превосходства католицизма так и второстепенности православия), и крестьяне, смущаемые этим догматичным изречением, тянулись в костел, а не в церковь. Православные храмы пустели, польские же костёлы были полны народу…»[6].

– Свидетельством материального поощрения крестьян-католиков, равно как и перешедших из православия в католичество, является следующий факт: «Прежде обыкновенно практиковалось у всех панов прижимать «быдло», а как перейдёт в католичество – отличная изба, отличная пара или две волов, землю переменят на лучшую, ну и переходили некоторые; теперь после мятежа, опять ходят в православные церкви…».[7]

Мошенничество по поводу выделяемых государством средств также не обошли стороной внимание посредников:

«За несколько лет до мятежа по ходатайству… на постройку новых православных церквей в этой губернии и на поправку старых правительством было ассигновано сто тысяч рублей. Хорошо. Проходит два-три года, и протопоп наш из города С. довёл до сведения кого следует в Петербурге, что эти сто тысяч употреблены на католические костёлы, а вовсе не на православные церкви…По этому рапорту из Питера был послан для расследования тайный советник …ский, который и донёс, что протопоп говорит неправду….Протопопа, раба Божия, лишили прихода и сослали на Соловецкий монастырь; только уже после мятежа Муравьёв дознал и убедился, что протопопов писал правду, и на сто тысяч не выстроено и не поправлено ни одной православной церкви. А употреблены эти деньги на католические костёлы.[8]

Выжимало деньги из казны католическое духовенство и путём, описанным Н. В. Гоголем в бессмертном произведении «Мёртвые души» – обратимся к источнику:

«Начальник края обратил внимание на поразительно разногласие сведений о количестве православного и католического населения, доставляемых казёнными палатами. Чинами полиции и крестьянскими учреждениями. Насколько велика была разница в цифрах – это выясняется следующим примером: в моём участке, по имевшимся у меня сведениям, было более 12 тысяч душ православных крестьян, а католиков из них около 800 душ; по сведениям же казённой палаты число католиков равнялось количеству православных»[9]. При поверке оказалось, что из 800 душ католиков, прихожан этого великолепнейшего костёла оказалось действительных всего 67 человек, несколько дворов шляхты, да и то часть – давно умершие.

Естественным итогом такового мошенничества стали тяжёлые бытовые условия православного духовенства.

«Мы…вошли в низенькую и мрачную комнатку с кривыми стенами, оклеенными дешёвыми обоями…Комнатка тускло освещалась двумя небольшими окнами со множеством мелких кусочков стёкол, зачиненных толстыми полосами замазки. В комнатке были старый диван, два-три кресла и несколько разнокалиберных стульев, два стола и образница в углу с горящей лампадкой, два литографированных портрета Государя и Государыни – вот и всё убогое убранство убогой комнаты; к этому нужно прибавить, что сильно пахло сыростью и гнилью, не заглушаемыми слабым запахом ладана. Вся обстановка была более, чем бедна, и смотрела очень печально».

– Я никогда и представить себе не мог, чтобы священники где-нибудь могли жить в таком помещении.

– Что делать, приходится всё переносить. Конечно, иногда больно очень становится, как вспомнишь, как зажиточно, правильнее сказать – роскошно живут ксендзы в сво-

6. Березин, В. П. Восемь лет в Северо-западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т.242. – №№1, 3 ,4, 7 ,11.,с.555

7. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.,с.154

8. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.,с.153-154

9. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.,с.175

их каменных плебаниях, ну, а потом пообдумаешься и скажешь. Что ничего без воли Божией не устрояется – и терпишь[10].

Естественно, что и моральное отношение со стороны шляхты по отношению к православным священникам было соответствующее:

«Тяжело нам жилось…так тяжело, что и вспомнить страшно. Вы сами посудите: до 1861 года мы, священники, в действительности, как и крестьяне, вполне зависели от помещиков, которые нас унижали и притесняли всячески и во всём. Чтобы получить несколько возов дров на зиму, приходилось не однажды кланяться пану и вымаливать, истинно вам говорю, вымаливать, у него необходимое топливо, да и выдавалось оно после того, как он всласть удовлетворится унижением священника; а нечего делать идёшь за дровами, потому что у крестьян своего леса не было, а дрова были нужны…Они, паны-то эти, вот как относились к нам – с горестью в голосе прибавил священник: бывало придёшь к нему с храмовым или другим годовым праздником поздравить, например в Рождество Христово или на святую пасху, так и не примет даже, а просто вышлет с лакеем в прихожую рубль или два, налитую рюмку водки да кусок кулича или хлеба, и ступай себе… А не пойти с поздравлением и думать не моги. Потому что пан сейчас обидится и будет притеснять; а если уже очень гонор его заговорит, то и будет просить владыку убрать священника»[11].

Все эти меры приводили к тому, что православие мало-помалу вновь уступало свои позиции католичеству. Обратимся к свидетельству:

Православные храмы пустели, польские же костёлы были полны народу…И это в местечках; о городах же и говорить нечего. Тогда некоторые православные священники, из бывших униатов, чтобы удержать за собой разбегающуюся паству, прибегли к следующему малодушному приёму: в русских церквах они, понемногу, стали вводить обряды прежнего униатского богослужения…Ещё в 1864 году, т.е. спустя год после восстания, я, во время пребывания в Борисове, встретил в православном соборе, во время всенощной, употребление колокольчиков, и священник, при земных поклонах, падал на землю «кршижем»(крестом)… Всё было рассчитано на эффектное преимущество перед православием, насаждённом здесь лишь со времени обращения униатов, при митрополите Виленском Иосифе Семашко; но православие это пришлось не ко двору Литве и Белоруссии, и с течением времени неофиты ополячивались по-прежнему; иезуитско-польская пропаганда делала своё дело искусно и успешно, и край, мало по малу, утрачивал свой русский облик… Не случись восстания (Польское восстание 1863 – 1864гг.), то через какие-нибудь десять-двадцать лет, великое дело Семашко погибло бы бесследно».[12]

Можно сказать, что великорусские мировые посредники столкнулись с печальной картиной после окончания восстания 1863 – 1864 гг.

Правительство приняло меры. Новые порядки предусматривали основательное закрепление православия в регионе, и на мировых посредников частью была возложена эта задача. Православные священнослужители, как те, которые жили в Белорусских губерниях ранее, так и новоприбывшие, стали находиться под защитой посредников, исполнявших в сельской местности ряд судебно-полицейских функций. Мировой посредник организовывал ремонт старых и постройку новых церквей, жилья для священников и их семей, защищал от обид[13], как на землях бывших частновладельческих, так и государственных крестьян – в перечне предметов ведомства палаты Госимуществ написано, что мировым посредникам переданы дела по: «...удовлетворении приходского духовенства всем определённым ему по закону содержанием; устройстве церковных домов для жительства лиц приходского духовенства; об отвращении нарушения спокойствия веры…расколами и ересями.[14] Указом от 15 апреля 1864 года за №8149 палата Госимуществ вместе с лесным департаментом объявили о бесплатном «предоставлении лесных материалов для постройки священникам домов и церквей и для отопления их». В обязанность мировым посредни-

10. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.с.151-152

11. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.с.152-153

12. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.,с.555-556

13. Об обеспечении сельского православного духовенства содержанием и угодьями (1864 – 1865) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд №2219 – Оп.1 – Д.10, л.12

14. О передаче государственных крестьян в ведение мировых учреждений и о назначении волостных и сельских должностных лиц (1866 – 1867гг.) //Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – НИАБ – Фонд 2219 – Оп. 1 – Д. 19.,л.7-16

кам было вменено право обращаться с заявлением в соответствующие инстанции об отпуске древесины.[15]

В этом отношении мировые посредники активно сотрудничали (как и по всем остальным обязанностям) с Губернским правлением и полицией. Как видно, посредники сделали немало для создания благоприятных условий по возрождению православия на землях нынешней Белоруссии.

Все эти меры неотрывно связаны были с Виленским генерал-губернатором Михаилом Николаевичем Муравьёвым. Поэтому когда в 1865 году Муравьёва сняли с должности, то у части польской шляхты и католического клира появились надежды на лучшее и вскоре «повстанческие идеи» вновь взбудоражили католический клир. Обратимся к воспоминаниям посредников:

«Едва пришла весть о смене Муравьёва, как один ксёндз в моём участке, в 10 – 15 верстах от губернского города, во время богослужения в костёле, сказал проповедь в духе мятежа и крамолы и возмутительно отозвался о Государе… Само собой разумеется, что об этом, благодаря многочисленным в уезде солдатам, узнано было в тот же день и донесено куда следует. Это дело было поведено быстро, и благодаря массе показаний…закончено и представлено на конфирмацию нового начальника края вскоре после прибытия его в Вильно.

Местный католический епископ, как говорили, написал К.П. Кауфману частное письмо, в котором «как служитель Христа, заповедавшего людям милость, любовь и всепрощение», он ходатайствовал о помиловании «легкомысленного» ксендза. На это письмо епископ получил от начальника края официальное письмо, в котором К. П. Кауфман уведомил о высылке ксендза в Пермскую губернию на двенадцать лет»[16].

Католическое духовенство также активно использовало крестьянство в борьбе против православной церкви. Осознавая свою власть над религиозным и суеверным крестьянством, не желая упустить влияния над паствой, католический клир шантажом и пропагандой заставлял крестьян отказываться от православия самыми разнообразными способами.

Ярким примером заведомо ложных сведений для возвращения в католичество служит дело «упорствующих» в латинстве Минского и Игуменского уездов. В 1868 – 1869 гг. на имя минского губернатора Е.А. Красинова стали поступать жалобы жителей этих уездов о якобы насильственном присоединении их к православию. Жалобы «упорствующих» Минского уезда из Волмянского прихода содержали стереотипный набор тяжких обвинений в том, что казаки, размещённые в этой местности в 1866 г., умышленно разоряли своими поборами хозяйства просителей, не желавших присоединиться к православию. Затем те же казаки в пьяном виде гнали католиков нагайками в Православную церковь, где их заставляли исповедоваться и причащаться у православных священников. В насилиях над католиками в Игуменском уезде обвинялись мировой посредник Болотин и становой пристав Плахов, а также казаки, которые, принуждая принять православие, «били нас беспощадно». Указав на недопустимые меры, предпринимаемые для принятия господствующей веры, жалобщики просили вернуть их в католичество. Произведённое расследование выявило, что автором этих леденящих душу историй был писарь Коломенского пехотного полка К. Зубков, который за деньги сочинял крестьянам жалобы, призванные убедить начальство в незаконном присоединении их к православию. За это писарь был посажен в карцер на 8 суток, а жалобы крестьян, после внушения в полиции, были оставлены без последствий.[17]

Этот случай показывает то, что вместе с прежними притеснениями православного духовенства предпринимались попытки повредить работе мировых посредников – тех людей, которые прямо защищали православное духовенство от интриг католического клира.

Однако после предпринятых мер попытки пропаганды католическими ксёндзами сошли на нет.

Подводя итоги, можно говорить о следующем.

Направленные для проведения аграрной реформы в 1860-х гг. на территории нынешних белорусских губерний русские мировые посредники столкнулись с крайне плачевным состоянием православной церкви в регионе. Здесь, в пограничном регионе

15. Об обеспечении сельского православного духовенства содержанием и угодьями (1864 – 1865)// Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд №2219 – Оп.1 – Д.10.,л.12

16. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.,с.198

17. А. Ю. Бендин. Проблемы веротерпимости в северо-западном крае Российской империи (1863 – 1914гг.). Минск. БГУ, 2010, с.59

Русской цивилизации, возрождение и распространение православия тормозилось, главным образом, из-за противодействия местной польской верхушки, состоявшей в основном, из шляхты и католического клира. Однако решительные изменения политики правительства в регионе после восстания 1863 – 1864гг., привели к возрождению православия в регионе – большая заслуга в этом принадлежит и мировым посредникам. В итоге к концу XIX в. православная церковь стала господствующей религией в регионе, каковой является и по сей день.

Список источников и литературы:

1) А. Ю. Бендин. Проблемы веротерпимости в северо-западном крае Российской империи (1863 – 1914гг.). Минск. БГУ, 2010

2) Березин, В. П. Восемь лет в Северо-западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т.242. – №№1, 3 ,4, 7 ,11.

3) Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

4) Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

5) Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.

6) Об обеспечении сельского православного духовенства содержанием и угодьями (1864 – 1865)// Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд №2219 – Оп.1 – Д.10.

7) Основные государственный законы // Свод законов Российской империи. Т.1, ч.1 СПб., 1857.Ст.44 – 45; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных// Свод законов Российской империи. Т.11. Ч.1. СПб., 1857.

8) О передаче государственных крестьян в ведение мировых учреждений и о назначении волостных и сельских должностных лиц (1866 – 1867гг.) //Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – НИАБ – Фонд 2219 – Оп. 1 – Д. 19.

7. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. – СПб., 1842. – Т. 14. – Ст. 60.

8. «Государственный закон не признает раскольников в качестве отдельного вероисповедания, как не имеющих законного духовного начальства, а только впадшими в заблуждение и непослушание Православной церкви, к которой от предков принадлежали». См: Собрание постановлений по части раскола. – СПб., 1858. – С. 684; «Под именем раскольников разумеется ряд сект, отлучившихся в свое время от Православия, не признаваемых государством и отчасти нетерпимых». См: Градовский А. Д. Начала русского государственного права. / Собр. соч. – СПб., 1901. – Т. 7. – С. 338.

РЫЦАРЬ РУССКОГО ОБРАЗА. ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ ХАТЮШИНА.

.

KNIGHT OF RUSSIAN TYPE. NOTES ON THE POETRY OF VALERY KHATYUSHIN.

УДК – 82.09

Анатолий Юрьевич Аврутин, поэт, публицист, литературный критик, член Союза писателей России, почетный член Союза писателей Беларуси, член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств (Минск, Белоруссия).

Anatoly Avru n, poet, publicist, literary cri c, member of the Writers 'Union of Russia, honorary member of the Writers' Union of Belarus, corresponding member of the Russian Academy of Poetry and the Petrovsky Academy of Sciences and Arts (Minsk, Belarus).

РЕЗЮМЕ: В статье рассматривается творчество современного русского поэта Валерия Хотюшина, анализируется «лаборатория» поэта, и те «ингредиенты», из которых поэт составляет свои творения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская литература, поэзия, музыкальность стиха.

RESUME: In the article the ork of the contemporary Russian poet Valery Hotyushin is considered, the "laboratory" of the poet is analyzed, and those "ingredients" from which the poet composes his creations

KEY WORDS: Russian literature, poetry, musicality of verse.

Более «русского» поэта, чем Валерий Хатюшин в современной русской словесности назвать трудно. Я имею в виду не только давным-давно очерченную поэтом гражданскую позицию (в данном случае — не это главное), а врожденную, генетическим слухом уловленную приверженность традициям именно русского стихосложения, когда душа поэта, ранимая и терзаемая происходящим вокруг, являет себя читателю во всей своей незащищенной обнаженности, будто вывернутая наизнанку. Без ёрничанья и кривляний. Без коверканья русской речи. Без насмехательства над реалиями бытия. С болью из-за них, болью нестерпимой и тут же передающейся истинному читателю — да, но, разумеется, без злорадства и печеринского «как сладостно Отчизну ненавидеть», етысячекратно осовремененного, но от этого не потерявшего своей русофобской сути разного рода орлушами и быковыми… В изящной словесности сегодня тоже, увы, засилье «либералов», для которых слово «Родина» сродни страшилке, а само творчество понимается ими как нечто среднее между игрой в буриме с непременным коверканьем русской речи, покуриванием кальяна и ловлей покемонов…

Поэтика Валерия Хатюшина зиждется совсем на других основах. Она впитала в себя и тютчевскую раздумчивость, и лермонтовскую тоску, и блоковскую любовь к женщине, и умение по-есенински удивляться каждой березке…При этом поэт в лучших образцах своей философской лирики всегда остается самим собой, с только ему присущей, хатюшинской, манерой и узнаваемым поэтическим голосом:

Ну вот, и пережил я это лето.
Теперь и осень как бы пережить…
Пусть за окном померкшим до рассвета
Унылый дождик будет моросить.

Пусть ничего кругом не происходит,
Дожди и ветры пусть одни шумят.
Для сердца есть покой в плохой погоде,
Когда ничем не растревожен взгляд.

Пусть за окном дрожит и гнется ива
Под хмурым небом, от дождя темна.
Над ней ворона пусть летит лениво,
И лишь не шелохнется — тишина.

Когда осточертеет всё на свете
И станет всё таким ненужным тут,
Лишь ива за окном, лишь дождь и ветер
Покинуть эту землю не дадут.

Какая пронзительная печаль в этих строках. Сколько в них одиночества и, казалось бы, почти беспросветной тоски… Но… «Лишь ива за окном, лишь дождь и ветер» — эти малоприметные в суете жизни вещи заставляют хатюшинского героя (не воспринимаю совкового слова «лирический») продолжать жить и бороться…

Вообще, в лирике Валерия Хатюшина последних лет печаль, пусть и светлая, ничем не омрачающая сознание читателя, присутствует все настойчивее. Груз прожитого и выстраданного и утраты, утраты, утраты… Поэт не умеет лгать и притворяться, а потому и строка его, становясь всё мудрее, просветляет нам нынешний облик автора — эдакого «рыцаря печального образа», только не донкихотствующего, а продолжающего сражаться с отнюдь не ветряными мельницами русофобии, лжи и несправедливости. Понимающего, что силы не равны, зло одолевает, но все равно до конца надеющегося на лучшее, на то, что Господь не оставит и светлое пробьется через мрак:

Когда уходят ласковые дни,
Ты знаешь — это жизнь уходит с ними.
И ты по ним без ропота вздохни.
Тоска смертельной немощи сродни.
Гони ее минутами слепыми.
Когда уходят ласковые дни…

Что ж, может быть, последнее тепло
Тебя хранит последним этим летом.
Пока оно еще не истекло,
И солнце лишь на краткий миг зашло,
Чтоб растопить тоску твою с рассветом.
Да, может быть, последнее тепло…

Валерий Хатюшин

Впрочем, до «последнего тепла» автору, не сомневаюсь, всё же далеко…Он это и сам внутренне прекрасно осознает, ярчайшим подтверждением чему является светлое чувство пусть мимолетной и даже не любви, но влюбленности, любовной озаренности, если хотите, которое присуще исключительно мудреющим с возрастом, но не потерявшим умения обожать людям:

Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
В летящем под землей вагоне
Глаза в глаза — вдвоем стоим.
Мы под землей летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
Нигде не связаны ничем.

Летит вагон. Чужие люди,
Уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
Что видел я лишь только раз
Ее глаза… На остановке
Я через круг сойду во тьму,
С чужим плечом столкнусь неловко,
Став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
Мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
Летящий свет, свистящий мрак.
Ждем неизбежную разлуку
Мы, отраженные в стекле.
И всё еще летит по кругу
Небесный взгляд в подземной мгле…

Почти никогда не цитирую стихи целиком, выбирая лишь наиболее знаковые строки. Но здесь поймал себя на мысли о том, что частичное цитирование этого удивительного стихотворения попросту невозможно — каждая последующая строка цепко хватается за предыдущую и одновременно является безусловным началом последующей… Убежден, что перед нами еще не оцененный толком современниками шедевр, который по силе звучания, философской глубине и пронзительности чувств можно смело включать в сокровищницу русской словесности.

К лучшим образцам отечественной любовной лирики можно, безусловно, отнести еще одно хатюшинское стихотворение. Пусть оно очень и очень личное, что лишь подчеркивает тот факт, что своему читателю автор доверяет безгранично:

Нас тоже на свете любили…
Два царских подарка мне были.

Два имени связаны с ними,
Душою навечно хранимы.

Два самых заветных подарка,
Под солнцем сияющих ярко.

Две шумно зовущих стихии
В сердечной моей ностальгии.

Как два неизбывных свиданья,
Как два неразрывных названья…

Балтийское море — Татьяна
И Черное море — Оксана.

Неизбывная печаль по двум дорогим сердцу женщинам… Думаю, читая эти стихи, мало кто просто безразлично скользит глазами по строчкам…

Знатоки и ценители поэзии Валерия Хатюшина давно заметили, что философская лирика его удивительно музыкальна. Как музыкальна сама душа русского народа. Не удивительно, что многие творения поэта прекрасно ложатся на музыку и часто стано-

АСПЕКТ 2017 №2(2) «Февраль 1917-го в судьбах народов Российской империи и Русской православной церкви

вятся песнями. Поэт в одной из своих заметок как-то обмолвился о том, что музыка в человеческой жизни является реальным проявлением Бога, имеет духовное происхождение, поскольку исходит не из сознания, а из души, является частицей Божественного (Святого) Духа. А заодно напомнил, что уже сами названия нот многое объясняют:

Do — Dominus — Господь;

Re — Rerum –материя;

Mi — Mirakulum — чудо;

Fa — Familias Planetarum — Солнечная система;

Sol — Solis — Солнце;

La — Laktea Via — Млечный Путь;

Si — Siderae — небеса.

Иными словами, если я верно истолковал мысль автора, музыка, а следом за ней — и поэзия, это привнесение, согласно Божьему промыслу, небесного чуда в нашу материалистическую реальность… И чудо это вполне может реализоваться в совершенно заурядных и доступных каждому мгновениях бытия. Например, во время нечастой встречи с приятелем на берегу речушки, когда души раскрепостились от общения с природой и мир воспринимается чуточку иначе:

…Не пьем давно, а хочется
По малому глотку…
И вот душа-пророчица
Развеяла тоску.

…Граненые стаканчики.
Последний майский день.
Опали одуванчики,
Осыпалась сирень…

Стихи, несмотря на всю филигранность строки, разумеется, по своей масштабности заметно отличимые от цитированных выше. Но ведь не из одних же недоступных вершин состоят горы…

Впрочем, повторюсь, печали в стихах Валерия Хатюшина последних лет достаточно много и его герой, едва насладившись маленькой радостью еще острее понимает, что время неумолимо, и вот-вот «истает этот нежный день, // иссякнет трав благоуханье,// плаксивых туч немая тень// загасит озера сиянье…» А потом:

И долгий холод, серый цвет
Откроют вам свои объятья.
И клину белому вослед
С былой тоской взгляну опять я…

Или вот это:

Опадают листья, опадает жизнь,
Всё уходит в вечность — больно, неизменно.
В мире этом бренном сколько ни кружись,
Обратишься в землю, а земля — нетленна.

Как видим, несмотря на всю внешнюю беспросветность стихотворения, для автора очень и очень важна нетленность родной земли. Именно поэтому свет в конце тоннеля всё же брезжит:

Прошумят и стихнут желтые дожди,

И с метелью первой облетят березы…

Всё еще надеюсь — в дышащей груди

Не остудят сердца белые морозы…

Существует давний спор о том, когда же и в чем больше всего проявляется суть поэзии. Очень многие утверждают, что поэзия — это когда красиво. Может быть, но меня такое творчество интересует мало. По мне поэзия — это когда от прочитанного душу что-то пронзает… Когда становится внутренне больно, а порой и страшно… Именно поэтому мне столь близка философско-любовная лирика Валерия Хатюшина, в которой всё это присутствует в полной мере. Как и умение даровать читателю счастье хоть немного проникнуть во внутренний мир поэта, к чему столь часто стремятся истинные ценители русской словесности.

Возникает естественный вопрос — почему же при очевиднейшей одаренности автора, наличии в его творческом багаже столь ярких произведений и достаточно широкой личной известности анализу его творчества критика уделяет столь мало внимания? Ведь современных авторов, чью лирику можно поставить на одну доску с процитированными выше стихами, легко перечесть по пальцам одной руки. Да и то не все пальцы понадобятся… Проще всего в качестве ответа процитировать произнесенные еще четыре столетия назад слова великого английского поэта и драматурга Джозефа Аддисона: «Из всех представителей рода человеческого зависти и злословию более всего предаются плохие поэты…» Или знаменитое блоковское: «Здесь жили поэты и каждый встречал другого надменной улыбкой…» И это будет правда… Только не вся, и об этом тоже следует сказать. Ибо сегодня в литературе, раздробленной на группки и низведенной по уровню организации до клубов по интересам, очень часто главенствует принцип — наш-не наш… Гением, а, следовательно, признанным и скрупулезно анализируемым, может быть признан лишь автор из своей тусовки. У других тусовок — свои корифеи и классики… Чаще всего широкий читатель не знает ни тех, ни других.

Собственно, теперь, в нынешней ситуации, до русской литературы как мирового феномена — одного из самых значительных явлений, которые дала миру Россия, уже почти никому нет дела. А поскольку Валерий Хатюшин — персона, в литературном сообществе (сообществе ли?) известная своей непримиримостью к «либерально-демократической колонне» и к навязанным ею общественным процессам, при которых русская культура, русская традиция, русская песня и, в конечном итоге, русская душа обречены на попрание и уничтожение, — этими силами делается всё возможное, чтобы замолчать, принизить, оболгать творчество замечательного поэта.

Справедливости ради отмечу, что Валерий иногда сам нарочито «подставляется», когда в его стихах социальной направленности нет-нет да и проскакивают слишком откровенные словечки в адрес людей, которых он искренно, всей душой ненавидит. Понимаю — достали, сил нет… Но так ли уж необходимо было в стихах (!) вопрошать, не ужалена ли, извините, в задницу пресловутая госпожа Новодворская?..

Валерий Хатюшин — не просто поэт. Сегодня его имя олицетворяется со старейшим в России литературно-художественным журналом «Молодая гвардия», редакцию которого он возглавил в наиболее трудный для издания момент. Возглавил и с честью ищет и находит пути для сохранения издания. Не продавая при этом страницы журнала под публикации творений богатеньких, но бездарных авторов, как это от безысходности порой делают некоторые его коллеги…

Впрочем, для творца разного рода схватки идей и мнений, поддержка тех или иных процессов в обществе или, наоборот, их крайнее неприятие, дело вполне обыденное. Так в русской литературе было во все времена. Достаточно вспомнить непримиримые схватки «западников» и «славянофилов» еще в пушкинскую эпоху… Время всё расставляет на свои места, и сегодня книги многих, некогда непримиримых, идейных противников мирно соседствуют на одной полке, владельцы которой порой и не знают о взаимоотношениях их авторов. Главное — написанное, то, что останется потомкам… А потому не сомневаюсь, что спустя десятилетия пронзительная лирика Валерия Хатюшина будет восприниматься в одном ряду с лирикой лучших русских поэтов — от Баратынского до Рубцова. Потрясая читателей чистотой чувств, пронзительностью и правдой…

Журнал «Аспект» - международное электронное периодическое издание, предназначенное для публикации произведений в области социальных и гуманитарных наук.

Журнал издается совместно :

- «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Сѐбија) www.carsa.rs
- Сетевой научно-просветительский проект "Западная Русь" (Минск) http:// apadrus.su

Доступ к изданию: Сайт журнала — http:/ aspects.su/

Периодичность выпуска: ежеквартально (четыре номера в год).

Журнал зарегистрирован **Национальным ISSN центром Сербии**

при Национальной библиотеке Сербии в Белграде:

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Сѐбија

aspect.journal@gmail.com

Главные редакторы:

- Зоран Милошевић, доктор социальных наук, директор «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Сѐбија);
- Игорь Федорович Зеленковский, член Союза писателей России, руководитель научно-просветительского проекта «Западная Русь» .

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN **2560-3752** (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

ISSN INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић

Редакционный совет:

- Александр Юрьевич Бендин, доктор исторических наук (Минск)
- Александр Викторович Гегальчий, публицист, попечитель Международного фонда «Русская премия»(Прага)
- Александр Дмириевич Гронский, кандидат исторических наук (Минск)
- Александр Александрович Киселев, кандидат исторических наук (Минск)
- Анатолий Юрьевич Аврутин, поэт, член Союза писателей России и Беларуси (Минск)
- Валентина Анатольевна Теплова, кандидат исторических наук (Минск)
- Всеволод Владимирович Шимов, кандидат политических наук (Минск)
- Кирилл Владимирович Шевченко, доктор исторических наук (Минск)
- Юрий Глебович Аверьянов, историк, публицист (Москва)

Правила представления авторами рукописей:

1. Рукописи публикаций в журнале «Аспект» (далее – Журнал) представляются авторами по электронной почте с помощью встроенной формы по адресу aspect.journal@gmail.com

2. Рукопись предоставляется в редакцию на русском, сербском, английском языках в формате doc или r . Параметры оформления: размер листа А4, ориентация страницы – книжная, сноски — концевые, список литературы в конце. Обязательно указание УДК статьи. Название статьи на языке автора, русском и английском, ключевые слова на языке автора, русском и английском, аннотация на языке автора, русском и английском. Также к статье в отдельном файле подается фотография автора, информация об авторе на языке автора, русском и английском,

инициалы, фамилия, на языке автора, русском и английском.

Иллюстрации пронумерованы и соответствуют отдельно приложенному списку иллюстраций, указанных в тексте.

3. Материалы, поступающие в редакцию, проходят научную экспертизу. Рецензии автору не высылаются. Редакция вправе отказать в опубликовании статьи без объяснения причин. Плата за публикацию не взимается. Гонорары авторам не выплачиваются. Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редакции журнала.

4. В случае принятия решения о публикации материала в Журнале редакция сообщает об этом автору (авторам) по электронной почте. Затем им высылается файл с текстом, прошедший редактуру. В случае согласия на публикацию материала в Журнале в таком виде, автор (авторы) пересылают в редакцию скан текста со своей подписью. По опубликовании статьи автор получает уведомление об этом и актуальную ссылку.

Правила пользования журналом

Полное или частичное воспроизведение публикаций в любой форме возможно только с официального разрешения редакции и с обязательным указанием источника (при размещении в сети Интернет активная и индексируемая ссылка обязательна).

ASPECT - Humanities and Social science magazine.

It published four issues a year.

Magazine website: http:/ aspects.su/

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs
- Scientific d educati nal project "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editor in Chief:

- Zoran Milosevic Doctor of Social Sciences, Director "Center for Academic word"(Belgrade)
- Igor F. Zelenkovsky, member of the Union of Writers of Russia, head of the project "Western Russia"

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

aspect.journal@gmail.com

Editorial Council:

- Alexander Y. Bendin, Doctor of Historical Sciences (Minsk)
- Alexander Gegalchy, publicist, Trustee of the International Fu d "Russian Award" (Prague)
- Alexander Dmirievich Gronskii, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Alexander Kiselev, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Anatoli Yurevich Avrutin, oet, member of the Union of Writers of Russia and Belarus (Minsk)
- Valentin A. The heat, Candidate of Historical Sciences (Minsk)
- Vsevolod Shimov Candidate Politi al Science (Minsk)
- Kirill Shevchenko, Doctor of Historical Sciences (Minsk)
- Glebovich Yury Averyanov, historian, publicist(Moscow)

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN **2560-3752** (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић